

РУСЛАН ГАЛКА

ЦИФРОВЫЕ ДУШИ

РОМАН
БЭНГЕР
DIGITAL CONTENT

Руслан Галка

ЦИФРОВЫЕ ДУШИ

Роман-бэнгер

Москва
2020

УДК 84(2)
ББК 82-313.2
Г160

Галка Р. В.

Цифровые души: [роман] / Галка Руслан Витальевич.— М.: 2020. — 190 с.

ISBN 978-5-6044238-5-1

Главный герой, руками которого в виртуальной реальности несколько лет создавалась искусственная правда, решается на главную в жизни битву - за честность с самим собой и настоящую любовь.

К чему приведет эта борьба, если реальность – отражение его же действий в Сети? Если невозможно отличить, где люди, а где – профили в социальных сетях? Если мощнейшим оружием пропаганды стали придуманные враги Родины, и только деньги и смерть реальны?

16+

ISBN 978-5-6044238-5-1

© Руслан Галка, 2020

You call it madness, but I call it Love.

Nat King Cole

Глава 1

— Разрешите переходить к ключевым показателям?

— Да, Юра, давай.

— За прошедший месяц основной Рой вырос на шесть процентов. Англоговорящий — на два. Китайский Рой из-за контрдействий правительства КНР уменьшился втрое. По последним данным, проблемы в Евросоюзе тормозят финансирование и запуск аналогов нашего проекта. Мы на втором месте после американцев, китайцы на третьем, — молодой мужчина замолкает. Голубые, но мутные, как у мертвой рыбы глаза отрываются от папки с цифрами и графиками, и буквально все тело замирает, ожидая реакции собеседника.

Просторный кабинет. В нем царит полумрак, не дающий оценить размер помещения. Мощности единственного источника света, антикварного типа лампы, едва хватает на пустой массивный стол с зеленым сукном, бутылку виски, да лица говорящих. Пахнет, как в дорогом театре: старостью, буфетом, деньгами и интригами. Плотные бархатные шторы, висящие на огромных окнах, не пускают тщедушное весеннее солнце. Из-за этого комната еще больше похожа на театральную сцену. На ней, то есть за столом — двое.

Закончивший говорить — Юрий Смирнов. Слегка за сорок, подтянут. Короткая стрижка маскирует едва заметную

залысину. Белая рубашка и темно-синий костюм. Пиджак, словно китель зашторенный на все четыре пуговицы, и туго повязанный невзрачный галстук, сдавливающий покрасневшую, свежевыбритую шею, создают впечатление, что их владельцу совсем не нужен воздух, или он может дышать не в полную силу легких. Идеально ровная осанка выдает в нем бывшего военного или сотрудника спецорганов, привыкшего к длительным совещаниям, а может — к сидению в наружке. Сейчас он занимает только край сиденья стула, то ли стесняясь занять весь, то ли делая вид, что стесняется.

Собеседник — полная противоположность. Подвижный толстяк, на правах хозяина кабинета развалившийся в огромном кресле и потягивающий из бокала элитарный виски. Взъерошенные седые волосы и тонкие интеллигентные усики позволили бы пройти без конкурса на позицию заведующего гуманитарной кафедрой в любом университете, если бы не холодный сосредоточенный взгляд, обладатель которого явно не склонен к полету в облаках. Там, где у большинства людей находится шея,— два подбородка, будто две жировых подушки безопасности поддерживают голову от падения на широкую грудь.

Он отхлебывает виски и держит его во рту словно жидкость для полоскания рта.

— Хорошо,— после длительного молчания наконец-то реагирует толстяк на слова Юрия.

— Разрешите идти, Николай Иванович?

— Да, можешь быть свободен. Хотя, подожди,— начальник останавливает Смирнова,— поздравляю тебя с повышением! Надеюсь, справишься лучше неудачника Калачева. Он разочаровал меня и наших кураторов. Вряд ли ты в курсе, но я рассматривал его как преемника и хотел, чтобы он возглавил Агентство после моего выхода на пенсию.

— Не знал. Благодарю за поздравление! Надеюсь, не подведу,— Юрий уже вроде бы готов выйти из кабинета, но решается продолжить.— Считаю, Дмитрий Калачев

не виноват в случившемся провале. Не его вина, что корейцы поручили нам раскручивать бракованные шлемы виртуальной реальности. Не повезло с проектом, — сочувственно отмечает он.

— Тебя не смутило, что брак только в нашей стране? — спрашивает толстяк, глаза оценивающе смотрят на подчиненного.

— Ни капли, корейцы могли отправить нам тестовую партию, — разводя руками, говорит Смирнов, — вы ведь видели какая волна негатива поднялась. Может быть в начале и замяли бы, но потом эта дурацкая история бабки про внука. Никаких шансов.

— Юра, серьезно в это веришь?

— Думаете, эта история — фэйк?

— На ситуацию надо смотреть шире своих должностных обязанностей. Если хочешь занять мое место, то тебе придется научиться мыслить стратегически, как я. Думаешь, мы единственное Агентство с Роем в стране? — жестко спрашивает начальник.

— Мы не одни? Вы думаете нас проверяют? Можем ли мы вести крупные проекты или поручать их конкурентам? Это вражеский Рой выпустили против нас? — ошарашено сыпет вопросами Юрий. — Неужели американцы играют на нашей территории?

— Нет, — перебивает толстяк. — в этот раз нам повезло.

— Найти, кто это сделал?

— Уже нашли. Талантливый одиночка. Вот его визитная карточка.

Николай Иванович щелчком переправляет визитку по столу собеседнику и, довольный собой, доликает еще виски. Поглощенный напитком, не замечает, как дергается рука Юрия, берущего карточку.

— Ираклий. Решаю вопросы. Номер телефона. И это вся информация? Ну и визитка, — повертев в руках картонку, пролизывает Юрий. — Клоун. Убрать его?

— Юра, там, откуда тебя ко мне назначили, все вопросы силовыми методами решаются? Чуть что — убрать? Если

с таким подходом работать, то нас тоже когда-нибудь убьют. Надо сеять добро и плодить друзей. Возможно, клоун. Но не забывай: в одиночку уделал наш Рой. Может быть полезен. Привези его — посмотрим, что за корнеплод. Не получится завербовать — сделаем по-твоему. Свободен!

Кивая в знак почтения, Юрий выходит.

Пятнадцатилетний напиток все так же продолжает приятно согревать горло, но у Николая Ивановича появляется горький привкус, ощущение, что он упустил или не заметил что-то важное.

— Ну, за вас! Аркадий, Маргарита, желаю прожить вместе еще сто лет!

— Спасибо, Ираклий! Будем, — отвечает Аркадий, его жена кивает. Стопки звякают. Выпивают.

Переводя дыхание от жгучей после выпитого коньяка водки, Ираклий откидывается на спинку расшатанного стула. Тот предательски скрипит. Надави на него еще чуть-чуть — и выдаст все семейные тайны, свидетелем которых был на этой обшарпанной кухне, либо треснет и сломается окончательно. Ираклию не нужно ни первое, ни второе, поэтому он нехотя выравнивается. Подвыпивший взгляд бродит по знакомой обстановке. Маленькая кухня, играющая роль гостиной. Большую часть занимает потускневший, когда-то ярко-красный, а сейчас оранжевый с желтыми пятнами гарнитур. «А ведь ему всего пять лет. Купили на деньги, подаренные на свадьбу. Да, время лечит только душевные раны, ко всему остальному оно безжалостно», — думает Ираклий, поднимая глаза на потолок. — «А может и не лечит вовсе, просто душа так же покрывается защитным слоем пыли и грязи, как эта старая люстра, что даже и не ясно, пыль держится на ней, или она держится благодаря пыли».

Застиранные занавески лениво, подражая утренним волнам, качаются от легкого ветерка. Форточка

открыта нараспашку. Душно. Ираклий вдыхает теплый воздух, и на мгновение кажется, что оказался в деревне: жара, алкоголь, нехитрая снедь — покой...

— И все же, Ир, ты настоящий друг! — Возвращает в реальность гостя Аркаша. — Единственный вспомнил про нашу годовщину. Даже родители забыли поздравить. И это с деревенной свадьбой! Пять лет как-никак! Предлагаю выпить за тебя!

— Медвежонок, притормози, — останавливает его душевный порыв Маргарита, — вы сейчас напьетесь. Подожди, подрежу салата.

Женщина хватает железную, с сколотыми краями миску. В ней — остатки простого блюда: в обильном майонезном соусе помятые помидоры, ватные тепличные огурцы и слезоточивый репчатый. Половник в руках хозяйки ловко раскидывает салат мужчинам. Ираклий замечает: ему досталось раза в два больше. Хочет возразить, но Марго уже отошла от стола. Хлопает дверь вечно кашлящего холодильника. Вода, утробно урча, вырывается из крана на холодные овощи. Женщина уходит в нарезку салата словно в медитацию.

— Да, солнышко, как скажешь. Видишь, дружище, за годы совместной жизни ничего не изменилось. Я все так же ее люблю, она все так же любит командовать. Да, что говорить, у меня до сих пор пароль во всех социальных сетях и приложениях — дата нашей свадьбы, — откровенничает раскрасневшийся от алкоголя Аркадий.

— Ир, ты то как? Когда на твоей свадьбе гулять будем, есть хоть кто на примете? — спрашивает Маргарита, продолжая ловко орудовать ножом. Гора из нарезанных помидоров и огурцов растет как долг по просроченному кредиту.

— Есть женщина. Ничего серьезного, — хрустя огурцом отвечает Ираклий.

— Конечно, для тебя ничего серьезного. Уверена, она думает по-другому. Вам то что, мужикам, вы и в сорок

и в сорок пять, а иногда и в пятьдесят — женихи хоть куда. Это женщине успеть надо. Но, ты не торопись. Отлично выглядишь! Молодец, что спорт не забросил после университета. Плаваешь? Это мой балбес вместо регулярных заплывов заплыл жиром от сидячей работы. Скоро ученики в школе, а может и студенты начнут пузырем обзывать, — хозяйка ворчит скорее для вида, чем серьезно.

Ираклий смотрит на друга словно видит впервые. «Да, Аркаша сдал мальчика», — думает он.

Они подружились в университете. Ираклий был студентом, а его друг — молодым аспирантом, периодически замещающим основного преподавателя зарубежной литературы. Аркадий старше на восемь лет, был когда-то главным женихом на факультете. На литературном отделении и так всегда на одного парня десять-пятнадцать девушек, так что даже самый замызганный и зачуханный не оставался без женского внимания. Отмывали, откармливали, приодевали, заставляли держать спину ровно, не ковыряться в носу и выходили замуж. Аркаша в тюнинге и подготовительных процедурах не нуждался — мылся регулярно, и не только потому, что выступал за сборную университета по плаванию. С детства занимался боксом. Любил Уайльда, Лоуренса и Оруэлла, а также с наслаждением цитировал французских поэтов к месту и нет. Но, самое важное, по мнению сокурсниц, писал отличные стихи. Сейчас совсем не похож на того красавчика-спортсмена, каким его помнил Ираклий во время учебы в вузе. Товарищ забросил спорт и сосредоточился на написании «великого романа». Все свободное от преподавания литературы время, то есть большую половину рабочей недели — сидит дома, продумывая, как говорит, сюжет книги, лишь иногда отвлекаясь на предложения Ираклия подзаработать. Марго подозревает, что муж вместо написания романа просиживает в онлайн-играх, но так как застучать с поличным не удастся — молчит. «Медведь, накопивший жир и готовый впасть в беспробудную спячку сразу на несколько зимовок, — вот на кого он сейчас больше всего похож», — решает Ир.

— Я не балбес и не пузырь, — насупливается объект обсуждения, — сейчас книгу допишу и займусь собой.

— Аркаша, лучше бы грушу бил, чем баклуши, — хозяйка продолжает пилить мужа.

— Дорогая, давай не будем. У нас гость. Наложика лучше салатика, а то тост завис в ожидании закуски.

— Так помоги нарезать, а то раскомандовался.

Аркадий нехотя встает из-за стола. До жены буквально пара шагов, но рука на автомате успевает прибавить громкость установленному на холодильнике маленькому телевизору.

— Опять врубил на полную, — по инерции жалуется женщина, протягивая мужу кухонный нож.

«Сработал инстинкт самосохранения, мозг пытается защитить себя от бубнежа, — думает Иракий, наблюдая за действиями друзей. — Да, Маргарита не подарок, но я предупреждал еще пять лет назад».

Марго относится к категории женщин, которой родители внушили, что они уникальные, достойны самого лучшего и вообще королевы. Она изо всех сил пыталась соответствовать этой установке, точнее своему представлению о том, как себя должна вести королева. Будучи студенткой, курила самые дорогие сигареты, хотя из-за этого приходилось отказываться от более необходимых вещей, но о вынужденных самолишениях не знал никто. Не обращала внимания на парней без автомобилей и окружила себя свитой из блеклых подружек, выгодно подчеркивающих ее смуглую природную красоту и девичью хрупкость. Привыкла получать самое лучшее, а так как лучшим парнем университета, по общественному мнению, считался Аркадий, то его судьба была предрешена. Встречались, съехались и поженились спустя несколько лет совместной жизни.

Но для того, чтобы вечно быть королевой, нужен не король, а придворные, которых в миниатюрной квартире Маргариты и Аркадия не предвиделось. Поэтому не удивительно, что после свадьбы все бытовые вопросы легли на плечи

Маргариты, сначала хрупкие и изящные, а сейчас уставшие и заметно пополневшие. Но, несмотря на легкую полноту, она еще остается привлекательной. Правда, уже не за счет пахучей молодости и мощной энергетики, а скорее благодаря образу добродушной и раздобревшей мамочки, которая накормит, обогреет и никуда не уйдет, так как лучшие ее годы остались позади, и принцам больше не нужна. Видимо, так думает не только Ир, но и друг, который по-хозяйски хлопает жену по располневшей попе, перед тем как взять протянутый ему нож. Марго поворачивается к нему с недовольным видом. Аркаша, кашлянув, декламирует:

— *Твой вид беспечный и ленивый я созерцать люблю, когда твоего тела переливы дрожат, как дальняя звезда.*

— Опять все исковеркал, дурачок! — Женщина смеется.

— «Локомотивтех» сообщает, что разработка комплекса сдерживания «Чувствительный» выходит на финишную прямую. Комплекс является перспективной военной разработкой, — телевизионный диктор новостной программы равнодушным точно синтезированным компьютером голосом вмешивается в семейную идиллию. — Особенность комплекса — уникальный снаряд, который действует только на человеческую ДНК. Напоминаю, что разработка комплекса заняла более пяти лет и теперь практически завершена.

— Сколько же бабла вбухали за пять лет в разработку этого «Чувствительного»? Минимум несколько миллиардов! Лучше бы учителям зарплату повысили, — возмущается Маргарита, нервно бросая нож в умывальник, — выключи телевизор!

— Всю посуду разобьешь. Не твои же деньги потратили, — отвечает Аркаша, выключая телевизор.

— Мои в том числе! Я плачу налоги.

— Расслабься, всех денег все равно не заработаешь, есть вещи и поважнее.

— Какие? — Иракий вмешивается в диалог супругов.

— Как какие? Как минимум самореализация, общественное признание, польза людям, — отвечает Аркадий

с интонацией учителя, объясняющего вопрос двоечнику в пятый раз. Маргарита молча наблюдает за разговором мужчин.

— Деньги — единственный показатель успеха.

— Чушь! — фыркает Аркаша.

— Нет. Серьезно, когда-нибудь читал в популярных журналах или в интернете рейтинги «самый лучший учитель»? — Ираклий заводится. — Конечно, они существуют, только всем на них насрать! А вот рейтинги самых богатых бизнесменов, артистов, спортсменов, музыкантов — да они каждый божий день обновляются! Все газеты и журналы только об этом и пишут! Спроси любого, даже своего самого тупого ученика — сходу назовет тройку богатейших людей в любой категории. Можешь быть трижды учителем года — без денег ты никто! Ноль!

— Любовь важнее денег, — говорит Аркадий и целует жену, словно ищет у нее защиты. Ираклий решает, что друг проиграл спор и слился из-за недостатка аргументов.

— Не буду спорить, — делает вид, что согласился и встает из-за стола, — тем более мне уже пора. Засиделся. А у вас тут юбилей брачной ночи намечается. Пошли, проводишь меня. Маргарита, до свидания!

Аркадий нетвердой походкой следует за другом в прихожую.

— Еще раз спасибо, что помнишь и пришел поздравить, — говорит он, рука крепко жмет руку друга.

— На самом деле, я заходил по другому вопросу, — нехотя признается гость, выуживая из кармана пальто пухлый, словно беременный кошелек.

Провожающий с удивлением смотрит на Ираклия. Тот молча отсчитывает приличную сумму и уже почти убирает кошелек, но на секунду задумывается, добавляет еще несколько крупных купюр и протягивает пачку другу.

— Ты отлично отработал по проекту. Я уже начал сомневаться, не потерял ли ты хватку, ведь из-за твоих моральных

принципов мы отказались от нескольких заказов по продвижению алкогольных коктейлей и вейпов.

— Совесть дороже.

— Тебе виднее. Но еще раз спасибо! Текст бабушки про сгоревший шлем внука был шикарным, им поделилось несколько десятков тысяч человек. А фраза «верните волосы Олежке, ему завтра в школу» уже месяц как самый популярный интернет-мем. Заказчик счастлив. Это твоя часть вознаграждения.

— Пришел только отдать деньги? — голос Аркадия звучит разочарованно.

— Так ты же сам меня позвал! Чем недоволен?

— А коньяк зачем принес?

— Остынь, забыл я про твою свадьбу. Главное, что ты помнишь, — холодно отвечает Ираклий. — Коньяк — отметить завершение проекта. Не дуйся, нормально же все получилось. Жена довольна, а как узнает, сколько ты поднял — будет вообще счастлива. Съездите в отпуск. Подарок на годовщину свадьбы.

— Какой отпуск? Погасим часть кредитов.

— Делай, что хочешь. Будь здоров!

— Бывай, — сухо прощается Аркаша.

Ираклий выходит в подъезд. Приходится спускаться с двенадцатого этажа по лестнице — лифт, как всегда, не работает. «Опять эти детские обиды. Носится со своей свадьбой, как отслуживший с воспоминаниями о службе, словно главном жизненном событии. Повезло, что в этот раз не заставили смотреть дембельский альбом, то есть свадебное видео. Я даже не помню, когда у него день рождения! Какого я должен помнить день, когда его нормальная жизнь закончилась? — думает мужчина. — Да, сложно быть другом с человеком, работающим на тебя».

Где-то между четвертым и пятым этажом из-за выпитого алкоголя кружится голова, и Ир присаживается на затертый подоконник рядом с консервной банкой из-под ананасов, полной сигаретных бычков. Глаза упираются в размашистую

надпись на стене подъезда «АЛЛА Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ», рука машинально тянется за мобильным телефоном. Сканер считывает отпечаток пальца, сотовый разблокирован и Ираклий заходит в социальную сеть. «Нет, запрос в друзья до сих пор не принят, хотя видно, что она была онлайн сегодня», — разочарованно отмечает он.

Они не знакомы. Как-то случайно бессмысленно бродя по соцсети, оказался на ее страничке. Обыкновенная на первый взгляд девушка — невысокая, русая, с волосами чуть ниже плеч и светло-голубыми глазами. Но что-то заставляет Ираклия заходить на ее страницу каждый день. Да и надежда, что она добавит в друзья, не дает покоя.

Он сохранил и распечатал все ее фотографии, рассматривает их в телефоне каждую свободную минуту, и только спустя время понимает, чем она так его притягивает. Пальчики. У нее необыкновенно красивые пальчики — утонченные, длинные, беззащитные. Такие пальцы называют музыкальными, но Ираклий не хочет подбирать эпитеты, а хочет целовать, покусывать, прятать ото всех и любоваться ими в одиночестве.

Он представляет, как вместе с Наташей гуляет по осеннему городу. Ужасно холодный ветер бьет в лицо. Промозгло, мерзко, но ему все равно — они вместе. Жирное небо — одно сплошное облако, как матрас второго этажа двухъярусной кровати, тяжело висит над головой, не предвещая ничего хорошего. Она в легких перчатках, на которые сверху надеты его теплые вязанные варежки (откуда эти мысли, он никогда варежки-то и не носил). Заходят в кафе и в ожидании липового чая сидят, прижавшись друг к другу. Ее руки в его руках, и он нежно согревает их дыханием, отдавая им теплый воздух, который еще секунду назад был с ним одним целым, рядом с сердцем. Ее щеки покрываются нежным румянцем, то ли стало тепло, то ли он ее смущает, а может быть, ведь все может быть — ей просто приятно.

Или нет, она читает книгу сидя в потрепанном кресле, какой-то ерундовый детектив, поглотивший полностью.

В комнате полумрак, единственный источник света — пожилой торшер, освещающий ее лицо и страницы книги, остальное размыто, как на картине маслом или на фото в портретном режиме смартфона. И вот этот долгожданный момент, рука словно появившись из ниоткуда тянется к губам, не сводя глаз с текста, девушка слегка целует пальчик и переворачивает страницу. Ираклий представляет себя, то тихонько сидящим с ней рядом в ногах пушистым беспородным котом, то висящем на торшере удавом, наблюдающим за кроликом, но старается не дышать, чтобы не пропустить это мгновение — она, губы, пальчик.

Ираклий тяжело, по-старчески вздыхает, прогоняя фантазии. «Это одержимость, я ведь ничего про нее не знаю: где живет, сколько лет, замужем ли. Фамилию не увижу, пока не добавит в друзья, — думает он. — Все, что знаю — только имя, указанное в профиле, и не факт, что оно настоящее». «Наташа», — произносит он громко, как ребенок, рассказывающий стих в свое удовольствие, пока взрослые не видят. Лицо растягивается в широкой улыбке. Он еще несколько раз повторяет имя и продолжает спуск.

— Долго же ты шел. Я уже думал ребят за тобой посылать, — окликает грубый голос на выходе из подъезда. Трое мужчин как плотина перегораживают путь.

— Мы знакомы? — теряется Ир.

— Конечно. Здорова! — протягивает руку один из них. Ираклий автоматически ее жмет.

— Вы меня с кем-то путаете, — растерянно отвечает он, почувствовав легкое головокружение.

— Твоя визитка? — тыкая бумажкой в лицо спрашивает мужик. — Ираклий, решаешь все вопросы. Садись в машину, будем вопрос решать.

Ир хочет что-то ответить, но немеет язык. Он недоуменно смотрит на руку. На ладони растет капля крови от укола. Тело становится тяжелым, словно он резко набрал вес или внезапно оказался на Юпитере. Ноги с трудом выдерживают выросшую

нагрузку. Подкашиваются колени. Землю трясет, как будто он смотрит видеоролик, записанный на сотовый, а оператор то ли пьяный, то ли трезвый, но нервный. Мутнеет. Невидимый видеоинженер-недоучка балуется со спецэффектами, и экран, не выдержав нагрузки, рассыпается на 8-битные пиксели. Мужчины хватают бесчувственное тело. Черный автомобиль. Синяя мигалка. Темнота.

Ираклий понимает, что стоит на ногах, именно понимает, а не чувствует. Тело ощущается чужим, будто сознание пересаживали другому человеку. Взгляд замылен словно кто-то надел ему заношенные, затертые очки. Пытается сфокусироваться на одной точке. Не получается. Он продолжает напрягать глаза. Пахнет сигарами и виски, и прохладно как в комнате-хьюмидоре. Кругом тишина, но мужчина чувствует, что в помещении есть кто-то еще. Его изучают, и он улыбается в ответ, демонстрирует: похитителям не сломать его силу духа. Постепенно зрение подчиняется ему, будто настроил резкость на бинокле.

«Я в помещении. Какой-то офис или контора. Не силовика, нет портретов руководства страны и государственной символики,— Ираклий рассматривает комнату словно в перископ.— Не бандиты— нетикон. Но и не коммерческая организация. Одинокий лист бумаги на столе, ни компьютера, ни телефона. Странно. Окна зашторены красными бархатными занавесками. Из декора только внушительных размеров одинокая картина, на ней — пирамида из человеческих черепов и стая воронов. Вот это боров развалился! Щеки переходят в плечи, улыбка добродушная, а взгляд смотрит насквозь, как рентген. Этот толстый явно тут главный. За ним телохранитель, коротко стриженный, костюм, галстук, не хватает только гарнитуры в ухо. Возможно, убивать не будут, кому я дорогу перешел-то?».

— Ираклий, 23 года. В армии не служил и, судя по купленному военному билету, не собирается,— читает толстяк

с листка, лежащего на столе. — Окончил литературный факультет с трудом и без отличий. Холост. Детей нет, постоянной женщины тоже. Рост 178, вес 68. Не привлекался. Спорт регулярно, алкоголь умеренно, тетрагидроканнабинол не чаще раза в месяц. Ну что, красавчик, рассказывай, как корейцев чуть не разорил».

«А, так это мне конкуренты за шлем хотят предъявить. Сразу к сути перешел, не любит тянуть кота за хвост — это хорошо. Значит, человек деловой — найдем компромисс. Но не без любви к показухе, устроил цирк, я уж подумал: что-то серьезное», — с облегчением решает Иракий.

— У нас кастинг на телешоу? Надеюсь, узнаю что-то новое про себя. Увы, нет. Хотя, да. Первое: я, оказывается, поправился. Надеюсь, меня в одежде взвешивали? Второе: так вы анализ крови брали? А я подумал, что снотворное вкололи. Третье: не знаю никаких корейцев, — отвечает Ир.

— Не ерепенься. Ведь ты у нас не только мастер черного маркетинга и губитель брендов, уничтоживший репутацию и все рыночные перспективы корейскому шлему виртуальной реальности. Но и преступник, находящийся в федеральном розыске. Ищет полиция, ищут спецорганы, государство ищет. Кто-то очень похожий на тебя три года назад взял кредит на несколько десятков миллионов по фальшивому паспорту, но с твоей фотографией. Не знаешь, кто это был? — Глава похитителей заходит с козырей.

— Думаете, напугали? Чем? Умеете искать в интернете? Молодцы, моя бабушка, тоже умеет. Домыслами, что занимаюсь черным маркетингом и замочил корейский шлем виртуальной реальности? Так докажите, или у вас, как у моей бабушки, старческий маразм? Кредит? Не я. Видеозапись из банка есть? С фальшивым паспортом мог прийти кто угодно. Фотка моя? В интернете скачали. — Загнанный в угол Иракий входит в раж, самоуверенность берет верх над благоразумием. — Хотели напугать громилами, которые меня привезли? Я могу таких же,

а то и пострашнее нанять на вокзале за три... хотя нет, и двух бутылок водки хватит.

Мужчины молча смотрят на него. «Надо давить дальше», — решает Ир.

— Вот и сказочке конец, кто слушал — молодец! К вашему сведению, мой мобильный телефон отслеживается. Как только я выехал за границы заданной зоны, моей службе безопасности пришло уведомление: я в опасности. Так что сюда через минуту-две завалятся крепкие ребята и разнесут все к чертям. Пока этого не случилось, выход у вас один — отпустить меня домой и не строить из себя НКВД. И не просто отпустить — вызвать такси, хотя какое такси, еще деньги тратить из-за вас, клоунов. Везите меня домой.

— Хум, — как спустивший шарик выдыхает покрасневший толстяк, — ща лопну от смеха.

— Что смешного? — борзо реагирует Ираклий.

— Ой, не могу, задыхаюсь. Допустим, я поверю в рассказы, мол, у тебя служба безопасности или какие-то телохранители, — берет себя в руки мужчина. — Как же они тебя найдут? Посмотри на свой телефон. Посмотри, я сказал, — командует он голосом, не терпящим возражений.

Ир повинуетя. Странно, телефон отключен. На попытки включить не реагирует, хотя, уходя от Аркадия и Маргариты, он зарядил его полностью.

— Мои ребята заглушили сотовый, как только подошли, — объясняет мужчина. — Так что для твоей несуществующей службы безопасности просто сел аккумулятор твоего телефона. Ты выпивал в гостях и остался там навсегда. Даже если будут искать — не найдут. Никто. Никогда.

Ираклий чувствует, как капля ледяного пота скользит между лопаток словно первый лыжник, за которым по всему склону, то есть телу скоро последуют остальные. «Все серьезней, чем казалось вначале. Если меня тут убьют, то даже по биллингу телефона не найдут ни меня, ни убийц, — думает он. — Надо выкручиваться».

— Как-то у нас не заладилось. Давайте начнем все сначала. Что вам от меня нужно? — стараясь звучать максимально расслаблено говорит Ираклий.

— Другой разговор. На кого работал? Кто дал задание мочить корейскую разработку? Время мое не трать, говори только правду.

— Я даже не знаю, как к вам обращаться.

— Николай Иванович Погорелый, — представляется полный и кивает на стоящего рядом мужчину. — А это Смирнов Юрий.

— Я бы сказал, что рад знакомству, но вам нужна только правда, — пытается шутить Ираклий. На лицах собеседников никакой реакции.

— Честно говоря, не знаю на кого работал. Пришел заказ раскрутить шлем виртуальной реальности американской компании, который выводили на наш рынок одновременно с корейским. Думаю, заказчик как-то связан со Штатами, так как ключевым показателем эффективности был объем продаж. Необходимо было продать больше устройств, чем конкуренты. Потенциальный рынок очень маленький, и на нем может быть только один лидер. В процессе общения решили, что проще испортить продажи корейцам, чем пытаться вырастить свои.

— Как общался с заказчиком? — спрашивает Смирнов, молчавший до сих пор.

«Не телохранитель», — понимает Ираклий.

— В защищенном мессенджере, не хранящем логи переписки. Опережая ваш второй вопрос, услуги оплатили биткоинами, так что я не мог отследить заказчика, но он был очень щедрым.

— Ясно, этого и следовало ожидать, — говорит Юрий главному. Замечая его удивление, уточняет: — Ожидать, что заказчик зашифруется, а не то, что будет щедрым.

— Кто решил, что эффективнее загубить корейское устройство, чем раскручивать американское? — спрашивает Николай Иванович.

— Точно не помню, может быть я, а может и заказчик в ходе переписки. Было несколько факторов. Во-первых, я провел тщательный анализ. Потенциальные покупатели, планировавшие приобретение шлема виртуальной реальности для себя или детей, выбирали только между двумя этими устройствами. Так как устройство недешевое, то большая часть при выборе опиралась на отзывы в интернете. — Ираклий замечает, что его внимательно слушают, возможно, даже с уважением. И продолжает говорить о своей работе с гордостью и без приукрашивания. — Во-вторых, негативным отзывам люди верят больше, так как по поводу положительных есть предубеждение, что они заказные, проплаченные. Отрицательными сообщениями люди охотно делятся, чтобы обезопасить друзей от неудачного опыта. Соответственно, создать негативный образ легче, эффективнее и менее затратно.

— Как? — с нескрываемым интересом спрашивает главный.

— В три этапа. Первым был анализ, про него я уже рассказал. Затем выделил две потенциальные группы людей, принимающих решение о покупке: родители и взрослые игроки. Для родителей ключевым фактором была безопасность устройства, для игроков — производительность и надежность. Поэтому главной задачей было добиться впечатления, что шлем легко ломается, ненадежный и может причинить вред здоровью. — Ир чувствует себя профессиональным бизнес-лектором, выступающим перед неопитами. — У меня несколько профилей в социальных сетях, через которые начал прокачивать эту историю. Купил два шлема, сфотографировал их в разнообразных интерьерах и фонах. Затем один расколотил молотком, а второй поджег. Разместил множество объявлений в социальных группах, на сайтах и форумах, что продается шлем на запчасти, с фотографиями и уточнением, что компания отказывается его ремонтировать и менять. Несколько сообщений с жалобами на качество сборки также разместил в официальных группах корейского производителя. В сети стали обсуждать большое количество

сообщений о браке, историю даже подхватили специализированные СМИ. Стали появляться сообщения, что у кого-то тоже сломался шлем. Хотя скорее всего поломки были преднамеренными, люди засомневались, что купили правильный шлем, ломали и пытались вернуть деньги. Официальные паблики корейского производителя тоже сыграли мне на руку, сначала все отрицали, что, мол, на испытаниях в лабораторных условиях не сломался ни один шлем, а потом предлагали всем бесплатный обмен. Появилось огромное количество проплаченных корейцами ботов, утверждавших практически в идентичных сообщениях, что у них все отлично работает. Это вызвало очередную волну негатива и недоверия. Было видно, что представители корейцев не разработали единую коммуникативную стратегию и сами себе противоречили, пытались тушить пожар, не выключив замкнувшую электропроводку.

— Говорил же Калачеву, а он не слушал, — перебивает рассказчика Николай Иванович, обращаясь к самому себе, а не к собеседнику.

— Так это вы отвечали за официальные социальные группы корейцев? Да, и за ботов тоже, — догадывается Ир.

— Да, — нехотя признает мужчина, — но это уже не имеет значения, что дальше?

— А дальше, по классике — третий этап. У знакомого племянник ехал на самокате, упал и стер волосы на затылке. Мой работник придумал чудовую историю про бабушку, решившую подарить шлем внуку на день рождения. У нас как раз был заброшенный профиль бабушки со времен рекламы молочных и фермерских продуктов. Легенда была простая: у внука день рождения, бабушка дарит корейский шлем. Мальчик играет весь день, вертит головой, и шлем из-за некачественного материала стирает волосы. Печаль. Тоска. Шикарно написанный текст, смешные фотки и грамотный посев по сетевым ресурсам сделали свое дело — пост стал вирусным. А фразы из него разошлись на мемы.

— Верните волосы Олежке, ему завтра в школу, — цитирует Юрий.

— Да, оно самое, — подтверждает Ираклий. — Честно говоря, не знаю, можно ли сейчас как-то исправить эту ситуацию. История уже вышла за пределы нашей страны. Репутация продукта безнадежно испорчена.

— Сколько человек работало по этому проекту? — спрашивает Погорелый.

— Четыре. Я координировал, два писали тексты и еще один занимался размещением и посевом.

Николай Иванович откидывается на спинку высокого кресла и замолкает. Ираклий хочет еще что-то добавить, но рука Юрия, поднесенная к губам, дает знак — молчи, шеф думает.

Время идет. Слышно, как за окном проехала карета скорой помощи с включенной сигналкой. Ираклий понимает: он как минимум в городе — это воодушевляет и дарит надежду, что есть шанс выйти живым из этого переплета. Алкоголь выветривается окончательно. В горле неприятно сухо, и ноги затекли от длительного ожидания, но садиться без разрешения невольный гость не решается.

— Твое счастье: корейцы решили, что на самом деле брак в шлемах, а то бы вас четверых четвертовали, — после длительного раздумья наконец-то прерывает тишину Николай Иванович. — И они рады, что дефекты выявились на нашем рынке, а не в Штатах, там их исками бы закидали. Менеджер проекта, ответственный за продукт на нашем рынке, пошел на повышение, разработчиков уволили, компания потеряла миллиарды капитализации. И только мы знаем истинную причину провала.

— Я не знал, что у моих действий будут такие последствия. Готов отдать все, что получил за проект, чтобы загладить это недопонимание, — говорит Ираклий. И добавляет: — Кроме того, что отдал исполнителям.

— Ты смешной — это хорошо. Но, видимо, тупой, что в принципе тоже хорошо. Мы выбили двойную оплату проекта за работу с проблемным продуктом. Так что тут, как говорят

эффективные менеджеры, win-win — корейцы нашли виноватых, ты заработал, мы тоже.

— Так вы меня отблагодарить позвали, а я-то напрягся, — улыбается Ираклий.

— Благодарить ты должен, что не сдали корейцам. Ты бы корейским собакам завидовал, если бы они узнали, что ты причина потери нескольких миллиардов капитализации компании, — глаза Николая Ивановича упираются в Ира. Под этим взглядом неловко, словно случайно увидел, как идут сварочные работы — глазам больно, а отвернуться уже не получается.

— Спасибо, — голос звучит сдавленно.

— На здоровье. Каким бы тупым не прикидывался, понимаешь, что больше тебе на этом рынке делать нечего? Тебе повезло, что перешел дорогу нам — мы приличные люди, можно сказать интеллектуалы, занимались раскруткой современного IT-продукта. А если бы насолил кому-нибудь, например в шоу-бизнесе, так легко бы не отделался.

— Я больше ничего не умею делать, — опустошенно отмечает Ираклий. — Видимо, буду искать работу по найму или пойду по специальности работать — учителем.

— Зачем искать, ты уже нашел. Будешь работать на нас. Считай нашу ночную встречу собеседованием, — вальяжно улыбаясь, говорит Николай Иванович. — Да, коллега, поздравляю, ты его прошел. Резюме можешь не высылать, мы уже сами составили. Присядь, кстати, что стоишь, как ведущий на Оскаре. Ах, да, там больше нет ведущих.

Новоиспеченный коллега обессилено проваливается в предложенное кресло. «Убивать не будут», — осознает он. Тело наконец-то расслабляется, и ощущение стресса уходит.

— Господин начальник, а кто вы такие вообще? Пиар-агентство? Рекламная компания? Спецслужба? Как называется наша фирма? Я не любопытный, но хотелось бы знать, где теперь работаю, что надо будет делать, есть ли корпоративная медицинская страховка и будет ли у меня секретарша?

— Давай по имени-отчеству, без господина и начальника. Компания называется просто — Агентство,— строго отвечает Имя-Отчество, он же Николай Иванович.

— Оригинально,— отмечает Иракий,— главное, креативно.

— Да, смысла заморачиваться с названием не было, да и творческий подход — это не наше ключевое конкурентное преимущество,— не спорит мужчина.— Но это поправимо. В качестве маскировки мы выступаем рекламным агентством полного цикла: от разработки рекламных концепций и полиграфии до ведения официальных групп наших клиентов в социальных сетях.

Но наша главная задача — формирование общественно-го мнения, тенденций и смыслов. Для этого есть уникальные ресурсы: доступ ко всем профилям пользователей социальных сетей в нашей стране, возможность аналитики по всем поисковым запросам, прямая интеграция с мобильными операторами и интернет-провайдерами. И наш самый главный актив — Рой, собственный портфель управляемых профилей составляет 271 тысячу человек.

— 275 тысяч,— поправляет Николая Ивановича Смирнов. Иракий вздрагивает, он уже и забыл, что в кабинете есть кто-то еще.

— Да, 275,— соглашается Погорелов,— в нашей стране подобных компаний нет.

— Рой? 275 тысяч? — переспрашивает Ир.

— Да, Рой. Вижу, непонятно. В общем, езжай домой. Ребята отвезут. Проспись, опохмелись, отдохни, а послезавтра Юра за тобой заедет и введет в курс дел.

— Можно последний вопрос? — вставая спрашивает Иракий.

— Да.

— Моя должность? Я бы хотел быть начальником.

Погорелов задумывается на несколько секунд, затем отвечает в сторону Юрия:

— Будешь пастухом направления общепит.

— Да, вы действительно агентство полного цикла: от производства молока до его рекламы. Ок, поехал домой, уже

ничего не понимаю. Счастливо! — говорит Ираклий, а сам думает: «Они сумасшедшие. Клоуны. Надо проспаться, а еще лучше съездить в отпуск. Видимо, я пьяный забыл зарядить телефон у Аркаши, или они вытащили аккумулятор из телефона пока я был в отключке, взяли на понт. Рой. Пастух. Меня разводят. Завтра в интернет выложат видео этой беседы, и я стану посмешищем — испугался каких-то актеров. Интересно, откуда они узнали про историю с кредитом и фальшивым паспортом. Хотя доступ ко всем профилям не помешал бы, нашел бы Наташу. Надо валить, пока они не стали переигрывать еще сильнее, уже не смешно. Как Погорелый сказал “пастухом”, так Смирнова аж передернуло. Видимо, эту часть легенды не отрепетировали, и он понял, что толстый уже заврался».

Смирнов возвращается, проводив Ираклия из кабинета. Погорелов встает, хлопает дверь шкафчика и на столе появляется початая бутылка односолодового.

— Будешь? — спрашивает он.

— Нет.

— Ну, что думаешь? Видимо, придется его убрать. Судя по всему, проблемный и слабо управляемый, — Николай Иванович разваливается в кресле с бокалом виски.

— Убрать его? Вы серьезно? Я думаю, он может пригодиться. Разве вас не впечатлило, как он командой из трех человек наш Рой обставил? Меня — да. Неуправляемый? Не думаю. Видели, как глаза загорелись, когда услышал про доступ ко всем профилям в социальных сетях. Это его слабость — любопытство. Ираклия видимо прельщает возможность залезть в личную жизнь любого. Мы дадим ему эту возможность, но не сразу.

— Что поручим?

— «Сирамидзу».

— Ты уверен? С раскруткой этих дурацких ресторанов никто не справлялся. Мертвый и очень рискованный проект, — признает Погорелый.

— Мертвый и важный для нашего покровителя. Сами знаете, сеть ресторанов «Сирамидзу» формально принадлежит

его жене. Если сможем их раскрутить, будет очень доволен и возможно сможет выбить для нас дополнительное финансирование, — обосновывает свою точку зрения Юрий.

— Хорошо, — соглашается Николай Иванович и, немного помолчав, добавляет, — будешь куратором Ираклия на этом задании.

— Может, поручим второму отделу? У меня сейчас других проектов полно, — спрашивает Смирнов с максимально отстраненным видом, но от толстяка не ускользает — мужчина напрягся.

— Нет. Слишком ты хитрый. Думаешь, поручим Ираклию раскрутку «Сирамидзу», он ее провалит, как провалил бестолковый Дима. Хотя о нем либо только хорошее, либо ничего. И это будет третий провал подряд. Три ошибки — это сигнал куратору: Погорелов постарел, хватку теряет, не пора ли ему замену искать? А кого же на его место? Ну явно не из второго отдела — они ведь завалили «Сирамидзу» с Ираклием. Лучший вариант — руководитель первого отдела. Ты то есть! Вот такой маневр, одним проектом — меня на пенсию и второй отдел вон из конкурентов. Так что, мой дружок, если «Сирамидзу» пойдет на дно, то утащит не меня, а тебя и новенького.

Погорелый ждет реакции собеседника.

— Николай Иванович, не было у меня таких мыслей. Честно. Наоборот, хотел вернуть благосклонность нашего покровителя. Ираклий талантливый парень, раскрутит рестораны. Руководство поверит в нашу эффективность, и мы попросим увеличить финансирование, — оправдывается Юрий.

— Вот и славно. Талантливый. Значит, посмотрим, на что способен. Может, со шлемом ему просто повезло...

Глава 2

Ираклий просыпается после обеда. В комнате свежо, как в рекламе стирального порошка. Спал с открытым окном, чтобы мартовский воздух быстрее выветривал пары алкоголя из помещения. Через силу заставляет себя поесть. Дважды принимает прохладный душ, который по идее должен вернуть к жизни, но все равно чувствует себя разбитым, словно и не спал вовсе. «Вроде бы выпили немного — бутылка коньяка и немного водки на троих. Закусывал плотно. Стоило на коньяке остановиться и валить домой, — думает он. — Нет, Аркаше, как всегда, было мало. Жажда нереальная, уже выпил литра два воды, и все равно сушит, как в финской сауне. Как там жених, пережил годовщину брачной ночи? Позвоню ему. Где же телефон?»

Телефон. Фотографии Наташи. Похищение. Рой. Пастух. Воспоминания накрывают Ира. «Лишь бы они не сломали телефон! На нем сохранены фотографии Наташи, которые она убрала из общего доступа. Почему же я не сделал резервные копии на компьютере», — отчаивается Ираклий. Повлажневшие от волнения руки находят мобильник в кармане пальто. Девайс не включается. Трясущиеся пальцы с трудом открепляют заднюю крышку, и мужчина пытается вытащить аккумулятор. Телефон выскальзывает из рук и с удовольствием сигает на пол. Чертыхаясь, Ираклий поднимает аппарат, вставляет аккумулятор и пытается включить его еще раз. К большому облегчению, телефон загружается, заряд — девяносто процентов. Фотографии на месте. Холодная испарина, словно конденсат на окне переполненного автобуса покрывает лоб Ираклия. Садится на пол и пытается спокойно

дышать. Не выходит, сердце в ритме техно-музыки выдает прямую бочку под 140 ударов в минуту.

«Успокойся. Дыши глубже. Возможно, если предположить чисто теоретически, они говорили правду. Доказательства? Доказательство номер раз — телефон. Его явно выключили на уровне железа. Вчера не работал, хотя был полностью заряжен, — рассуждает он. — Как вариант, пока я был в отключке, они вытащили аккумулятор, вставили между контактами какую-нибудь бумажку. А сейчас я телефон уронил, затычка выпала. Вот он и заработал.

Что еще? Номер два — потеря сознания. Укол? Какое-то сильнодействующее снотворное. Странно, что так быстро подействовало. Но я не эксперт, может, выпитый алкоголь усилил его эффект? Хотя... Я только вышел на улицу. У Аркаши было душно, а тут свежий воздух, вот меня и развезло. Может, просто испугался? Снотворного никакого не было. Видимо, у громилы был перстень острый, либо я поцарапался о перила подъезда и не заметил.

Эх, зря все про шлем рассказал. Раскрутили меня. Выложат видео нашей беседы в интернет, и моей карьере конец. Корейскому шлему, конечно, это уже не поможет, покойника не воскресить. Но мне уже никто не доверит ни одного серьезного проекта. Будут думать, что не держу язык за зубами. Видимо, придется на год затаиться, пока шум не утихнет. Ладно, деньги есть, поеду на год на Гоа или в Таиланд, отдохну. А потом — за работу с новыми силами, но на всякий случай найму телохранителя.

Полегчало, надо бахнуть апельсинового сочка стаканчик. Добавить может водки в сок? Никаких важных, государственного масштаба дел у меня сегодня нет. Государственных дел. Государство. Меня ищет государство. О мой бог, вот, что вчера напугало больше всего — они знают про кредит!»

Ираклий надеялся, что история с кредитом осталась в прошлом навсегда, а так как воспоминания были неприятными, можно даже сказать болезненными, запретил себе ее

вспоминать. Сама же история и ее причины были банальны — женщина, деньги.

Будучи студентом, Ир познакомился с фантастически привлекательной девушкой Светланой, победительницей нескольких локальных конкурсов красоты. Самое невероятное — он тоже ей понравился. Когда они были вместе, его разрывали два противоположных ощущения. Первое — невероятное счастье от возможности созерцать и прикоснуться к идеальной красоте. Второе — он чувствовал себя вне зоны комфорта, да так остро, что космонавт на его месте решил бы, что выход в космос — просто прогулка в песочнице. Преследовало чувство, что окружающие, как и он, понимают: эта девушка для него слишком хороша. Это заставляло совершать безумные поступки — горы цветов, дорогие рестораны, подарки, сюрпризы и как предсказуемый итог — огромные долги. Ираклий занял у всех знакомых, мало-знакомых и знакомых знакомых. После учебы подрабатывал в такси и охранником по ночам, даже хотел перевестись на заочную форму обучения (родители были категорически против, это было их последнее желание — сын должен получить нормальное высшее образование), но все же нашел силы признаться Светлане, что у него трудности с деньгами. У него была проблема, она предложила решение, с которым, не раздумывая, согласился. Да и думать в то время было нечем, мозг был в полном подчинении у сердца.

Близкие Светланы занимались серьезным бизнесом, и она свела Ира с ними. Как оказалось, под серьезным бизнесом скрывалось пошлое мошенничество — получение кредитов по поддельным документам. Изготовление бумаг, подтверждающих высокий доход и платежеспособность Ираклия, а также договоренность с менеджером банка, выдающим кредит, близкие брали на себя. Все, что требовалось от Ира — съездить в соседний город, зайти в определенное время в обозначенное банковское отделение и получить кредит в несколько десятков миллионов наличными. Вознаграждение в пять процентов от суммы кредита ему обещали привезти

на следующий день после пересчета денег. Эти пять процентов позволили бы не только погасить все долги, но и, как предложила Светлана, отдохнуть вместе на Бали.

Ираклий сделал все строго по инструкции, но своей доли так и не дождался. Исчезли не долги, а Светлана вместе с друзьями. Номера телефонов больше не обслуживались, со съемной квартиры она съехала. Ир понял, что его кинули и подставили.

Только спустя несколько недель, когда утихли чувства, Ираклий смог хладнокровно все проанализировать — осознал, что стал жертвой и соучастником аферы, подстроенной подельниками Светланы. Обращаться в полицию не стал, так как понимал: единственный, на кого есть доказательства совершенного преступления, — он сам. Оставалось только надеяться на профессионализм преступников и высокое качество документов-фальшивок, лишь это могло спасти Ираклия от ответственности. С тех пор он пришел к выводу, что главное в жизни — деньги. Были бы у него деньги — никогда бы не попал в такую ситуацию. Прошло уже три года. Вчерашний разговор показал, как сильно заблуждался, рассчитывая, что преступление прошло без следа.

На поверхности стола завибрировал мобильный телефон, прерывая неприятные воспоминания. «Черт побери, беззвучный режим, а мощному басу позавидовали бы на соревнованиях по автозвуку. Аж больно», — недовольно отмечает страдающий с похмелья. Незвестный номер. Поколебавшись несколько секунд, отвечает:

— Алло?

— Завтра в восемь сорок пять у подъезда, — без представления, буднично, как автоответчик звучит мужской голос.

— У какого подъезда? Кто это? — теряется Ираклий.

— Смирнов. Твоего подъезда. На работу поедем. Решил, мы шутили?

— Нет, нет. Я все воспринял серьезно, — спешит согласиться Ир, — просто, что-то сегодня неважно себя чувствую.

— Молоко пей, оно нейтрализует остаточные последствия от препарата. А лучше кефир, заодно и опохмелишься, — то ли сочувственно, то ли с издевкой говорит Юрий.

— Какого препарата? Не понял.

— Которым тебя укололи. До завтра.

Ираклий хочет еще что-то спросить, но собеседник уже отключился. Не желая оставлять последнее слово за ним, Ир злобно, но беззубо бурчит: «До завтра. Смотри мне, не задерживайся, иначе найду другого водителя».

Сильный ветер и утро не по-весеннему холодное, но Ираклий не успевает ни замерзнуть, ни толком насладиться свежим воздухом. Ровно в назначенное время во двор заезжает пузатый внедорожник. «Автомобиль-аквариум, — думает Ир. — Большой, безвкусный и требующий много внимания».

Колеса джипа лениво месят остатки умирающего в грязи снега, и автомобиль вальяжно подкатывается к Иру. Моргают фары.

«За мной, — понимает он. — Эх, видел бы сосед-алконавт с третьего этажа на каком автомобиле меня забирают — пересрал бы так, что послушался меня и бросил пить, орать по ночам и вместо того, чтобы устраивать разборки с женой, устроился бы на работу».

Юрий Смирнов за рулем. «Утро доброе» и крепкое рукопожатие, так здороваются либо близкие друзья, либо уверенные в себе люди. Ираклий невольно отмечает: такое приветствие импонирует. Он не любит, когда вместо сильной руки протягивают слабую ручонку, словно вялый сельдерей.

В машине царят ароматы сандала, дорогой кожи и парфюма с нотками цитрусовых. Из динамиков харизматично хрипит известный рок-музыкант, обличающий коррупцию и выступающий на государственных корпоративах. Иру кажется, что салон автомобиля больше его ванной комнаты, а иконке на приборной панели позавидовал бы провинциальный храм.

Автомобиль плавно выруливает из двора на дорогу. Ираклий не помнит точно, где находится офис Агентства, и не знает, куда они едут. Но так как живет в спальном районе вдали от центра, думает, что в любом случае придется тащиться и долго толкаться в пробках. Но, вопреки ожиданиям, машина Юрия набирает внушительную скорость и беспрепятственно несется вдоль съезжающих при их приближении попутных автомобилей. Ираклий удивляется: с чего это вдруг им уступают дорогу? Ответом на незаданный вопрос оказывается едущий перед ними полицейский автомобиль сопровождения с включенным проблесковым синим маячком. Взгляд соскальзывает в зеркало заднего вида, позади — еще один с включенными фарами и мигалкой. «Серьезный подход. Значит, все правда: заглушка телефона, снотворное, Рой, крупные клиенты, доступ ко всем профилям. Да, вляпался. Это высшая лига, а не моя студенческая самодеятельность. Но, не стоит бояться, я им нужен. Заработаю тучу денег, а еще может смогу и Наташу найти», — думает он.

— А это зачем или всегда так едешь? — будничным тоном, словно каждый день ездит в сопровождении конвоя, спрашивает Ираклий, указывая на машину сопровождения.

— Ты же не хочешь опоздать на работу в первый рабочий день? Шучу, стал бы я из-за тебя мигалки заказывать. Ты бы и на автобусе до Агентства доехал, если бы помнил, где оно. У меня совещание. Стараюсь не привлекать лишнего внимания, но сегодня опаздывать нельзя, — объясняет Юрий, не сводя глаз с дороги.

— Из-за совещания такой загруженный или есть другие причины? — интересуется Ир, решив, что за спрос не бьют, можно попытаться и поговорить.

— Типа наблюдательный? Или хочешь в доверие втереться?

— Абсолютно бескорыстно спросил. Мы же как никак будущие коллеги, а я командный игрок. Знать свою команду лишним не будет. Тем более, вы знаете обо мне почти все, а я о вас ничего, — оправдывается Ираклий, уже успевший пожалеть, что завел этот разговор.

— Много работы, — сухо отвечает Смирнов, — не обращай внимания, тебя это не касается.

— Точно не касается? — переспрашивает Ир, уверенный, что причина как раз в нем.

Водитель замолкает. На виске запульсировала венка. От Ираклия не ускользает, что вопрос не понравился — до этого Юрий вел машину одной рукой, сейчас же схватился двумя. «Подсознательно ищет опоры», — решает пассажир.

— Ладно, все что я сейчас расскажу — только между нами. Идет? — спрашивает Юрий, переводя взгляд на него.

— Безусловно, — заверяет Ираклий.

— Твое положение в Агентстве шаткое. Мне стоило больших усилий уговорить Николая Ивановича оставить тебя работать на нас и не передавать корейцам. Он хотел загладить наш провал, а заодно потребовать с них еще денег за то, что нашел источник неудачи. Я лично вступился за тебя, так как уверен, что ты можешь быть полезен Агентству.

— Спасибо, я благодарен, — искренне отвечает Ир, которого не радует перспектива отвечать за нанесенные миллиардные убытки.

— Да, но это не все. Николай Иванович не любит, когда его мнение оспаривается, и он решил отомстить мне.

— Как?

— Поручив тебе сложный проект и назначив меня куратором. Ты с ним не справишься, и это будет доказательством, что я ошибся, вступившись за тебя, — объясняет Смирнов.

— То есть положение шаткое не только у меня, но и у тебя?

— Да, можно сказать и так.

— Окей. Что за проект? Откуда такая уверенность, что я не справлюсь?

— «Сирамидзу». Это сеть ресторанов японской кухни. Слышал про таких?

— Нет.

— Не удивительно. Как мы ни старались, так и не удалось их раскрутить. Сначала продвижением в качестве эксперимента

занимался я. Но это не основная моя специализация, да и с креативом у меня не очень — не справился, — нехотя признается Юрий. — «Сирамидзу» перепоручили Калачеву, ранее — лучшему пастуху Агентства. Проект забуксовал, а в конце концов вообще оказался заброшенным, так как Дмитрий был вынужден переключиться на продвижение корейских шлемов виртуальной реальности. А там, как на зло, ты со своим Олежкой и его волосами. На сегодня у Агентства всего два провала: «Сирамидзу» и шлемы виртуальной реальности.

— И что вы делали для раскрутки ресторанов? — Ираклий пытается уйти от обсуждения шлемов и причины провала Агентства, так как разговор опять вернется к нему как к основному виновнику.

— Полный отчет по нашим активностям уже ждет тебя в офисе. Об общей структуре Агентства и о наших ресурсах расскажу чуть позже. Ты будешь напрямую подчиняться мне и работать в первом отделе, который я возглавляю.

— Хорошо, — Ираклий мнетя несколько секунд, но в итоге решается. — Еще один вопрос. Во время нашей первой встречи я немного растерялся и не спросил, сколько мне платить будете?

— Растерялся... Так бы и сказал: перепугался, — беззлобно улыбается Смирнов. — Ты будешь получать деньги с проекта «Сирамидзу». У них девять ресторанов в городе. По договоренности Агентство забирает половину чистой прибыли в течение двух лет. Твои — двадцать пять процентов от этой суммы. Хорошо поработаешь — очень хорошо заработаешь. Справишься — получишь более высокооплачиваемые проекты.

— Что-то я не догоняю. Они готовы отдавать Агентству половину прибыли? Это что за бизнес такой? — удивляется Ираклий.

— Обыкновенный отмывочный бизнес. Рестораны принадлежат жене влиятельного человека. Для нее важно, чтобы они были популярными, с высокой посещаемостью, тогда она сможет

потешить самолюбие и гордиться статусом эффективной бизнес-леди. Ее мужу необходимо отмывать деньги, а это невозможно делать, когда рестораны пустые и постоянно генерируют убытки. Он может Агентству и всю прибыль от «Сирамидзу» отдавать, но предпочитает помогать нам другими способами. Все ясно?

— Да. У меня еще одна просьба. Познакомь с Калачевым. Хочу узнать лично, что делал по «Сирамидзу», да и заодно извинюсь за то, что уделал его со шлемом. Не хочу, чтобы у меня были враги внутри Агентства.

— Не получится, — говорит Смирнов, многозначительно выдыхает и добавляет, — он умер. Инфаркт на рабочем месте.

— Да. Сейчас времена тяжелые. Экология ужасная и добавок постоянные перепады погоды. Не все пожилые люди с этим справляются.

— Я не говорил, что он старик. Тебе сколько? 23? Ему было 25. Еще вопросы есть?

Вопросы есть, но желание их задавать пропадает. Дальше едут молча.

— В Агентстве работает всего четыре человека? — спрашивает Ираклий, проходя в кабинет, показанный Юрием.

— С чего это ты взял? — удивленно спрашивает Смирнов.

— Погорелый, ты и охранник на проходной. Больше никого не видел.

— Так это ж три, а не четыре.

— Ну еще должна быть уборщица, или вы по очереди дежурите?

— Юморист? У нас распределенная структура. Это главный офис компании. Тут только ключевые сотрудники, график свободный. Отчет по продвижению ресторанов «Сирамидзу» на столе. Изучай. Если вдруг что-то понадобится — составь список, вечером все купят. Я вернусь через час-полтора, как закончится совещание, — прощается Юрий, выходя из кабинета.

Оставшись один, Ираклий расслабляется в огромном вельветовом кресле. «Ситуация складывается лучше, чем ожидал,— думает он.— Офис Агентства в историческом центре города. Солидный особняк хоть и потертый, но смотрится монументально и весь увешан видеокамерами, как внутри, так и снаружи. У меня отдельный кабинет на первом этаже. Обстановка спартанская, но есть все необходимое. Да мне в принципе много и не надо — стол, два кресла, компьютер, доступ в интернет. Сюда бы еще кофе-машину, и можно жить. Единственное, что смущает — фотообои на всю стену с изображением сцены битвы. Какие-то мужики в степи, судя по всему, белые офицеры или царские солдаты окружены конницей противника, то ли монголами, то ли китайцами. Несмотря на превосходящие силы, часть солдат собирается дорого продать свою жизнь, скучковались и хладнокровно целятся из ружей в лавину всадников.

Замазать бы этих людишек, и получился бы отличный пейзаж. Шикарные горы, прозрачное небо. Ладно, могло быть и хуже. Например — «Бурлаки на Волге», тогда сразу стало бы ясно, что придется работать день и ночь. Станный все же выбор фоновой иллюстрации для кабинета».

Ираклий уже было собирается читать отчет, но вспоминает беседу по дороге на работу, и руки тянутся к ноутбуку кое-что проверить.

Компьютер абсолютно новый. Его дорогой металл пахнет кровью и большими деньгами. Ир жадно и с удовольствием вдыхает этот запах. Пальцы ловко набирают пароль от социальной сети. Зная возраст и место проживания, быстро находит аккаунт Дмитрия Калачева. Подозрение подтверждается. Юрий его запугивал, судя по последним действиям на странице, Калачев жив. Только вчера вечером он поделился ссылкой на статью про инновационный комплекс «Чувствительный» и прокомментировал, что гордится достижениями военной промышленности страны. Пару дней назад ужинал в «Сирамидзу», застал там известную певицу и даже

выложил ее фотографию из ресторана. «Вряд ли Калачев умер сегодня ночью, скорее всего, его просто уволили. Смирнов меня запугивает, чтобы я серьезно относился к заданию, или переживает за свою шкуру», — думает Ир.

«Два непрочитанных,— Ираклий заходит на страницу сообщений.— Что там? Спам с просьбой вступить в группу и перепостить сообщение. Ага, и вопрос от Аркадия, нет ли новой подработки. У него проблемы с деньгами. Как так, я ведь буквально пару дней назад ему заплатил за проект?» — удивляется Ираклий.

По привычке заходит на страницу Наташи. К сожалению, ни обновлений, ни новых фотографий. Разочарованно вздохнув, понимает: делать нечего, надо браться за работу. Руки тянутся за отчетом, и он погружается в чтение. Информация поглощает полностью, и читающий неосознанно наматывает круги по кабинету. Под ногами скрипит старый паркет. В окно ветер веткой настукивает сбитый ритм, из коридора периодически доносится чей-то голос — весь этот шум сливается в сложносочиненный джаз, но он не мешает Иру, для него во всем мире сейчас существуют только распечатки в его руках.

— Что думаешь? — пугает внезапно появившийся Юрий. Ираклий понимает, что мужчина уже давно зашел в кабинет, но не хотел отвлекать его. Взгляд автоматически падает на экран смартфона, он перечитывал отчет уже больше двух часов.

— Да, хуже быть не могло. Хотя, для нас это хорошо. Какой идиот придумал эту концепцию продвижения? — спрашивает Ираклий.

— Это было групповое решение,— замаявшись, отвечает Юрий.

— Ты?

— Сначала Калачев, потом я.

— Ясно. Все, что ты делал,— Ираклий поправляется,— то есть делало Агентство для продвижения «Сирамидзу» — набор

банальных активностей, больше похожий на освоение бюджета. Хотя не расстраивайся,— решается подсластить пилюлю Ир,— уверен, большая часть ресторанов именно так и пытается рекламировать свои услуги. Фото блюд, накрученные лайки, розыгрыш призов за репост, комментарии ботов, приглашенные в ресторан знаменитости, рекламные материалы в модных СМИ. Знаешь, что потрясает больше всего?

— Нет,— сухо отвечает Смирнов.

— Две вещи. Первое — масштаб раскрутки, видно, что у Агентства или у клиента огромные ресурсы. Второе — отсутствие какой-либо скрепляющей идеи. Вы банально пытались завалить сеть постоянным упоминанием, что есть классные рестораны японской кухни «Сирамидзу», но не объяснили людям, чем они хороши и почему в них стоит зайти.

— Знаешь, как это исправить? — глаза Юрия блестят, как у плохого игрока в покер, собравшего сильную руку.

— Могу рассчитывать на те же ресурсы, что и вы? Бюджет на продвижение остался?

— Безусловно. Для нас главное — сделать рестораны «Сирамидзу» популярными. Твоя задача — написать план-концепцию продвижения. Пиши, словно ресурсы неограниченные. Реализацией займется мой отдел.

— Сделаю за два дня,— обещает Ираклий,— как напишу — пришлю тебе на электронную почту. На какую кстати?

— На какую почту? Ты еще на файлообменник выложи или лучше сразу в газете опубликуй. Никакой почты, никакого электронного документооборота. Напишешь, распечатаешь на принтере и отдашь мне. Затем пойдем докладывать Николаю Ивановичу,— дает указание Смирнов.

— Понял. И еще... Да ну, ладно,— Ир хочет сказать, что нашел профиль Калачева, и тот жив, но не решается.

— Что еще?

— Что это за картина странная? — находится Ираклий.

— Стыдно не знать родных классиков. Это Верещагин, «Нападают врасплох»,— говорит Юрий менторским тоном.

— А почему она здесь висит?
— Потому что мертвые сраму не имут.
— Что? — не понимает Ираклий.
— Мертвым не стыдно.
— А, понял, — отвечает Ир, но сам недовольно думает:
«Отлично объяснил. Я его спрашиваю одно, а он — муха тоже вертолет, но без коробки передач».

Ираклий не волновался даже на экзаменах, но сегодня, перед презентацией концепции Погорелому почему-то чувствует сильный мандраж. «Причина в том, что не знаю, примут мое предложение или нет. Когда работал на себя, было проще: придумал — сделал. Сейчас же сначала надо защитить свои идеи, а реализовывать их будут другие. Смысла волноваться нет. Самое страшное, что может случиться — скажут, что полная чушь, уволят, ну и ладно». — Он пытается успокоиться, стоя в коридоре и ожидая, когда пригласят зайти к Николаю Ивановичу. Скрасить ожидание помогает пролистывание на смартфоне знакомых до последнего пикселя фотографий Наташи.

Дверь открывается, Юрий кивком зовет его.

В кабинете сегодня на удивление светло — шторы убраны. Ир решает, что ранее это просторное помещение служило первоначальным хозяевам, владельцам особняка, залом для танцев. Высокие потолки, окна в пол. Вся мебель — стоящий у стены огромный стол и несколько кресел.

— Докладывай, — без всяких приветствий и любезностей говорит Погорелый, полулежа в кресле с неизменным, словно приклеенным к руке бокалом виски.

«Хоть бы присесть предложил», — недовольно думает Ир и садится, не дожидаясь разрешения или приглашения.

— Концепция следующая, — начинает он, краем глаза замечая, что Смирнов нахмурился, видимо, ему не понравилось

самоуправство Ира. Погорелый, кажется, даже и не заметил, что Ираклий сидит. «Будете играть по моим правилам», — думает он.

— Концепция следующая, — повторяет Ираклий, — «Сирамидзу» — это сеть ресторанов настоящей японской кухни. Как большинство жителей нашей страны, которые никогда не были и, скорее всего, не будут в Японии, определяют, что в ресторане подается настоящая японская еда? Только по косвенным признакам. Соответственно, наша задача предоставить максимум этих признаков.

Первый этап — найм шеф-повара японца. «Сирамидзу» даже не надо будет менять меню, просто во всех рекламных материалах указать, что ответственный за кухню — японец. Уж он-то знает, как готовить национальные блюда. Если найти подходящего шеф-повара не получится, то на крайний случай можно отделаться фотосессией японца на кухне ресторана.

Второй шаг: прекращаем платить деньги звездам и блоггерам с кучей подписчиков за отзывы о посещении ресторанов. Большая часть их подписчиков просто пролистывают такие посты, или это люди живущие в других городах или, что бывает чаще всего, — просто накрученные боты. Вместо этого надо нанять десяток японцев, живущих в нашем городе, чтобы регулярно ели в «Сирамидзу». Пусть составят график посещений, ходят по парам, по одиночке, большими компаниями, семьями. Их надо будет сфотографировать в ресторанах, причем таким образом, как будто фотографии сделаны незаметно. Задача — максимальное освещение их посещений ресторанов в социальных сетях. Пусть наши боты пишут, что видели настоящих японцев: с удовольствием ели в «Сирамидзу», отмечали день рождения, праздновали что-то. И периодически выкладывают фото. Через пару месяцев, после того как их лица примелькаются, японцев надо будет заменить на других. По этим пунктам вопросы есть? — спрашивает Ираклий.

— Продолжай. Все ясно,— отвечает Николай Иванович. Юра также согласно кивает, хотя всем в кабинете понятно, что решение будет принимать Погорелый единолично.

— Третий этап потребует больше времени на реализацию. Необходимо разместить рекламу ресторанов и обзоры в японских СМИ и путеводителях по нашей стране. С этими материалами будем работать по двум направлениям. Первое — размещение в социальных сетях отзывов и фотографий приблизительно следующего содержания: «был в Японии, там всюду реклама ресторанов «Сирамидзу»», «японские путеводители рекомендуют посещать рестораны «Сирамидзу»». Второе — мы проплатим ряд статей «популярные места у иностранцев», «где едят экзоты» и тому подобное. В каждой статье будет упоминание, что «Сирамидзу» рекомендуют сами японцы.

И последний, бонусный этап. Не знаю, есть ли необходимые связи у Агентства, но было бы большой удачей пригласить посла Японии на открытие следующего ресторана или на обновление интерьера, меню... В принципе, повод можно любой придумать. Мероприятие должно пройти под девизом «Рестораны «Сирамидзу» — настоящая маленькая Япония».

Весь план-график расписан подробно в проекте, я распечатал несколько копий. Уверен, если все сделаем правильно, посещаемость заметно вырастет,— заканчивает Ираклий.

Пока мужчины переваривают услышанное, Ираклий рассматривает репродукцию картины, висящую над головой Погорелова. После укора Смирнова он прочитал биографию художника и историю создания нескольких его произведений. И сейчас понимает, что гора из человеческих черепов — это тоже работа Василия Верещагина. Даже вспоминает название — «Апофеоз войны», но до сих пор не может понять, какой смысл украшать офис Агентства картинами этого творца. А с ролью удручающего пейзажа в кабинете Николая Ивановича Ир определился: изображение, видимо, должно внушать благоговейный ужас посетителям кабинета перед его хозяином.

— Будем делать,— озвучивает свое решение Николай Иванович. Юрий сидит молча.

— У меня есть хороший человек, пишет отличные тексты. Могу привлечь для работы над проектом. Он способен писать от двадцати до тридцати отзывов в день. Это будут полноценные тексты, не калька и без самоповторов. Нам еще потребуются несколько человек, которые будут размещать отзывы в социальных сетях под разными профилями. Могу сам, но на это уходит очень много времени. Что-то не так? — смущается Ираклий, увидев, что на полном лице Погорелова растянулась широкая улыбка, который бы позавидовал бы Чеширский Кот.

— Все нормально. Писать тексты и размещать их — это прошлый век. Я так понимаю, Юра еще не рассказал, как работает Агентство?

— Я планировал попозже, решил не отвлекать его от концепции продвижения ресторанов,— отвечает Смирнов, и Ираклий понимает, что мужчина хотел проверить, будет ли принята концепция, а после решать — посвящать Ира в механизмы организации или нет.

«С этим Смирновым надо быть начеку»,— решает Ир.

— Хорошо, я расскажу сам,— в руках у Погорелова словно из воздуха материализуется бутылка виски. Не спрашивая, разливает по полному стакану подчиненным и себе. Слегка пригубив, продолжает. — Угощайтесь. Виски отличный, а история долгая.

Ираклий слушается, отпивает немного, хотя предпочитает вино, но в редких случаях пьет коньяк или водку. Последняя кажется ему более честной. Нелюбимый виски приятно обволакивает ротовую полость. Хороший напиток,— решает Ир. Юрий не пьет.

— Несколько лет назад социальные измерения показали: все большая часть людей предпочитает получать информацию не по телевидению, а из Сети. Сначала государство попыталось контролировать интернет-СМИ, и даже были определенные

успехи, но со временем произошел сдвиг. Люди почти перестали доверять любым СМИ, и главным источником новостей для них стали друзья, реальные и виртуальные. После волны революций в странах третьего мира, инициированных и организованных через социальные сети и мессенджеры, мы осознали, главный ресурс — это социальные связи. Функционеры попытались создать несколько так называемых фабрик троллей. А также вели публичные страницы, замаскированные под независимые новостные издания, которые предназначались для граждан нашей страны и стран, входящих в сферу наших интересов. Администраторы страниц координировали свои действия и вводили пользователей в заблуждение. Но в итоге истории об их деятельности всплыли в зарубежных СМИ и проекты прикрыли, финансирование прекратили.

Подход пересмотрели. Было создано Агентство, главной задачей которого стало формирование и управление пулом виртуальных профилей в социальных сетях. База профилей под управлением Агентства называется Рой. Сейчас в Рое 275 тысяч профилей. У них есть собственная система рейтинга качества. Самые низкоуровневые профили — это просто пустые записи вымышленных людей без друзей, фотографий и с минимумом информации на странице, используются для накрутки количества просмотров, лайков и дизлайков. Это простые боты.

Профили классом повыше — с фотографиями пользователя, чаще всего из фотостоков, иногда сгенерированные нейросетями. У них есть некоторое количество друзей, часть из которых может быть реальными людьми, которые добавляют себе в контакты не разбираясь, и часть — участники Роя разного уровня. Эти профили используются для раскрутки товаров, идей и поддержки необходимых общественных настроений и государственных инициатив.

На третьем месте — заброшенные аккаунты, владельцы которых потеряли интерес к социальным сетям, умерли или по другим причинам не могут к ним подключиться. Так как

у нас есть информация от провайдеров интернета, мы можем анализировать активность пользователей и, если профиль заброшен, перехватываем контроль над ним.

И, наконец, жемчужина Роя, лучшие профили — цифровые души. Это аккаунты реальных людей, контроль над которыми они отдали Агентству. Мы заключаем с ними соглашение. Они не разглашают, что аккаунты в социальных сетях ведут не сами, а также обязуются регулярно предоставлять определенное количество фотографий для актуализации информации. По нашей аналитике, при условии, что у среднего реального пользователя социальной сети не меньше 150 друзей, как минимум один-два будут цифровыми душами, и пять-шесть — низкоуровневыми участниками Роя. Чаще всего необходимые Агентству вбросы информации делаются цифровыми душами, затем распространяются по сети реальными пользователями, и мы поддерживаем необходимый уровень охвата с помощью профилей попроще.

Ираклий ошарашено делает полный глоток. От информации, а может и от виски кружится голова. «Вот это масштаб, с такими ресурсами можно раскрутить любой товар. А не цифровая ли душа Наташа?», — испуганно задумывается Ир.

— Да, я понимаю, что это звучит фантастически. Я расскажу, как это работает, чуть позже, — комментирует удивление Ираклия Погорелый. — Помимо рейтинга профилей по качеству информации (настоящее или вымышленное имя, наличие фотографий и их актуальность, полнота представленных сведений) мы еще измеряем силу профиля. Сила профиля — это количество друзей из числа реальных пользователей социальных сетей, то есть потенциальный охват целевой аудитории. Как понимаешь, одно дело — если ты читаешь новость на информационном портале, и совсем другое — если эту новость активно размещают и рекомендуют твои друзья. Благодаря этому мы можем формировать персонализированную информационную повестку для выбранной целевой аудитории и склонять их к необходимым действиям.

— Мечта любого рекламного агентства! — восхищается Ир.

— Реальность, — по-отечески отвечает Николай Иванович. Пустой стакан глухо ударяется о стол, и мужчина продолжает. — Соответственно, как это работает внутри агентства. У нас есть несколько десятков человек, которые работают охотниками. Их главная задача — скупка цифровых душ. Они покупают аккаунты людей, которые прошли через банкротство или у которых неприятности с законом, и потому они больше не хотят заниматься ведением своих профилей. Так же скупаются аккаунты различных дауншифтеров, переезжающих, проходящих реабилитацию, умирающих, да и просто людей, которые пытаются жить реальной жизнью. Охотники работают по всей стране, часть из них за границей, так как иностранный рынок нам тоже очень интересен.

Теперь переходим к нашей элите. Элита Агентства — такие люди как ты, пастухи. Пастух определяет, куда пойдет Рой, какое информационное поле он будет формировать и какими средствами. После того, как концепция готова, она передается воспитателям. Воспитатель — человек, ответственный за программирование Роя. У него полный технический контроль над Роем. И две задачи. Первая — подготовить выборку аккаунтов, подходящих по демографическим, гендерным и географическим показателям. Вторая — задать необходимый дискурс и подобрать слова для обучения нейронной сети, занимающейся созданием текстов. Собственно, поэтому я и смеялся, когда ты предложил привлечь на работу человека для написания текстов. Наши воспитатели пишут на одну тему около десяти объемных текстов, которые скармливают нейронной сети, а она уже сама формирует сотни текстов в рамках заданной концепции. Но человека приведи, может, найдем для него подходящую позицию. Юра, посмотришь?

— Да, конечно, — подтверждает он и делает какие-то пометки в блокноте.

— Продолжаю. После того, как нейронная сеть сформировала массив текстов, он уходит плакатникам. Плакатники выгружают его в социальную сеть от имени пользователей Роя. Этот процесс еще полностью не автоматизирован. Так как

профили Роя числятся в разных городах, мы вынуждены поддерживать конспирацию и выгружать их с локальных сетевых адресов. У нас пока нет интеграции со всеми необходимыми провайдерами, так что часть работы плакатникам приходится делать вручную.

И последний отдел, имеющий отношение к твоей деятельности,— мониторщики. Они в круглосуточном режиме отслеживают статистику и комментарии по значимым для нас темам,— подводит итог Погорелый.

— Серьезный подход,— с уважением говорит Ираклий.

— А ты думал. Сейчас расскажу, как это работает на примере. Допустим в Агентство приходит заказ на рекламную поддержку фильма. Пастух анализирует целевую аудиторию и, например, решает, что фильм ориентирован на девушек в возрасте от 14 до 19 лет. Он пишет стратегию продвижения и то, какие чувства фильм мог бы вызвать у посмотревших его подростков, и передает сформированную концепцию воспитателям. Воспитатели на основании полученной от пастуха информации пишут с десятков эталонных отзывов о фильме и формируют необходимую выборку учетных записей. Этот массив текстов загружается на наши сервера, на которых математические модели из эталонных текстов составляют индивидуальные под каждый профиль Роя, задействованный в продвижении. Соответственно, если сообщение в социальной сети будет от четырнадцатилетней, то это что-то типа «девочки, фильм отпад. герой душка. одобрямс». Тот же текст от девятнадцатилетней выйдет более аргументированным, и герой, по ее словам, будет уже не душкой, а сексуальным мачо.

После того, как все тексты готовы, они уходят плакатникам, и те размещают их в сети от имени участников Роя. Дальше мониторщики, а это самый большой по численности отдел, контролируют отзывы, отвечают на комментарии, собирают обратную связь.

— Удивительно, что я смог побить Рой,— искренне удивляется Ираклий.

— Бывают сбои. Не досмотрели,— признает Николай Иванович.

— А как определить — настоящий профиль или цифровая душа? — спрашивает Ир, думая, реальна ли Наташа.

— Цифровая душа никогда не отвечает на личные сообщения, только на комментарии — это главное правило,— говорит Юрий.

— Почему? — уточняет Ираклий.

— У каждой цифрой души есть живое тело, то есть человек, утративший контроль над своим профилем в сети. Мы избегаем личного общения, чтобы избежать разоблачения. Вдруг вопрос придет от бывшей жены, друзей или кого-нибудь, кто лично знает хозяина аккаунта. Самый правильный вариант — полное игнорирование,— поясняет мужчина.— Косвенные признаки, активное комментирование различных общественных событий и минимум личных событий, а также все участники Роя активно добавляют друзей. Надо объяснить зачем? — спрашивает Николай Иванович с интонацией, в которой Ираклию слышится издевка.

— Чтобы расширить потенциальную зону влияния. Больше друзей — больше охват,— отвечает Ир на очевидный вопрос. И выдыхает с облегчением: раз Наташа до сих пор не добавила в друзья, она — не цифровая душа.

— Да, все верно,— соглашается Погорелов.

— А почему просто не зарегистрировать сотни тысяч левых профилей? С ресурсами Агентства это несложно. Зачем заморачиваться с поиском цифровых душ? — интересуется Ираклий.

— Сначала Агентство так и делало. Но подход оказался неэффективным, возникало много сложностей. Где брать фотографии людей? Фотобанки подходят только для самых низкоуровневых операций — поставить лайки, увеличить количество просмотров или репостов. Для более сложных задач ни они, ни картинки, сгенерированные нейросетями, не подходят, легко доказать, что это фальсификация.

Фальшивкам надо где-то учиться, работать, жить. Все это легко проверяется. Как добавлять настоящих людей в друзья? Выходило, что ненастоящие профили в друзьях у таких же несуществующих. Информация циркулировала внутри круга фальшивых профилей, не покидая его. Влияние было нулевое, — рассказывает руководитель Агентства.

— Мы единственные с Роем или есть другие?

— Есть еще два Роя, но они реализованы по-другому. Мы с ними конкурируем на данный момент только в Европе. Китайский Рой уступает нашему. Они еще не дошли до концепции цифровых душ, а просто технически получили доступ ко всем профилям своих граждан в международных социальных сетях. Поэтому могут публиковать от имени любого пользователя необходимую им информацию. Зачастую это выглядит как просто вброс информации, так как они не занимаются комментариями и обратной связью. Плюс пользователи удаляют посты Роя на своих стенах (страницах), считая, что это просто сбой социальной сети, — Николай Иванович разливает остатки виски себе и Ираклию, с неодобрением взглянув на нетронутый стакан Юрия. Кивнул Иру. Выпивает и продолжает рассказ. — И, собственно, самый большой Рой в мире, в котором участвуют все пользователи ведущих социальных сетей. Знаешь чей?

— Американцы, — без сомнения и раздумий выпаливает уже слегка опьяневший Ираклий.

— Да. Это даже не Рой в нашем понимании, а техническая возможность создателей социальной сети размещать посты от имени любого пользователя. Это сделано так ювелирно, что наше руководство до сих пор в шоке. Во-первых, пользователь и его друзья могут и не видеть пост и комментарии к нему, а только третьи лица. Во-вторых, пользователь не может удалить этот пост. Как, думаешь, были организованы все эти арабские революции? Люди вдруг стали писать в сетях, что идут на площадь свергать правительство и зовут своих друзей? Как бы не так. Просто в один момент у лидеров

общественного мнения, у людей с максимальным количеством подписчиков на страницах появились революционные призывы. Я думаю, объяснять не надо, что это не их рук дело, а администрации социальных сетей? Но люди поверили. А как бы им не повестись, если все друзья пишут, что идут на площадь, причем сами того не зная?

— С этим же невозможно бороться, — Ир хоть и сам мастер манипуляций, но не любит, когда навязывают чужую волю целым странам.

— Возможно. По этой причине сервера социальных сетей с данными местных пользователей размещаются у нас в стране. Китай так же сделал. Подстраховка от цифровых революций, — успокаивает его Погорелов, которому понравилась патриотическая реакция собеседника.

— А как мы собираем профили в англоговорящий Рой, неужели только Охотниками за рубежом? Это ведь, во-первых, рискованно, а во-вторых, очень медленно, — высказывает опасение новичок Агентства.

— А ты молодец! Масштабно мыслишь, не то, что некоторые, — говорит Погорелов, смотря на Смирнова. — Сбор профилей идет с помощью тестов и викторин. Может тебе даже такие попадались: «Какой твой психологический возраст?», «Кто ваш двойник из прошлого?», «Есть ли у вас королевская кровь?» и тому подобная чушь. Для прохождения теста пользователь социальной сети устанавливает плагин, позволяющий без его ведома контролировать его профиль. Конечно, при установке есть уведомление, что информация не собирается и прочее, но это не так. У нас появляется возможность публиковать посты, отправлять личные сообщения. Если пользователь удалил наш плагин, но разместил результаты теста на своей странице, мы можем менять этот текст на нужный нам, так как в этом случае информация подтягивается с наших серверов. Как пример, пользователь прошел тест, опубликовал результаты на своей странице и забыл про это. А через месяц мы меняем этот пост на необходимый нам текст, и выходит, что это

и не тест вовсе, а памфлет в поддержку нужного нам кандидата. Так же мы собираем личную информацию из всех доступных профилей, которая может пригодиться.

— Как это удалось сделать?

— Администрация социальных сетей предоставляет специальные доступы для разработчиков приложений и игр. В некоторые мы внедрились своих людей, другие же напрямую работают на нас.

— Хитро, — восхищается Ираклий.

— Лучшие люди страны придумали. По этому пути попытались пойти китайцы, но сработали излишне топорно, и их раскрыли. Сейчас в суде рассматривают иски социальной сети против четырех их компаний.

— И что сейчас они делают для роста своего Роя?

— Пока неизвестно, но по нашим данным, скорее всего вручную редактируют фотографии европейцев из социальных сетей и создают на их основе новые фейковые профили. Они могут себе это позволить, ручной труд у них стоит копейки, — говорит Погорелов.

— Выходит, американцы опять всех обыграли?

— У монеты две стороны. В итоге американцы же сами и пострадали сильнее всех, — замечая растерянность Ира, Николай Иванович немного молчит, а затем заканчивает. — Как пострадали? Выбрали президента и до сих пор не знают: сами выбрали, мы помогли или социальная сеть за них. Ладно, на этом закончим. Твой план мне понравился. Запускаем в работу. Можешь недельку отдохнуть, все равно задач для тебя пока нет. Юрий с тобой свяжется, как будут первые результаты. И не вздумай браться за сторонние проекты, теперь работаешь только на Агентство.

Впервые за долгое время Ираклий сидит без дела. Первые несколько дней прошли относительно весело. Повстречался

с бывшими однокурсниками — напился. Сходил на вечеринку — устал. Поиграл в футбол — потянул ногу. Но уже на пятый день с трудом находит себе место и занятие, мается от безделья. Телевизор едва слышно транслирует бесконечные актуальные телесериалы сезона, после нескольких десятков серий смотреть их лень. Из колонок играет модное интернет-радио. Ираклий в махровом халате сидит за ноутбуком, выбирая в онлайн-магазине вино на вечер. В вине не разбирается, предпочитая покупать самое дорогое, которое может себе позволить. Подбор напитков затрудняет одновременный просмотр профилей симпатичных девушек в социальной сети.

«Всем им далеко до Наташи,— разочарованно отмечает он.— А она как назло не выкладывает новые фотографии и не добавляет меня в друзья».

Вызов мобильного телефона выводит из медитации, то есть отвлекает от очередного изучения фотографий Натальи. «Аркадий»,— расстраивается Ир, ожидающий звонка из Агентства.

— Здорова, дружище,— голос Аркаши звучит взбудоражено.

— Привет,— без особого энтузиазма отвечает он.

— Приезжай в гости. Разговор есть,— сразу переходит к сути товарищ.

— Не могу. Ногу повредил. Хожу с трудом,— преувеличивает Ир, передвигающийся без проблем.

— А. Понял. Дома?

— Да.

— Сейчас приеду.

— Валяй,— сдается Ираклий, понимая, сопротивляться бесполезно, раз Аркадий решил поговорить, то придется слушать.

Первым в квартиру вваливается огромный пакет из соседнего супермаркета. В пакете что-то звенит, булькает и благоухает, но несмотря на это веселье, из него пытаются сбежать сосиски и длинный багет. Следом за продуктовым мешком вкатывается еще больше располневший Аркадий.

— Ну, ты же ходить не можешь, вот я купил провизии на вечер, — отвечает гость на незаданный вопрос Ираклия.

— Пить не буду. Лечусь, — сразу обозначает свою позицию хозяин квартиры, вспоминая, что необходимо прихрамывать.

— Ну и черт с тобой. Сам все выпью. Повод есть, — не расстраивается Аркаша.

— С чем поздравлять? — спрашивает Ир, доставая содержимое пакета и раскладывая продукты на кухонном столе.

— Дай сначала выпью.

Ираклий внимательно смотрит на друга. Взъерошенные волосы. Растительность на лице, застрявшая в переходной фазе — от заброшенной щетины до легкой бороды. Мятая футболка и носки, сигнализирующие запахом нужды в срочной замене. Аркадий пьет не первый день. Ир молча достает хрустальную стопку и наливает принесенной другом водки.

— Маргарита ушла, — выпаливает Аркадий, залив в себя напиток.

— Как? — не понимает Ир.

— Так. Что за тупой вопрос — как? Собрала вещи и ушла.

— Не кипятись, я просто в шоке.

— Проехали. Я тоже, — Аркадий тяжело выдыхает и продолжает. — Представляешь, у него даже нет оконченного среднего образования. За всю жизнь прочитал максимум две книги: «Красную шапочку» и «Правила дорожного движения». Хотя, кому я вру, одну «шапочку», и то в кратком изложении. Права купил. Какой-то сраный мелкий бизнес. Несколько маршрутных микроавтобусов и продуктовый магазин. Налей!

Ираклий повинуется, прозрачная жидкость, пузырясь, наполняет стопку до половины. Аркадий возмущается и доликает по самый край. Рука нервно дергается, несколько капель остаются на стеклянной поверхности стола. Гость с безразличным видом промакивает их рукавом свитера.

— Как-то все странно. Почему бросила? Может, вы поругались, и для вида решила разыграть обиду? — спрашивает Ир

после того, как собеседник выпивает и закусывает холодной скользкой сосиской.

— Устала. Сказала, устала жить в вечной нужде, без денег. Лучшие годы проходят. Хочет пожить хоть немного для себя сейчас, а не ради светлого будущего, которое никак не наступает. У нее нет уверенности, что оно наступит вместе со мной. Ты прикинь, и это когда мой роман считай закончен. Уже сюжет полностью продумал, осталось только написать. Говорю: подожди, скоро все будет хорошо, ты подкинешь халтурку, книгу напишу, возьму дополнительные часы в школе. Бесполезно. Шлюха,— Аркадия словно расплосило в кресле под тяжестью случившегося события. Ираклий все понимает и без вопросов наливает еще.

— Ясно. Деньги.

— Да, деньги. Еще и ты добавил огня во время нашей годовщины. Деньги — единственный показатель успеха. Оказывается, Маргарита тоже так считает.

— Раз она так считает, то есть выход, — обнадеживает Ир.

— Какой?

— Деньги. Заработает — вернешь жену и ее любовь.

— Зачем мне такая любовь? Будет любить мои деньги, а не меня, — недовольно говорит брошенный муж.

— Деньги — это продолжение тебя. Ты любишь ее за глаза, фигуру, воспоминания, за борщ в конце концов! В общем, за некую совокупность факторов. Так и она тебя любит за твои деньги. Не только за них, конечно, но это базовый минимум, без которого любовь невозможна. Ты ведь не смог бы любить женщину без головы? Сложно представить такую, да? Так и мужика без денег любить невозможно. Ты ведь не хочешь, чтобы ее подруги считали, что она вышла замуж за неудачника?

— Нет, конечно, — отвечает уже изрядно разомлевший Аркадий, успевший выпить еще пару стопок, пока Ир разглагольствовал.

— Вот, правильно. А как ей доказать подружкам, что ты настоящий мужик? Только показав, что ты состоялся и у тебя полно бабла. Я в этом уверен.

— Как-то это неправильно. Разве могут деньги быть единственной ценностью?

— Неправильно, потому что у тебя денег нет. Раньше как было? Самая красивая доставалась самому сильному, он мог защитить и обеспечить. Сейчас самая красивая — у самого богатого, он может защитить, обеспечить, а еще сделать весело и красиво. А ты живешь в старой парадигме, — отрезает Ираклий.

Аркаша обдумывает услышанное, пережевывая бутерброд с вареной колбасой. Батон крошится на его растянутый синий свитер, от чего тот похож на перевернутый глобус с заснеженной Антарктидой сверху.

«Опять убираться. Надо было к нему в гости ехать», — рассеянно отмечает хозяин.

Из комнаты доносится звонок сотового.

— Я сейчас, — кивает Аркаше и пытается вспомнить, на какую ногу надо хромать, идет за телефоном. Друг бурчит что-то невнятное в ответ, а его рука тянется к бутылке.

«Ну, наконец-то», — радуется Ир, видя, что ему звонит Юрий.

— Как результаты? — не заморачиваясь на приветствия спрашивает Ираклий.

— Запустили только вчера. Пока еще нет никаких данных. Звоню по другому вопросу, — как всегда бодро звучит голос звонящего.

— Слушаю, — расстраивается Ир.

— Ты говорил, что друг ищет работу. Номер телефона?

Ираклий диктует по памяти и добавляет: «зовут Аркадий».

— Имя не обязательно. Мы по номеру все пробьём.

— Хорошо. Буду ждать звонка. До связи! — отвечает Ираклий, уже переставший удивляться возможностям Агентства. Экран мобильного гаснет. Юрий закончил вызов еще до того, как Ир успевает попрощаться. «Он на самом деле куда-то торопится или пытается показать, что сильно занят», — размышляет Ираклий.

Прихрамав на кухню, он обнаруживает пустую бутылку и спящего на кухонном диванчике, свернувшегося калачиком товарища. Аркадий, несмотря на свои богатырские размеры, похож на маленького беззащитного мальчика, у которого хулиганы отобрали любимую игрушку.

— Все будет хорошо, дружище. Пойдешь работать в Агентство. Появятся деньги — Маргарита вернется, — тихо говорит Ираклий, укрывая друга флисовым пледом.

Аркаша бессознательно всхлипывает в ответ.

«Что у нас новенького? Аркадий обновил семейный статус на “Все сложно”. Одноклассник собирает деньги на помощь бездомным животным, а его жена — лайки, хочет выиграть телефон. О, а это кто у меня в друзьях? Какой-то старый знакомый, точно не помню кто такой. Вроде бы чей-то брат или пили где-то вместе, — пытается вспомнить Ираклий. — Он обедал в “Сирамидзу” вкуснейшими роллами и встретил там семью японцев. Может, тоже сходить суши покушать? Несколько месяцев назад этот малознакомец писал, что купил шлем виртуальной реальности американской компании, и тот отлично работает. Стоп! Так это же цифровая душа у меня в друзьях. Ага, вот еще один, тоже был в “Сирамидзу”. Работает моя концепция! Агентство запустило проект, — Ираклий от возбуждения потирает руки. — Так, посмотрим в новостной ленте, что у нас по слову “Сирамидзу”. Ого, неплохо. Уже сотни упоминаний! Проверю Наташу, надеюсь, она в “Сирамидзу” не была. Нет, у нее на странице из обновлений только репост из группы “Красивые картинки” — цветы сирени.

Все же масштабно Агентство работает. Интересно, как поживает мой предшественник. Как же его звали? Записал же где-то, — Ир роется в заметках сотового телефона. — Устинов? Нет, не он. Голунов? Нет, это журналист. Калачев? Калачев! Дмитрий. Как же можно быть таким тупицей, чтобы с ресурсами Агентства не раскрутить сеть ресторанов? Нашел новую работу?»

Ир заходит в профиль Дмитрия. Настроение резко пропадает. Ладони предательски потеют, а в горле становится сухо. Мужчина выходит на кухню выпить водички и только потом решается вернуться к компьютеру.

Калачев тоже был в «Сирамидзу». С его страницы исчезла новость о предыдущем посещении японского ресторана и встреченной поп-звезде. Зато появилась фотография двух японцев, кушающих мисо суп, и рекомендация обязательно его отведать. У Ира исчезают сомнения, Смирнов не пытался его запугать. Дмитрий действительно мертв, а его профиль под контролем Агентства. Мертв он или нет — второстепенный вопрос, — думает мужчина, — а первостепенный: умер ли он своей смертью?

От неприятных размышлений отвлекает сообщение от Аркаши. У него хорошие новости: ему звонили. Сказали, что от Ираклия. Пригласили на собеседование, он его успешно прошел. Вчера был первый рабочий день. Работа в рекламном агентстве на должности отладчика профилей. Первое задание — накрутка ботов-подписчиков для начинающей певицы, которую бросил муж, известный футболист.

«Хоть у кого-то жизнь налаживается, — решает Ираклий, — у футболиста, конечно».

«Все же надо попросить закрасить это произведение — слишком мрачное, хоть и концептуальное. Скажу, что мешает концентрироваться», — Ираклий рассматривает репродукцию картины на стене своего кабинета. За день до этого ему позвонил Юрий и попросил приехать в офис. Раздается неуверенный, приглушенный стук.

— Открыто. Входите! — командует Ираклий, удивившись, что Смирнов не заходит без приглашения.

— Здорова, дружище! Ничего себе, твой кабинет больше моего раза в три. Ты, видимо, большой начальник. — Аркаша то ли шутя, то ли завистливо присвистывает, а его взгляд висит на фотообоях.

— Верещагин, — отмечает Ир со знанием дела.

— Монументальная картина, — заключает товарищ, разваливаясь в кресле.

— Как ты? — спрашивает Ираклий, имея в виду эмоциональное состояние и личную жизнь Аркадия.

— Лучше. Маргарита не звонит, но мне легче. Ушел в работу. Я, собственно, поэтому и зашел. С меня должок за трудоустройство. Какие планы на вечер? Предлагаю отметить.

— Тебе стоит перестать пить и взять себя в руки. Иначе долго на работе не выдержишься, — советует Ир.

— А тебе не стоит указывать, что мне делать. Ты ведь понятия не имеешь, что я сейчас испытываю, — огрызается он.

— Не имею, — соглашается Ираклий, — но, чтобы не испытывал, нельзя упускать из виду главную цель. А цель у тебя какая?

— Какая? — поджимает плечи друг.

— Цель — вернуть жену, а для этого надо заработать много денег. Поэтому надо быть максимально собранным. Агентство — серьезная компания, и порекомендовав тебя, я сильно рискую, — преувеличивает свою роль в трудоустройстве Ираклий.

— Я не подведу, — обещает Аркадий, — ладно, пойдем глянем мою каморку.

— Пошли.

Почти в коридоре мужчин догоняет настойчивая вибрация мобильного телефона Ираклия, оставленного на рабочем столе. Сообщение от Юрия.

— Зайду попозже. Начальство вызывает.

Ираклий впервые в кабинете Смирнова. На удивление — на стенах нет репродукций Верещагина, захвативших офис. Простая рабочая обстановка — светлые стены, легкие шторы. Ультратонкий ноутбук, добротный стол для совещаний на четыре стула и на стене щит и пара мечей в обрамлении жухлых листьев, по всей видимости — герб какого-то силового ведомства. В кабинете приятно пахнет чаем с бергамотом.

Сам хозяин, как всегда, в строгом костюме и гладко выбрит. Но что-то в нем неуловимо изменилось. Ир приглядывается и понимает — у белой рубашки, впервые на его памяти, расстегнуты две верхние пуговицы. А галстук — словно флаг корабля в штиль, безмятежно расслаблен.

Юра встает из-за стола. Крепкое рукопожатие. Кивком приглашает за стол для совещаний.

— Николаю Ивановичу звонил наш куратор, — мужчина не стал тратить время на пустые разговоры и сразу начинает с сути, — столики в «Сирамидзу» забронированы на две недели вперед. После первой волны публикаций Роя рестораны привлекли внимание модных журналов и фуд-критиков, которые высокого оценили «Сирамидзу» в своих публикациях. Твоя концепция хорошо зашла.

— Значит, наше положение в Агентстве укрепилось и Погорелов успокоился?

— Скажем так — он сейчас затаился. Это не значит, что нам стоит его бояться, но бдительность не теряем. Жена куратора счастлива — в одном из репортажей про «Сирамидзу» написали, что она эффективная бизнес-леди, сумевшая создать успешную франшизу ресторанов. Счастливая жена — довольный куратор. Все лавры достались Николаю Ивановичу, но и Агентство от этого существенно выиграет. Нам, скорее всего, увеличат финансирование.

— Отлично!

— Держи, — Юрий протягивает небольшой бумажный конверт, — тут твоя карточка. На нее еженедельно будет приходиться вознаграждение по этому проекту. Сейчас там премия за успешный старт и процент за первые две недели.

— Отлично. Я готов взяться за другие проекты.

— Скоро будет совещание по распределению проектов. Уверен, после успеха «Сирамидзу», смогу забрать самые жирные, — он самодовольно откидывается на спинку стула.

— Юра, у меня еще есть идея, как эффективнее продвигать наших клиентов, — начинает издали Ираклий, решая воспользоваться хорошим настроением собеседника.

— Слушаю.

— Объясню на примере. Вот у тебя есть профиль в социальной сети.

— Я не зарегистрирован ни в одной, — отрезает Юрий.

— Не удивительно, — не став пояснять почему Ир продолжает. — Ладно возьмем для примера меня. У меня в сетях около тысячи друзей, из них хорошо знаю человек сто, еще двести какие-то общие знакомые, которых видел несколько раз. Чтобы вспомнить остальных надо сильно постараться. Если у меня появится три-четыре новых друга — я даже не замечу. Все что нам надо делать — постепенно добавлять цифровые души в друзья к реальным пользователям. Таким образом, мы расширим проникновение Роя. Во время нашей первой встречи, — невольно кашлянув, Ираклий уточняет, — собеседования, вы сказали, что можете управлять всеми профилями, зарегистрированными в нашей стране.

— Хорошая идея. Согласно с Николаем Ивановичем разработку этого функционала. Нет смысла делать это вручную, настроим алгоритм, и система будет добавлять друзей автоматически.

— Зачем тянуть? — Пугается Ираклий, что сейчас его план провалится, — Мы оба заинтересованы в максимальном успехе «Сирамидзу». Предлагаю начать с нее. Давай добавим несколько цифровых душ, включенных в раскрутку проекта, в друзья к журналистам. Возможно, отзывы друзей привлекут их внимание, и мы сможем сгенерировать дополнительные упоминания в СМИ? Я даже знаю, кому можно поручить эту задачу.

— Я не смогу пролоббировать найм дополнительных сотрудников, — поднимает ладони со стола Смирнов.

— Не надо. Давай поручим это Аркадию. Он как раз хочет доказать свою необходимость, — предлагает Ираклий, испытывая легкий укор совести из-за того, что навешивает на друга дополнительную работу.

— Хорошо. Так и сделаем. Если это все, можешь быть свободен, — по-военному отрезает мужчина.

— Дружище, у меня отличная новость! — стараясь звучать максимально искренне, говорит Ираклий, заходя к Аркадию.

Его кабинет действительно оказывается в несколько раз меньше. Дешевый рабочий стол серого цвета из неидентифицируемого материала, возможно пластик, а возможно — реинкарнация плохого человека в виде хиленького деревца, пущенного на опилки. Стула не видно из-за тела Аркаши. И одинокая вешалка, согнувшаяся под грузом хозяйского пуховика. Скорее всего, в те времена, когда особняк еще не успел превратиться в офис Агентства, когда самих офисов не существовало, а здание использовалось по своему назначению, то есть было жилым, в комнате Аркаши бытовал кто-то из прислуги. Скорее всего — конюх или нянечка господских детей. Иру даже кажется, что в кабинете слегка пахнет теми временами, а может, он просто плохо проветривается.

— Звучит как подстава, — настороженно реагирует товарищ, жуя шоколадный батончик. Судя по этикеткам, разбросанным на столе, уже четвертый.

— Никакой подставы. Как вообще можешь так говорить после того, как я устроил тебя на работу? — Ир симулирует обиду.

— Пока не вижу особых плюсов в этой работе. Кабинет меньше твоего. Работа нудная, — недовольно бурчит мужчина.

— Зато в школе у тебя было сплошное творчество и никакого личного пространства. Ты просто еще свою зарплату не видел — сразу ныть перестанешь. Тем более, есть отличная новость — я смог повесить твою ценность для Агентства, — Ираклий смахивает обертки от шоколадок на пол и усаживается на стол, глядя на Аркашу сверху вниз.

Товарищ молча смотрит в ожидании продолжения.

— Будешь заниматься не только ботами, но и живыми людьми. Скоро Юрий тебе расскажет, что надо будет делать. Вкратце: будешь подсаживать наших ботов в друзья к необходимым людям.

— Круто! Всю жизнь об этом мечтал, — Аркадий с обиженным видом отворачивается к экрану монитора.

Ираклий наклоняется к уху друга и шепчет:

— Это тест. Они хотят проверить твою надежность, прежде чем доверять крупные задачи.

— Уже что-то, — слабая улыбка появляется на лице Аркаши. — Знаешь, я готов зарабатывать больше. Бабки нужны позарез.

— Да, конечно. Знаю. Правда, за это пока не будут платить больше. Но тебе главное сейчас закрепиться, а дальше попрут, — заверяет Ираклий.

— Ок. Надо, значит надо, — обреченно соглашается Аркадий.

— Ну отлично. Увидимся еще, — Ираклий спрыгивает со стола и делает вид, что собирается уходить. Но затем резко останавливается, словно вспомнил что-то, и продолжает. — На всякий случай, чтобы избежать ошибок, прежде чем браться за поручение Юрия, протестируй на моем профиле. Добавь ко мне в друзья одного человека. Я скину тебе ссылку на профиль.

— Лады.

Покидая офис, Ираклий встречает в коридоре Николая Ивановича и невольно отходит в сторону, уступая ему дорогу. Начальник, продолжая движение, по-отечески хлопает его по плечу. «Хорошо поработал над «Сирамидзу», — бросает он вполоборота и идет дальше.

Мелькает мысль: «Не врет ли Юрий насчет того, что шеф затаил на меня обиду?».

Ехать домой не хочется, и он решает поужинать в небольшом ресторанчике недалеко от офиса. Все же есть плюсы от офиса в центре города — всегда есть местечки рядом, где можно неплохо покушать. Ожидая, пока официант принесет заказанные блюда, он по привычке рассматривает фотографии Наташи, представляя ее рядом. «Интересно, что бы она заказала? Салат или десерт, или ей повезло с генами, и она

может есть все, что захочет даже поздно вечером», — думает Ираклий. За едой и фотографиями проходит несколько часов.

Уставшее вечернее солнце уступило место ярким витринам, скучающим уличным фонарям и блуждающим фарам автомобилей. Остатки второй чашки кофе собираются предсказать будущие события, и пора бы уходить, но внимание мужчины привлекает уведомление, выскочившее на мобильном телефоне.

Глаза, глядя поверх кофейной чашки, читают: «Ваша заявка в друзья принята».

Ираклий хватается телефон, словно боится, что тот сейчас исчезнет.

Новый друг — Наталья Раутова. 21 год. Не замужем. Город проживания — Флорино.

Ираклий глубоко и жадно вдыхает, словно только что проплыл бассейн под водой: «Она не замужем!» Где-то внутри всегда жил страх, что найдет Наташу, и окажется, что она любит другого. Ему становится необычайно легко. «Не замужем», скорее всего это значит, что ее сердце свободно, иначе был бы статус вроде «Есть друг», «Помолвлена», «Все сложно». Рука делает скриншот главной страницы профиля.

У девушки четыре фотоальбома и папка с видеороликами. Он заходит в раздел загруженных Натальей видеороликов, который раньше был недоступен. «Ничего интересного, к сожалению: шедевры рекламы, смешные ролики, несколько видео-рецептов, панда играет со щенком. А это что?» — внимание привлекает файл под названием «Шопен. Соната номер два». Включая видео, Ир понимает, что нашел настоящее сокровище. Это шестиминутная запись, видимо, с выпускного концерта музыкальной школы или колледжа, на которой Наталья играет на фортепиано. На видео не видно ее лица, но прекрасно сняты руки и так любимые им пальчики.

«О, господи! Раз мне пришло уведомление, что у меня новый друг, значит и она получила такое же! Она может

в любой момент удалить меня из друзей, надо срочно сохранить на телефон видео и фотографии, которых у меня нет» — пугается он, прервав просмотр записи выступления. Как назло, в кафе медленный интернет. Это аксиома: чем лучше кухня в заведении, тем медленнее интернет.

«Вот я болван, лучше бы поехал домой. Там бы успел все скачать за несколько минут», — нервничает Ир, глядя, как мучительно долго качается видео.

Неприятности решили не ограничиваться тормозящим интернетом: звонит Аркадий.

— Аркаша, я сильно занят. Освобожусь, перезвоню! — тараторит Ир, собираясь сбросить звонок.

— Буквально десять секунд. Скажи, добавилась Наталья в друзья? А то я протестировал права доступа несколько минут назад и отрапортовал Юрию, что все работает.

— Проверю и перезвоню через пять минут, — отрезает он.

Видеоролик скачался в память телефона. Мужчина опять заходит в профиль Натальи и сразу же замечает, что страница девушки изменилась. «Она скрыла от меня город проживания, раздел видеозаписи и два фотоальбома из четырех. Увидела, значит, что мы стали друзьями. Скорее всего пыталась вспомнить, кто я такой. Не смогла и решила спрятать приватную информацию. В этой ситуации есть безусловный плюс — она не удалила меня из друзей, значит я могу писать ей», — Ираклий заказывает третью чашку кофе и продолжает скачивать новые фотографии.

Глава 3

«Два месяца. Целых два месяца Наташа у меня в друзьях. Скоро уж и весна закончится! И все это время боюсь написать девочке, которая нравится больше всех на свете и за которой слежу уже больше года. Трус! Признайся! Смирись и живи в мечтах. Продолжай спать с теми, кто ничего для тебя не значит. Слабак, чего ты боишься? Боюсь, не ответит, проигнорирует или самое страшное — удалит из друзей, и тогда буду лишен даже призрачной надежды...»

На этой части внутреннего диалога Ираклий невольно вздрагивает, рука дергает руль, и машину ведет в бок.

«Пока мучаешься в сомнениях, другой может ее завоевать. Ведь это только у мужчин любовь с первого взгляда, а женщина влюбляется со временем, и это время с ней проводишь не ты. Решайся, Ир, просто напиши: “Привет, ты мне нравишься”. Да написать так — все равно, что заявить: “Я — дурак, такой как все, неспособный оригинально познакомиться с девушкой”. А с чего взял, что нужна оригинальность? Два месяца, пора уже решиться.

Так, надо перестать загоняться. Вот хороший ресторан, хоть и пафосный, зато рядом на парковке всегда есть место, для центра города это большая редкость. Бокал вина, стейк и пишу Наталье. Решено!» (уже как минимум двадцатый раз решается он).

Новый автомобиль плавно, как снаряд в керлинге, занимает парковочное место. Ираклий, вопреки последнему апрельскому морозу, решает не надевать пальто и направляется ко входу в заведение. Уже у самых дверей останавливается, взгляд с удовольствием возвращается

на машину. «Шикарное авто. Еще полгода назад о таком мог только мечтать и копить несколько лет. А сейчас: два с половиной месяца работы — и пожалуйста. Даже не почувствовал необходимости экономить, — эти мысли греют не хуже пальто, — и все это только с одного проекта в Агентстве. Правда, оказалось не так просто, как планировал. Проект по “Сирамидзу” требовал много внимания и контроля. Работники Агентства периодически ошибались и приходилось исправлять их косяки и корректировать поведение Роя. Кстати, надо у Юрия спросить, когда будут новые проекты, и какой статус по “Сирамидзу”, а то за последнюю неделю совсем-совсем мало денег капнуло. Кэша почти не осталось».

Мясо идеальной прожарки. Вино густое с нотками вишни, сливы и черного перца — хотя ни густоты, ни ноток Иракий не чувствует, а просто верит официанту на слово. Сказал «нотки», «густота» — значит, так оно и есть. Главное — цена: не самое дешевое и чуть-чуть дешевле самого дорогого. Так, чтобы показать, что не бедствую, но и деньгами не сору. «Надо быть честным хотя бы с самим собой. Вино как вино. Лучше бы пива заказал и не выделялся. Но, положение...» — горько думает Ир, запивая мясо густым с нотками. Одно радует: свободный столик оказался у окна, в котором прекрасно виден его дорожный автомобиль.

За соседним столиком три одиноких девушки вальяжно потягивают коктейли. Точнее то, что от них осталось. Воды и льда уже нет, но девчонкам явно не впервой употреблять жидкость в ее третьей форме — в виде невидимого пара.

«Да, они еще долго будут пить эти коктейли, пока не найдется доброволец угостить новыми, — определяет Ир. — Можно, конечно, отправить бутылку вина через официанта, но не сегодня. Сегодня я пишу Наташе. Оба-на, одна из них встала и идет ко мне. Из этих трех самая красивая. Решила, что смысла сидеть в засаде нет, и надо атаковать самостоятельно?»

— Привет, Ираклий! Неужели это ты? Узнаешь меня? — шокирует вопросом девушка.

Ираклий узнает. Пока он решает, что ей ответить — ударить, вылить на нее остатки вина или просто задушить — она присаживается рядом и улыбается.

— Сука, Света, еще бы не узнал! После того, как ты со своими друзьями втянула меня в аферу, а потом кинула. Да хер с ними деньгами, я же тебя любил, как ты могла, — выпаливает он и допивает бокал залпом.

— Все было совсем не так. Умоляю, выслушай. Все расскажу, Ираклушка, — так к нему обращалась только она, и он против своего желания ощущает, как от этого слова по телу бегут мурашки.

— Ну расскажи-расскажи, — пытаюсь изобразить иронию говорит он, а сам понимает: голос выдает, готов поверить в любые истории-небылицы.

— Закажи еще вина, это долгая история, — просит Светлана. Ир замечает, что девушка сильно нервничает: пальцы вцепились в сумочку-клатч, присела только на край стула, словно боится, что ее прогонят, в глазах первые признаки слез.

— Еще два бокала того же, — отвлекается на подошедшего официанта, — продолжай, Света. Я весь уши.

— Да, что рассказывать, — наконец начинает она после недолгого молчания, слегка всхлипнув. — Любила тебя и как ты мечтала поехать вместе на Бали. Это были сладкие мечты. В тот день, когда ты с моими бывшими друзьями поехал в банк (Ираклий отмечает слово «бывшими»), я ждала тебя. Но вечером приехал не ты, а они. Сказали: полицейские закрыли менеджера банка, через которого проворачивали тему. Так вышло, что я единственное звено, связывающее тебя и их. Убедили: для твоей же безопасности будет лучше, если хотя бы год не буду поддерживать с тобой связь. Тогда даже если тебя опознают и задержат, много не получишь, так как это будет не серия преступлений, а один эпизод, и что скорее всего тебя даже не посадят. Но если вычислят нас всех, то это

организованная преступная группировка, несколько эпизодов и серьезные сроки для всех.

— Хороша история, но слабо верится. Могла хотя бы записку оставить.

— Не могла. Они запретили. Думаешь, было легко? — голос звучит сломлено, бокал трясется в руках. — Все и всех бросить и уехать? Они сразу же разбили мой телефон и спустили SIM-карту в унитаз. Отобрали паспорт. Поставили перед выбором: либо тебя и их салят в тюрьму, либо я разбиваю себе сердце, но зато ты остаешься на свободе. Для меня выбор был очевиден.

Ираклий замечает потекшую от слез тушь с ресниц и чувствует себя неловко.

— Дальше? — хрипло просит продолжения.

— Дальше. Ребята поселили меня в глухой деревне у бабушки одного из них на год без мобильной связи и интернета. Один приезжал раз-два в месяц меня контролировать. Привозил продукты, алкоголь, журналы, диски с фильмами и сериалами.

— Как же выдержала? Год-то без интернета, — не удерживается от сарказма мужчина.

— Ради тебя и выдержала, — не отводя взгляда отвечает Светлана.

— Сейчас что изменилось? Почему тебе разрешили вернуться в город? Расследование прекратилось?

— В какой-то момент перестала им верить. Стали зарождаться разные вопросы. Почему в деревне живу только я? Где все остальные? И однажды бабуля, у которой я жила, проболталась, что внучок в меня влюблен и специально держит в деревне, чтобы периодически приезжать. Для него это была возможность разрушить наши отношения. Узнав это, сбежала, вернулась в город и восстановила паспорт. Сейчас живу с подружкой.

— Кто. Это. Был? — от злости Иру не хватает дыхания произнести предложение слитно.

— Не важно. Я больше его не видела.

— Спала с ним?

— Одна в деревне целый год... Представляла тебя вместо него, — горько говорит Светлана.

Ираклия одолевает тихая злоба, после того как он представляет Свету с одним из преступников. Говорить не хочется. Больно. Видя его реакцию, девушка продолжает.

— Я звонила тебе на сотовый некоторое время назад. Набранный вами номер не обслуживается. Хотела тебя найти. До сих пор думаю о тебе. Можешь мне верить или нет. Не надеюсь, что ты меня простишь, но хотя бы пойми. Мне и этого будет достаточно.

После этой фразы они долго сидят молча. Ираклий все пытается понять: верит или нет.

— Я тебя прощаю, — сухо выдавливает он, — мне пора. Ждут.

— Спасибо. Я ей завидую. Ты лучшее, что со мной случилось.

— У меня никого нет.

— Как же так? Ты лучший мужчина в моей жизни, даже шикарнее, чем я тебя запомнила. Возмужал. Видный и добрый, — не скупится на комплименты девушка.

— Видимо, это не самые востребованные качества. Ты как?

— Одна, — глаза не моргая смотрят на Ира. — Ты за рулем? Подбросишь до дома?

— Хорошо, собирайся. Подожду на улице.

Ждать долго девушку не приходится. Света выходит из ресторана, голова растерянно крутится по сторонам. Ираклий моргает фарами автомобиля. Где-то в глубине души мелькает тщеславная мыслишка: пусть оценит, какой я успешный, на какой машине езжу.

— Ир, чем это ты занимаешься? Автомобиль шикарный! — искренне звучит восторг в ее голосе.

— Бизнесом.

— Горжусь тобой.

— Не ты одна.

— Посмотри на меня, у тебя что-то на лице. Дай уберу.

Ираклий поворачивается к девушке. Ее рука нежно, боясь спугнуть, убирает несуществующую пылинку. Глаза в глаза. Ир замирает и ее губы прикасаются к нему. Долгий поцелуй. Нотки вишни, сливы, но больше всего перца. На щеках девушки румянец, но не от мороза. Блеск в глазах. У Ираклия кружится голова, хочется вдыхать ее запах, дышать ею.

— У меня нет никаких планов на вечер, и я готова позавтракать с тобой завтра, — решается Света.

— Хорошо. Поехали ко мне, — заводит автомобиль мужчина.

— Словно и не было этих трех лет. Будто рассталась с тобой только вчера, — щебечет девушка, — у тебя телефон вибрирует.

— Как же не вовремя, — говорит он, взглянув на экран мобильного. В голове одни проклятия, что ж за невезение, — Извини, должен ответить.

— Хорошо, пока напишу подружке, что не буду ночевать дома, — из сумочки появляется миниатюрный мобильный телефон.

— Добрый вечер, Юра, — здоровается Ир.

— Ты нужен в офисе немедленно, — как всегда без лишних прелюдий и словесных ласк говорит Юрий.

— Прямо сейчас? У меня планы на вечер, и я немного выпил.

— Я привык, мы ж тебя пьяного беседовали, — непонятно, шутит он или нет. — Это приказ. Или ты уже наработался? За последние три недели на рабочем месте был всего дважды.

— Ок. Еду в офис. Скоро буду.

— Скоро — это во сколько?

— Через 15 минут. Договорились? — Ираклий понимает, что Юрий уже повесил трубку, но, чтобы не потерять авторитет в глазах девушки, продолжает. — Тогда подготовь документы к моему приезду, чтобы я не ждал зря. Ладно, хватит извиняться, со всеми случается. Отбой.

— Планы изменились? — Рука Светы скользит по его ноге.

— Да, детка, прости. Крупный тендер, а подчиненный напор-
тачил с документами. Нужно все переподписать. Могу за тобой
вернуться в ресторан после того, как закрою рабочий вопрос.

— Продиктуй лучше свой номер и адрес, запишу. Будешь
выезжать — наберешь, и я приеду.

— Договорились.

Страстный поцелуй на прощание. Ираклий смотрит, как
Света возвращается в ресторан. Проскальзывает мысль:
«А как же Наташа? Ты ведь собирался ей написать. Да, что
Наташа — просто мечта».

— Мы в дерьме! — Ираклий впервые застаёт Смирнова
в таком состоянии. Лицо в багровых пятнах, желваки на ску-
лах резко выделяются, короткие волосы взъерошены. — И ты
ничего не делаешь!

Кабинет начальника похож на Олимп, чувствуется запах
озона от молний и высокого напряжения. Зевс, он же Смирнов
взбудоражен так, словно Гера узнала об очередной измене,
а даже боги боятся своих жен.

— Юрий, я не понимаю, о чем ты, — растерянно говорит
Ир.

— Как о чем? — Смирнов смотрит на него, словно видит
впервые. — У тебя что, десяток проектов в Агентстве?

— Нет, один. «Сирамидзу».

— Поздравляю, кэп!

— Так все же хорошо. Только в понедельник в бортовом
журнале Japan Airways вышла статья о «Сирамидзу». Сейчас
фотографии статьи продвигаются Роем, — уверенно отвечает
Ираклий.

— Что хорошо? Нихера не хорошо! Ты совсем от земли
оторвался со своими авиалиниями. Карточку с зарплатой про-
верял? Видел, сколько денег пришло за неделю? Что молчишь?

— Видел. Мало.

— Мало. А причину кто будет выяснять? Это же твой проект! Денег, видите ли, мало пришло, а оторвать жопу и посмотреть, в чем причина, мы не можем. Сильно загружены работой, — Юрий не успокаивается.

— Я могу все исправить. Мне надо знать, что случилось, — Ираклий пытается перевести диалог в конструктивное русло.

— Волна негатива. Проще показать, — челюсти сжимаются от напряжения, разворачивает ноутбук к Иру. На экране открыт сайт агрегатора новостей. Вторая новость сверху «В популярном ресторане японской кухни «Сирамидзу» отравился и умер ребенок. Активисты собрали десять тысяч подписей за закрытие сети ресторанов». Источник ссылки — федеральный телеканал. Ираклий сдавленно выдыхает, ситуация критическая.

— Кто-то играет против нас?

— Возможно. Наши мониторщики работают сверхурочно: стирают и минусуют перепосты, меняют видимость постам, понижают их в поисковой выдаче. Но постов все равно огромное количество и постоянно появляются новые, мы не справляемся и боимся эффекта Стрейзанд, поэтому действуем аккуратно, — Юрий видит, что Ир осознал критичность ситуации и перестает на него давить. — Наш Куратор в шоке. Больше всего он сейчас боится, что журналисты свяжут рестораны с его женой и пойдут статьи: «В ресторанах светской леди травятся дети», «Бизнес-леди сделала себе состояние на родительском горе». Он уже не рад предыдущему успеху, говорит, лучше бы втихую деньги отмывал на ресторанах как раньше, без этой популярности. Если мы не разрулим ситуацию — для меня это последний проект в Агентстве. Для тебя тоже. Мы одна команда.

— Ты относишься к работе в Агентстве слишком серьезно. Ну, уволят, не конец света. Найдём новую работу. На этом жизнь не заканчивается, — возражает Ираклий.

— *Тот, у кого есть мозги и руки, никогда не умрет от голода и скуки.* Но ты даже представить не можешь, чем Агентство

занимается помимо коммерческих проектов. Для тебя это всего лишь работа и источник денег, но твои знания лимитированы и картина мира неполная. Мы здесь на передовой, и только от нас зависят позиции страны в информационной войне.

— Не вижу связи между раскруткой ресторанов и позицией нашей страны на мировой арене.

— Ты не знаешь и доли процента, чем Агентство занимается.

— Так расскажи.

— У меня самого нет доступа ко всем проектам. Тебе же еще рано знать, а может уже и поздно. Просто поверь: для меня работа в Агентстве — возможность служить Родине. Если выгонят отсюда, то вся моя карьера, да что там карьера — жизнь перечеркнута.

— Эх. Ясно, — Ираклий не знает, как реагировать на слова Смирнова.

— Хватит рассуждать, надо сконцентрироваться на реальности. А она намного хуже, чем ты думал.

— Реальность формируем мы. Дай день — я придумаю, что делать.

— Дня нет. Решение нужно до завтрашнего обеда. Николай Иванович завтра возвращается с отпуска и он пока не в курсе происходящего. Его надо убедить, что у нас есть план. Это максимум, иначе владельцы «Сирамидзу» официально принесут извинения и будут вынуждены закрыть рестораны. Через какое-то время они их конечно откроют заново под другим названием и с другой концепцией. Но жене Куратора будет очень сложно избавиться от общественной черной метки. Безусловно, эту историю спустя несколько лет удалят из поисковой выдачи, но негативный шлейф останется.

— Принял. Могу быть свободен?

— Да.

— Спокойной ночи! — Прощается Ираклий.

Уже у самой двери его останавливает Юрий, крепко жмет руку и говорит:

— Удачи! Если что-то потребуется — звони в любое время суток.

«Скоро уже буду дома. Пятнадцать минут навести порядок — и можно принимать Свету. А утром буду разбираться в ситуации с “Сирамидзу”», — думает Ир, крутя руль. Автомобиль едет с превышением разрешенного скоростного лимита. Шипованные колеса шурша цепляются за ледяную дорогу. Держа руль одной рукой, достает мобильный и пишет SMS девушке: «Света, буду через полчаса. Приезжай. Жду. Целую». Свет от экрана телефона на несколько секунд полностью освещает салон машины.

— Черт побери, а этим что? Ну, что за день такой, — бурчит Ираклий, заметив сотрудника дорожной инспекции, жезлом приказывающего остановиться.

— Добрый вечер. Старший лейтенант Сидоренко. Нарушаем, гражданин. Пункт 2.7 правил дорожного движения запрещает использование мобильного телефона за рулем. Не пытайтесь договориться со мной. Ведется видеозапись нашего разговора и по государственному законодательству попытка дачи взятки должностному лицу является уголовным преступлением, — бубнит коренастый полицейский. Глаза зафиксированы на переносице Ираклия.

— Ясно, товарищ старший лейтенант, — Ир уже понимает, что вечер безнадежно испорчен. «Интересно, может ли быть еще хуже», — задает вопрос самому себе.

— Прошу пройти в служебный автомобиль для оформления протокола.

«Можно подумать есть выбор», — Ир молча берет документы и следует за мужчиной. Перед полицейской машиной припаркован огромный черный джип представительского

класса, на контрасте с которой автомобиль дорожной инспекции выглядит игрушечным. — «Не меня одного приняли, закон для всех...».

Работник органов открывает дверь Ираклию, рука резким жестом показывает на место рядом с водительским креслом, которое следует занять. Ираклий садится и понимает: в машине он не один, сзади — пассажир. «Без бокала виски и не узнать, — думает он, — да, пора перестать удивляться возможностям руководства Агентства».

— Добрый вечер, точнее доброй ночи, Николай Иванович. Как прошел ваш отпуск? — любезно здоровается Ираклий с Погореловым, сидящим сзади.

— Могло быть и лучше. А вот хуже вряд ли. Хотя вы со Смирновым старались, — глухо, с длительными паузами отвечает пожилой мужчина.

— Я могу все объяснить.

— Не нужны объяснения. Знаю, ты не виноват в форс-мажоре с «Сирамидзу». Это Юрины бойцы не досмотрели, и ответственность полностью на нем, — жестко отрезает Погорелов.

— Ситуацию еще можно исправить.

— Кто тебе сказал, что я позволю тратить ресурсы Агентства на исправление ситуации? Смирнов все испортил, наш Куратор взбешен. Для тебя лучшая тактика в этой ситуации — прикинуться ветошью. Судьба Юры уже решена, хоть он завтра и встречается с Куратором. Договорился о встрече без согласования со мной, — звучат нотки раздражения, — Если ему будет нечего показать — его уволят. Тебя никто не тронет, останешься в Агентстве. Переведем из первого отдела во второй. Отсидишься с годик на второстепенных проектах, пока страсти не утихнут. Надо спасти свой корабль, Смирнов уже идет ко дну, и если не хочешь утонуть с ним, то послушаешь мой совет и отползешь в сторону. Он ведь изначально был против твоего найма в Агентство, боялся, что займешь его место. Я уверен: у тебя есть все шансы на это, — Николай Иванович спокойно обрисовывает ситуацию.

— Хорошо. Я вас услышал, — горько отвечает Ираклий.

— Слушай внимательно, — Николай Иванович с трудом приподнимается с сиденья и говорит в самое ухо, — если бы я не хотел тебя сохранить в Агентстве, я бы, во-первых, тебя не нанимал. Во-вторых, не стал бы тратить время и организовывать эту встречу. Просто бы наблюдал за вашим провалом.

— Я это ценю.

— Рад, что понял. Будь здоров.

«Я как в лабиринте, напечатанном на последней страницы газеты, где кусок с выходом кто-то вырвал, — рефлексивует Ираклий. — Один плюс — штраф платить не надо».

«До приезда Светы пять минут. Надо ускориться. Опять кто-то разбил лампочку в подъезде. Ничего не видно. Воняет мочой и накурено».

— Здорова, дружище, — раздается грубый голос из-за спины. Ираклий резко разворачивается. На полпути до источника звука голова натывается на что-то твердое, и тело оседает на пол, как одинокая зефиринка в стакане горячего кофе.

«Наконец-то отпуск и можно поплавать в море. О господи, какое теплое! Надо нырнуть поглубже. Это же монетка на дне. Сейчас достану! Еще чуть-чуть. Тьфу ты блин, набрал полный рот воды. Соленая. Выплюнуть ее. Выплюнуть немедленно!»

— В мобильном банке пара тысяч. В SMS от банка тоже нет крупных переводов. У него вообще деньги есть? О, пассажир приходит в себя, — слышит Ираклий монотонный голос пляжного спасателя откуда-то с суши. Кто-то поднимает его с земли и сажит.

Глаза открываются. Резкий свет. Моргает. Голова гудит словно включенный чайник, забытый на плите. Взгляд фокусируется — он не на море. Жаль. Этого его квартира. Повсюду следы обуви, пахнет растаявшим снегом и грязью с улицы. На полу разбросаны вещи, шкаф и тумбочки открыты. Во рту

солено от крови, словно перепил томатного сока. Язык машинально пробегает по зубам — все на месте и не шатаются. Разбита губа. В комнате трое выглядящих смутно знакомыми мужчин. Два плотно сбитых, словно близнецы и один длинный, высушенный, похожий на скелет баскетболиста, пялится в мобильный телефон Ираклия.

— Я уже устал от этих собеседований, — пытается подняться, не получается. Привязан к стулу.

— Каких собеседований? Это свидание, — отвечает один из плотных. Остальные начинают дико ржать. «Юморист, блин», — обзывает его про себя Ир.

— Что вам надо? Денег в квартире нет.

— Это мы уже знаем. Как и на твоём банковском счету — проверили, а также то, что где-то они у тебя есть. И вообще, Ираклий, кто так приветствует старых друзей? — Юморист подходит вплотную к нему. Ир его узнает и понимает, кто эти «старые друзья».

— Ну и что вам надо? Увидели, что я на нуле, и решили вернуть мне мой процент с кредита?

Мужчина с размаха бьет Ира в челюсть, от удара он падает вместе со стулом на пол. «Надо постелить ковролин, будет мягче в следующий раз», — с трудом сдерживает себя Ираклий. — «Ковролин-ковролин, думай о ковролине, какого он будет цвета? Не показывай им, что больно».

— Ты че дерзишь? — говорит ударивший, нависнув над ним.

— Слы-ы-ышь. Не убей его случайно, — вмешивается длинный, растягивая звуки.

«Точно наркоман», — на автомате определяет по голосу Ираклий.

— Не лечи меня. Под контролем.

Ираклий благоразумно молчит.

— Короче, пассажир. Мы могли долго объяснять, что ты нам должен, вести переговоры, спорить, доказывать, пугать тебя и прочее. Но решили сэкономить время за счет твоего здоровья,

чтобы сразу понял: не шутим, — ухмыляется болтун-юморист. — Поэтому перехожу к сути. Мы, законопослушные граждане, узнали, что ты три года назад подделал документы и взял кредит в банке. Несколько десятков мультов. Сумму знаешь. И перед нами стоит выбор: либо анонимно сообщить об этом преступлении в соответствующие органы, либо забрать у тебя часть денег и распорядиться ими по своему усмотрению. Может, вернуть банку, а может, помочь нуждающимся.

— Да, а мы конкретно нуждаемся, — добавляет плотный-два.

— Вы ведь не мусорнетесь. Это не по понятиям — сдавленно отвечает Ир. Юморист бьет его ногой в область печени.

— Не тебе нам про понятия втирать. Лошара! Понял?! — слова жертвы задевают бандита.

— У меня нет денег. Я на абсолютной мели.

— Не хорошо обманывать старых друзей. Ты же успешный бизнесмен. Продашь тачку, возьмешь еще один кредит.

— Пацаны, вы ведь не пойдете в полицию. Там меня начнут раскручивать и доберутся до вас. Не поверят, что студент в одного такую аферу провернул. Однозначно должны быть подельники, — с трудом говорит Ираклий, подбирая слова.

— Ты их плохо знаешь. Зачем им напрягаться, думать? Искать каких-то возможных сообщников? Если вот ты, вот доказательства — преступление раскрыто, злоумышленник наказан, а вот и место для звездочки на погонах, — юморист берет Ираклия за куртку и рывком поднимает с пола.

— Только не бейте. Машина куплена в кредит, квартиру снимаю.

— Как бабам пыль в глаза пускать — деньги есть, а как расплатиться по долгам — то все в кредит, — ехидно отмечает плотный-два.

— Светлана навела? — Ираклий с ненавистью переводит взгляд на мужчину.

— Нет, она ни при чем, — поспешно отвечает юморист, — мы следили за ней. И тут бинго, джек-пот. С кем это она встречается? Таким успешным и состоятельным?

— Я же говорю, это все мишура. У меня ничего нет.

— Короче, пассажир. Нас это не волнует, мишура — не мишура, понятия — не понятия, кредиты-шмердиты... Будешь отдавать по частям. Первый платеж — миллион рублей. Даем тебе неделю. Место и время напишем в мессенджере. И не вздумай идти в полицию! Нас примут — сядешь с нами, и сидеть тебе не понравится. Развяжите его, — приказывает он своим подельникам.

Освобожденный Ираклий еще долго неподвижно сидит на стуле, пытаясь осознать произошедшее.

«Надо выпить, — спустя несколько минут, а может и часов решается потерявший чувство времени Ираклий. — Вот черти, забрали весь крепкий алкоголь из холодильника! Ну хоть открытый рислинг не тронули, видимо, не формат. И зачем-то еще мой любимый магнит “злую надувную уточку” умыкнули».

На холодильнике остался висеть только красный круг с тремя буквами «ФБК».

После пары оглушенных залпом бокалов немного отпускает, и мужчина пытается собраться с мыслями. Безуспешно.

«Быт определяет сознание или как-то так. Надо навести порядок, будет легче думать», — собирается с силами Ир. — Одежду в пакеты и сдать в химчистку, противно носить после того, как в ней рылись эти уроды. Книги на полки, вот зачем было вырывать страницы из них? Нелюди! Документы — в тумбочку, все по местам. Вот, уже получше. Ноутбук не украли, хоть одна хорошая новость на сегодня. Где же телефон? Был у наркомана, который проверял SMS-выписки и мобильный банкинг. Куда он его дел? Вот? на полу в прихожей. Черти! Аппарат работает — это плюс. Сколько раз собирался поставить цифровой пароль и убрать идентификацию по отпечатку пальца? Займусь позже. Хорошо, денег

на счете нет, перевели бы себе, пока я валялся в отключке. Отличная привычка снимать наличку и прятать. Хмм, несколько непрочитанных SMS. Незвестный номер. Кто это?».

SMS были от Светланы: «Ираклий, НЕ ЕДЬ домой и позвони мне, как сможешь. Там засада», «Позвони мне срочно. Это Света».

По времени получения сообщений Ираклий не может определить, были ли они отправлены до, после или во время визита «старых друзей».

«Могу ли верить ей? Или это попытка спасти репутацию и сделать вид, что она не наводчица? Странно, что SMS не прочитаны. Наркоман их специально не читал? А может отправила SMS, как только появилась возможность, и на самом деле хотела меня спасти? — Ираклий пытается понять мотивы девушки и постепенно приходит к умозаключению, что никому нельзя доверять. Ни Свете, ни Смирнову, ни Николаю Ивановичу. Последний явно хочет избавиться от Юры, но я в его отделе и скорее всего тоже попаду под сокращение. Стоит ли пытаться спасти его? И насколько это реально? Ситуация явно вышла из-под контроля, раз ее уже освещают на федеральном телевидении. В принципе, Смирнов правильный мужик. Мне ничего плохого не сделал. Взял Аркашу на работу. Говорит все как есть, не темнит. Руку жмет крепко, и самое главное, видно, что болеет за Агентство и не представляет своей жизни вне него. Черт с ними всеми, посмотрю, можно ли спасти хотя бы его. Надо найти, кто мочит «Сирамидзу», и поразмыслить, можно ли их нейтрализовать, а потом уже буду думать, что делать с шантажистами. Тем более, что Смирнов ждет только до утра», — принимает решение Ир, погрузившись в экран своего ноутбука.

Яркое солнце ломится в окно. Ираклий просидел за компьютером всю ночь и не замечает, как наступило утро.

«План готов, надо решить, как отправить его Юре. Можно ли позвонить ему или еще слишком рано? — размышляет он. — Если сейчас не позвоню, то усну и просплю

весь день. Держусь только за счет тех литров кофе, что выпил за ночь. Надо звонить. Смирнов сбросил вызов — еще спит, попробую чуть позже».

Ираклий встает из-за стола и пытается сделать зарядку, хоть как-то оживить отекавшие и отбитые мышцы. Мышцы сопротивляются и не хотят тянуться и напрягаться. Мобильный телефон вибрирует. Поколебавшись несколько секунд, размышляя, отвечать или нет на незнакомый номер, Ир поднимает трубку.

— Да, слушаю вас.

— Это я. — «Я» — это Юра, определяет Ираклий по голосу. — Звоню с запасного номера, чтобы вызов не отследили.

— Хорошо, у меня готов план как спасти репутацию «Сирамидзу», но действовать надо максимально оперативно. На какую почту отправить?

— Никакой почты. Сделай снимки экрана, залей их в архив из двух файлов, первый вышли в мессенджер на этот номер, второй — на номер, который сейчас продиктую, — дает распоряжение Юрий.

— Будет сделано. Не смогу сегодня прийти на работу, не спал всю ночь.

— Принял.

Ираклий уже хочет закончить вызов, так как привык к обрезанной манере общения собеседника и решает, что они все обсудили, но Смирнов не вешает трубку и говорит: «Ираклий, не знаю выстрелит ли план или нет, но я ценю, то, что ты его подготовил. Спасибо!».

— Это моя работа, — теряется Ир от неожиданного выражения благодарности.

На выполнение инструкции уходит минут десять, и покончив с отправкой плана Ираклий едва находит силы сходить в душ перед тем, как отключиться в беспокойном сне.

Веки, словно расшатанные жалюзи, поднимаются с трудом. Левый глаз утонул под синяком. Бок ноет от боли, в голове идут ремонтные работы. Ираклий просыпается и пытается прочувствовать каждый орган своего тела. Ответная реакция на нервные импульсы — боль.

Рука тянется к смартфону, посмотреть бы, который час и сколько проспал. Телефон разрядился. Нужно включать компьютер, тело сопротивляется любому движению.

«Хорошо, что больно. Значит, еще живой, — подбадривает себя. — Ого, проспал весь день. Уже поздний вечер. Интересно, смог ли Юра уговорить Куратора или Николая Ивановича запустить мою кампанию по спасению “Сирамидзу”? Позвоню ему сейчас. Хотя нет, сначала посмотрю новостную выдачу поисковиков. Вот это да! Моя новость на первом месте! Сработала концепция! Все же, я молодец! И Смирнов хорош, смог убедить Погорелова.

Агентство оперативно отработало — мощная машина. Мне такие возможности и не снились раньше. Любую идею можно вывести в топ новостей, сделать самой обсуждаемой в социальных сетях и мессенджерах. А что, собственно, я радуюсь? Мне-то толку от этих ресурсов? Они мне не помогут избавиться от вымогателей. Ладно, не нервничай, — Ираклий говорит сам с собой. — Какие есть опции? Все бросить и сбежать куда-нибудь на юга на полгода-год? Не вариант, денег на такой период времени не хватит. И как я объясню в Агентстве, что вынужден скрываться? Если я исчезну, шантажисты однозначно сдадут меня полиции, хотя бы ради мести. Выход — один. Сейчас собираю деньги, отдаю им миллион. Их бдительность притупляется — продаю машину, вроде для того, чтобы собрать на второй платеж для них, а на самом деле этих денег хватит на год спокойной жизни где-нибудь у моря. Договариваюсь с Юрой об отпуске на год за свой счет и исчезаю — за это время бандиты либо умрут от наркотиков, либо загремят в тюрьму, — пытается убедить себя, не замечая нестыковок в плане. — Надо придумать, где взять недостающие полмиллиона. У кого одолжить? Отдам сразу, как продам машину».

— Вот он, грабитель! В наручники его! — раздается крик над самым ухом, и чьи-то тяжелые руки ложатся на плечо Ираклия, не давая ему развернуться. За доли секунды в голове пролетает мысль: не закрыл дверь после ухода бандитов и поэтому не услышал, как кто-то зашел в квартиру. Кровь пульсирует в ушах, в глазах от слабости и неожиданного испуга появляются снежинки.

— Я хозяин квартиры, — еле выдавливает из себя Ираклий, голос звучит как чужой.

— Дружище, я же шучу! — спокойно звучит мужской голос, и Ир узнает говорящего, напряжение покидает тело.

— Ты debil, Аркаша! Напугал меня, — он поворачивается лицом к гостю. Теперь очередь собеседника пугаться.

— Кто? — глаза товарища увеличиваются от удивления.

— Подрался в баре.

— Я бы больше поверил в то, что тебя сбил трактор, затем асфальтоукладчик не заметил, а чтобы тебя отодрать от асфальта потребовался кран.

— Можешь верить во что хочешь.

— Расскажешь?

— Нет, — категорично отрезает Ираклий.

— Ясно. Ладно.

— Ты что тут делаешь?

— Потерял тебя.

— Мог бы позвонить.

— Звонил больше двадцати раз, — укоряет Аркадий. Ираклий вспоминает: телефон разряжен.

— Забыл включить мобильный.

— Уже двое суток не выходишь на связь. В Агентстве такое творится! Хотел тебе рассказать.

— Как двое суток... Какое сегодня число?

— Шестнадцатое. Ты как? — Аркадий внимательно смотрит на Ира, — У меня есть хороший доктор, который не задает вопросов. Прокапает и уедет. Вызвать?

— Не надо. Я проспал двое суток... Сейчас приду в себя. Так что там в Агентстве?

— Долгая история. Смирнов вызвал меня на работу вчера рано утром. У него был план действий по восстановлению репутации «Сирамидзу». План — гениальный. Одно «но»: его надо было запустить до обеда.

«Юра пошел ва-банк, решил не согласовывать свои действия с Николаем Ивановичем и запустить кампанию до его официального возвращения из отпуска», — понимает Ир.

— Что за план?

— Сейчас расскажу по-порядку. Он пригласил меня и еще несколько коллег, ответственных за Рой, встретиться за пределами Агентства. Сначала объяснил, в чем причина нашего провала и почему до сих пор не смогли прикрыть эту историю. Ты как думаешь? — Аркадий явно доволен собой.

— Без понятия. Расскажи, — Ираклий не хочет показывать товарищу, что знает продолжение истории.

— Причина в том, что мы столкнулись с неуправляемой силой — социально активными мамочками, в Америке их называют *sosser moms*. История с гибелью ребенка резонировала с их главным страхом — потерять ребенка. Мы не справлялись с модерацией их сообщений, так как основное обсуждение шло на женских форумах, которые мы не модерлируем и не контролируем. На этих же форумах они жаловались друг другу, что их посты в социальных сетях стираются и видоизменяются. Поэтому ключевой задачей, как ее обозначил Смирнов, стало уничтожить доверие к первоисточнику информации — матери ребенка.

— Как?

— Первым шагом мы забрали контроль над ее профилем, профилем сына и бывшего мужа. В ее профиле разместили множество постов за прошлые даты, в которых она жалуется на сына и мужа. Сделали доступными ее закрытые фотоальбомы, там были фотографии в купальниках, с домашних вечеринок. К ним примешали фотографии с ночных клубов и вечеринок, на которых она якобы была. Поудаляли статусы, где она вместе с ребенком. Все работало

на создание образа матери-одиночки с пониженной социальной ответственностью, ведущей аморальный образ жизни, для которой сын — тяжелый груз, а ей хочется гулять и веселиться.

Мужа мы выставили жертвой. Он тяжело переживал ее измены, постоянные скандалы, развод, недостаток общения с сыном, об этом практически все его статусы в социальной сети. Я так поработал над текстами, что аж сам поверил в происходящее, — на кураже рассказывает Аркадий. — Профиль мальчишки сделали закрытым, полностью зачистили от сообщений и статусов. У всех троих заменили друзей на ботов и цифровые души. Профили настоящих друзей заблокировали. Это был подготовительный этап.

— Дальше? — Ираклий слушает, как Агентство реализовало его план.

— А дальше дело техники. От имени нескольких ее новоприобретенных подруг написали пару постов, в которых рассказывали историю этой семьи, мол на самом деле мать алкоголичка, ненавидела сына, и отравился он дома, а с «Сирамидзу» хотела поиметь денег. Еще двое написали, что их дети так же были в этот день в ресторане, и с ними все в порядке. А вот женщина была неадекватна, скорее всего пьяна, но может быть и под наркотиками. Закинули ссылки на эти истории на женские форумы, вывели их в топ обсуждения в социальных сетях и мессенджерах, спустя несколько часов историю подхватили интернет-СМИ, дальше процесс мы уже не модерировали. Социальные активисты, разные блоггеры и прочие хайпожоры порылись в профилях матери и нашли множество доказательств в подтверждение того, что женщина пила и не любила сына. Вывод: в смерти ребенка виновата она. Количество их всевозможных расследований ради собственного пиара вчера перевалило за сотню. История добралась до телевидения. Чуть позже мы запустили хештег #яемвСирамидзу. Как результат — вчера вечером в ресторанах сети не было ни одного свободного столика, и полная бронь

на две недели вперед. В качестве финального аккорда представитель «Сирамидзу» сегодня впервые прокомментировал эту историю, компания сочувствует горю матери, просит ее ни в чем не винить, в суд подавать не будут, а вчерашнюю выручку жертвуют в Фонд жертв семейного насилия.

Ираклий слушает с отвращением. «Как такое могло прийти ко мне в голову! Я чудовище! А Аркаше это, кажется, нравится».

— Не противно в этом участвовать было? У женщины умер ребенок, а вы лишили ее права на возмездие, глумитесь над ее воспоминаниями, подменивая их фальшивыми, и хуже всего — сделали виноватой.

— Пацана не вернешь — это раз, толку от ее возмездия ноль, — в голосе Аркадия проскальзывают жесткие нотки, которых Ир раньше не замечал. — Смысл мстить? Могла договориться по тихой с владельцами ресторанов, они готовы были заплатить ей огромные деньги, лишь бы замять эту историю. Нет же, пошла на принцип. Во-вторых, из-за ее мести множество людей потеряли бы работу — официанты, повара, работники Агентства в конце концов, а у всех семьи и дети. А в-третьих, не строй из себя целку, я ведь сразу догадался, что это твой план. Не первый год с тобой работаю. Юрий — нормальный мужик, но на такой полет фантазии явно не способен, тут однозначно почерк твой. Ты?

— Я, — соглашается Ир, взгляд падает на пол.

— Теперь я понимаю, почему Смирнов ценит тебя больше всех в нашей компании.

— С чего взял?

— Стал бы он меня отправлять проводить тебя в момент своего триумфа, когда все в Агентстве пьют и отмечают.

— Аркаша, это все ведь ради денег, да? Что с нами происходит?

— Дружище, ты расклеился. Объясняю свою позицию еще раз. Мы живые и нам надо на что-то жить. Да, я несчастлив от того, что мне приходится делать. Но люди

и за меньшие суммы готовы убивать. Такова жизнь, и ты ее не исправишь. Мы же не сделали ничего плохого. Вдумайся: этот несчастный ребенок — единственный, кто отравился в «Сирамидзу» за годы ее существования. Причина в нем, а не в ресторане. Может, он болел, аллергия, руки плохо помыл — кто знает? И что эта женщина пыталась сделать? Загубить бизнес и зависимых от него людей ради мести.

— Мести ли? Она искала справедливости...

— А смысл? Что такое справедливость? По деянию воздаяние. Кому она собиралась воздавать? Да и за что? Говорю же: не факт, что ребенок отравился в «Сирамидзу».

— Не факт, — соглашается Ираклий.

— Вот. Значит, главное — избежать таких ситуаций в будущем. Если бы она реально хотела это сделать, взяла бы деньги и потратила на помощь нуждающимся или больным. Но она хотела разрушать, а не создавать. Надо верить в возможность счастья, чтобы быть счастливым, я верю в него. Оставим мертвым хоронить своих мертвецов, а пока жив — надо жить и быть счастливым. Если тебя мучает совесть за содеянное, потрать часть гонорара на благое дело. Вернуть мальчишку никому из нас не по силам, но мы можем помочь больным или обездоленным. Когда есть деньги, можешь многое. Так что лучше быть при деньгах. Я так считаю, — говорит Аркадий, и Ираклий видит, что его товарищ говорит не спонтанно, а явно продумывал и перерабатывал эту историю.

— Хорошо, проехали. Ты прав, — смиряется Ир с его доводами, но не с самой ситуацией, а может быть соглашается только ради того, чтобы не обидеть собеседника. Сам не понимает.

— Ну и ладушки. Рад, что мозги тебе не окончательно отбили, — меняет тему гость.

— Да, я тоже рад. У меня есть небольшая просьба. Одолжи мне полмиллиона на две недели, — решается он.

— Ого. Зачем?

— Не могу сказать.

— Тогда я не могу одолжить. Может быть ты хочешь их пропить, и отказом я спасу тебе жизнь,— переводит в шутку неудобную тему Аркадий.

— Я задолжал серьезным людям...

— Это они тебя так?

— Да.

— Зачем ты одалживаешь у плохих людей? Тачку значит в долг купил?

— Да, так вышло. Ты можешь помочь? — Ираклию неловко просить деньги у Аркаши.

— У меня столько нет. Ты же знаешь, Маргарита ушла и забрала все наши сбережения. Я заработал в Агентстве, но не сэкономил, не знаю точно, сколько у меня есть.

— Забудь. У меня есть, где одолжить.

— Точно?

— Да, не волнуйся. Тебе уже пора,— выпроваживает товарища хозяин. — Мне надо в душ и поесть.

— Хорошо. Дверь закрой.

Аркадий ушел, и Ираклий чувствует, что зря попросил в долг. «Самому не очень, и еще друга поставил в неприятное положение. Как ни крути — плохо вышло. Может быть, он и рад одолжить, но денег нет. Теперь будет мучаться от мысли, что не смог помочь. А если деньги есть, будет расстраиваться, что не облегчил мне сбор», — думает Ир.

Грустные мысли прерывает телефонный звонок. Аркадий.

— Дверь закрыл? — Начинает с вопроса.

— Да, не волнуйся.

— Я прикинул сколько у меня есть и позвонил товарищу, он немного добавит. Могу одолжить, но с одним обязательством с твоей стороны.

— Слушаю.

— Хочу знать время и место, куда ты поедешь возвращать долг,— обозначает условие мужчина.

— Зачем?

— Если с тобой что-то случится, буду знать, куда вызывать полицию.

— Серьезно?

— Как хочешь. Либо берешь на моих условиях, либо нет.

— Договорились, — нехотя соглашается Ираклий.

— Привезу завтра.

— Спасибо за помощь. Ты настоящий друг.

Встреча назначена на автозаправке за городом. Ранний вечер, проезжающие мимо автомобили еще не определились — ближний свет или габаритные огни. Температура скачет вокруг нуля, и снег превратился в подмерзшую жижу, напоминающую недоеденную и остывшую кашу. Если копнуть глубже грязной корки, то там вполне приличный снег. А так — мерзость.

Знобит, а от запаха бензина и стряпни придорожного кафе уже дурно.

Ираклию велено приехать на такси и ждать у входа в кафе при заправке. К его удивлению, потертая спортивная сумка с миллионом совсем не ощущается в руках. «Несколько лет работы среднего специалиста в руках, а я не чувствую их груза. Люди вынуждены работать годами и за меньшие деньги, а эти вымогатели получают их просто так, из-за моей глупой ошибки прошлого», — думает он в ожидании шантажистов.

Машины одна за другой, словно на конвейере, заезжают, заправляются и исчезают. Бандиты задерживаются уже больше, чем на полчаса. Проскакивает надежда, что их прикрыли за прошлые махинации, но он продолжает ждать. Чтобы не замерзнуть и хоть как-то развлечься Ираклий решает считать автомобили и группировать по цветам, но идея проваливается. Природа, а не демократия сделала всех одинаковыми — грязно-серыми.

Подъезжает раздолбанная корейская иномарка с полностью тонированными стеклами.

— Хватит залипать, садись! — неожиданно хлопает по спине появившийся из ниоткуда, юморист. Ираклий понимает, что тот все время сидел в кафе и следил, не привел ли он подмогу.

— Я с вами не поеду. Бери сумку. Там вся сумма, — пытается сопротивляться Ир.

— Не тупи. Я че буду на заправке пересчитывать? Залазь, — мужчина открывает заднюю дверь, и цепкие руки заталкивают Ира силком. Сам прыгает следом. Машина рывком стартует с места.

Ираклий оказывается зажат между юмористом и длинным наркоманом, за рулем, видимо, сидит второй плотный.

«Вся бригада в сборе», — думает Ир.

— Ты че, урод, там раздумывал стоял? Пора уже запомнить: я дважды не повторяю. Стоит, думает, урод! Повторять меня заставляет, — возмущается болтун, повторяя мысль.

— Не был уверен, вы ли это или кто-то другой. Не хотел, чтобы ваши деньги забрали не вы. Хотелось быть уверенным, — отвечает он.

— Правильно, — не замечает издевки мужчина — давай сюда сумку и телефон, умник.

Телефон летит в окно.

— Куда едем? — голос водителя звучит взволновано. Ираклий по голосу узнает его. Да, это плотный-два. Скорее всего, эта троица — и есть вся банда.

— Вы сговорились бесить меня? Уже три раза говорил куда — в лесополосу. Съезд перед поворотом на трассу. Не пропусти. Выйдем на поляне, пересчитаем бабло. Воспитаем немного пассажира, чтобы впредь не обманывал старых друзей. Говорил денег нет, а сам за недельку все собрал, — злобно выдает шутник. — Значит, за две сможет собрать оставшуюся часть. Проведем мотивационную беседу. Зарядим на успех, — его подельники ухмыляются.

Ираклий хочет что-то возразить, но решает не нервировать вымогателей. Едут молча. Слышно, как барахлит

расшатанный мотор, стеклоочистители автомобиля скрипя из последних сил пытаются отчистить грязь с треснутого в некоторых местах лобового стекла. Тщетно. Из-за глухой тонировки абсолютно непонятно, где они едут и едут ли вообще. Иру кажется, что они сидят в батискафе на дне болота. Дождь вперемешку с мокрым снегом дополняет это впечатление. Все происходящее напоминает ему рассказ, в котором ад оказался лифтом, где главный герой был заперт с самыми неприятными людьми навечно. В машине воняет дешевым табаком и потом. Ираклий улавливает легкий химический запах. «Уксус? — Пытается определить он. — Нет, ацетон. Наркотики». Пахнет от длинного, сидящего рядом. Ираклий украдкой взглядывает на него. Он уснул или, что вероятнее, отрубился от прихода. «Господи, я попал в зависимость к банде неудачников. Несколько лет назад дела у них явно шли лучше. Или я был молод и не замечал, что это просто посредственные бандюганы», — думает он.

— Включи музыку. Рубит спать, — командует говорун.

— Работает только радио.

— Давай хотя бы его.

«...И сегодня президент посетил завод “Локомотивтех», где ему показали инновационный комплекс сдерживания “Чувствительный”. Как отметил президент, данный комплекс не имеет аналогов в мире и является перспективной разработкой, которая позволит повысить обороноспособность нашей страны и убавит количество желающих вмешиваться в дела нашей Родины», — бодро рапортует диктор радиостанции, словно рассказывает о мировом рекорде по плаванию, а не о смертельной разработке.

— Правильно! Нефиг этим пиндосам выделываться, — комментирует юморист.

— Да, превратим всех в радиоактивный пепел, — наркоман, оказывается, не спит.

Их развалину обгоняет автомобиль, на ветровое стекло хлыщет дорожная грязь. Плотный-два резко притормаживает.

Ираклий и любитель состояний измененного сознания успевают упереться в передние кресла. Руки юмориста крепко держат сумку с деньгами, и поэтому он с размаха ударяется головой о сиденье спереди.

— Ты че творишь, конь,— орет он,— новостей раньше не слышал? Выключи радио!

— Да тут олень специально подрезал и забрызгал всю лобовуху. Не заметил его,— оправдывается водила, нервно сигналиая и матерясь, словно его слышно за пределами машины.

— Слы-ы-ышь, стекло помыть надо. Ни хрена же не видно. Убьемся,— вышел из летаргического сна длинный.

— Сейчас остановлюсь, протру.

Мотор затихает, водитель вытаскивает грязную тряпку из бардачка, тот сопротивляется и не хочет закрываться обратно. Плотный-два нервно дергает, раз-два, и оторванная крышка остается в руках. Слышен приглушенный мат.

— Да выкинь ты ее! — не сдерживается юморист, напрочь забывший про чувство юмора. — У меня тут миллион, а ты время тратишь на ерунду. Иди уже стекло протри!

Водитель, что-то бурча под нос, нехотя вылезает из машины. Уставшие дворники продолжают бессмысленное движение по лобовому стеклу без какого-либо результата. Ираклий усмеяется, водитель даже не додумался их отключить. Слышен тикающий звук аварийной сигнализации. Рядом сопит наркоман. Второй сосед Ира явно нервничает, дышит тяжело, руки крепко сжимают сумку, видно побледневшие костяшки.

Наконец-то плотный-два начинает протирать стекло от налипшей слякоти — сначала со стороны пассажирского кресла. Видна причина его задержки — во рту дымится свежеподкуренная сигарета. Размазав грязь по окну справа и, видимо, решив, что главное — чтобы ему дорогу было видно, он перестает пытаться оттереть эту половину и медленно обходит автомобиль. Глаза смотрят вниз, ноги неуверенно переступают лужи. Исчезает из виду. Сидящие внутри мужчины видят происходящее будто сквозь бойницу танка или

приоткрытую, но вертикально дверь. На улице стемнело, затонированные стекла и грязь на окне лишают их полноценного обзора. Ираклию кажется, что время растягивается, словно книга, подогнанная под требования издателя. Происходящее начинает напоминать замедленную съемку. Тряпка хлюпает на стекло и начинает лениво танцевать ламбаду. Делает несколько нервных движений, словно решила перейти на тверк, а водитель зачем-то ложится на капот. Затем внезапно со всего размаха его голова бьется о лобовое стекло, кровь из носа вылетает, как жидкость из шарика от пейнтбола, и добавляет немного яркой краски в их тоскливый вечер.

Юморист едва успевает сказать «что за..», как слышатся хлопки, лопаются стекла, и оба подельника катапультируются из машины головой вперед через разбитые окна.

Ираклий остается один. Рядом лежит его спортивная сумка. Лицо водителя прижато к лобовому стеклу, стеклоочиститель стучит его по носу, размазывая кровь по окну и норовя попасть в вытаращенный глаз. В машине резко становится свежо и прохладно. Одинокий пассажир сидит в прострации. Мозг пытается проанализировать происходящее. Безуспешно. Оцепенение.

— Поехали, домой отвезу, — знакомое лицо заглядывает в выбитое окно, — или ты такси ждешь?

— Юрий? — удивляется Ираклий.

— А ты кого ждал? Маму? — улыбается Смирнов, и Иру становится легче.

— Едем, — Ир выходит из машины, стараясь не поцарапаться о валяющиеся осколки.

— Сумку-то захвати. Как-никак там мои полмиллиона.

Бандиты лежат в грязи и крови прямо на дороге за их колымагой. Руки в наручниках вывернуты за спины. Над ними нависает несколько крепких парней в камуфляжной форме, с автоматами и без опознавательных знаков. Лица скрыты черными масками. Развалюха шантажистов зажата между двумя черными микроавтобусами.

Ираклий садится в стоящий рядом джип начальника.

— Как узнал? — спрашивает Ир.

— Позвонил Аркадию поинтересоваться, как ты. Он сказал, что ты подрался и нужны деньги. Дальше — дело техники.

— Ты приказал Аркадию выяснить время и место передачи?

— Да, но на всякий случай в моих деньгах радио-жучок.

— Что будет дальше? Они ведь мне этого не простят, — кивает Ираклий на распластанных шантажистов.

— Можешь забыть про них. Уедут надолго: мошенничество, распространение наркотических веществ, грабеж и все это в составе организованной преступной группировки, — монотонно перечисляет Юрий, вырuling на трассу.

— У них компромат на меня.

— Был. Теперь ты абсолютно чист. В официальной версии следствия они украли у тебя паспорт и взяли кредит без твоего участия.

— Спасибо тебе! Я не рассчитывал на твою помощь, ты ведь был не обязан меня выручать, — говорит он с чувством глубокого облегчения.

— Ираклий, это я должен тебя благодарить. Знаю, что Погорелов предлагал кинуть меня и не пытаться спасти проект «Сирамидзу». Твое решение меня удивило. Ты доказал, что могу тебе доверять. Мы пошли на риск и выиграли. Рестораны «Сирамидзу» популярны, как никогда. Историю с отравлением уже никто не помнит. Куратор выбил Агентству дополнительное финансирование. Аркадий оказался отличным автором и вписался в команду. Николай Иванович ушел на внезапный больничный, Куратор им недоволен, воспринял его поступок как личное предательство, думает, тот хотел специально слить «Сирамидзу». Наши позиции крепки, скоро нам поручат самые важные проекты. Так что это самое малое, что мог сделать для тебя. Запомни: теперь ты часть семьи, а у нас в семье все стоят друг за друга, — Юрий отпускает на секунду руль, рука ложится Иру на плечо и слегка сжимает по-дружески в знак признательности. — Тем более, судя

по синякам на лице, ты работал над репутацией «Сирамидзу» не в лучших условиях. Тебя явно надо отдохнуть.

— Да, не помешало бы, — Ираклий открывает сумку и начинает отсчитывать половину суммы, чтобы вернуть Юрию.

— Оставь себе. Это премия за спасение «Сирамидзу» и меня. Вот, кстати, знаю, он тебе дорог. — Юрий протягивает его телефон. Аппарат поцарапан и экран треснут, но работает.

«Куплю новый. Хорошо, что наделал копии фотографий и видео с Наташей. Не страшно потерять телефон. Вообще зря со Светой связался, ведь хотел написать Наташе. Света, о господи! Что с ней?» — проносятся мысли в голове.

— Юра! Я-то спасен, но там была девушка, следив за которой они вышли на меня. Что с ней? Она же в опасности!

— Да, — вздыхает Смирнов и некоторое время медлит, думая, продолжать или нет. Решается. — В работе ты гений. Но в жизни — редкий идиот. Та, которую ты знаешь под именем «Светлана», — главарь банды, она же главная наводчица и постоянно занимается поиском таких простаков как ты. По ее указанию тебя избили и сегодня собирались убить. *Кого-то испортили деньги, кого-то отсутствие их.* Она не верила, что с тебя можно вытянуть больше, и боялась, что обратишься в полицию. Ее отговаривал один из участников банды. Тот, который тебя поджидал на заправке. Она уже дает признательные показания, так что лет через пятнадцать сможешь продолжить с ней свой роман.

Вопросов у Ира больше нет.

На душе странно. Чувства смешались: легко, пусто, противоречиво. Легко от ощущения свободы, от того, что никому ничего не должен, и история с подставным кредитом наконец-то закончилась. Пусто от предательства Светы, которая и не Света вовсе. Боится себе признаться: надеялся, что она хорошая и такая же жертва, как и он.

«Да, Смирнов прав. Нужно отдохнуть. Сейчас же куплю билеты в лето, на море. Соберу вещи и завтра полечу. Справедливость существует. Я живой и при деньгах, меня ждут солнце и голубое небо, а их — клетчатое и по расписанию, — думает Ираклий без всякого злорадства. — Это их выбор».

Интернет-браузер открывает страницу авиакомпании, и по привычке, не дожидаясь загрузки, Ираклий кликает на вкладку агрегатора новостей. Главная новость часа: «Женщина, обвинявшая ресторан в смерти сына, покончила с собой». Подсознательно Ираклий отмечает: хорошо, что в заголовке не упоминается название «Сирамидзу». Ссылка загружается. Сайт, специализирующийся на грязных и скандальных новостях. «Устала бороться с алкогольной зависимостью. Не выдержав общественного порицания, повесилась. В квартире обнаружено несколько пустых бутылок от водки. Предсмертной записки не оставила», — читает он.

«Справедливости не существует. Это я убил ее. И еще радуюсь, что в новости нет названия ресторана. Неужели я пошел на все это из-за денег? Кем я стал? — Ираклий раздавлен. Он противен самому себе. По недавно выработанной привычке включает телевизор, в избранных — видеозапись, просмотренная сотни раз, вторая соната Шопена в исполнении Наташи. Глаза Ираклия влюбленно смотрят на ее изящные пальчики, ловко перебирающие клавиши фортепиано. Приходит покой. — К черту работу в Агентстве. Мне не нужны деньги такой ценой. Все брошу. Найду Наташу, перееду в ее город. Устроюсь работать в школу — буду сеять добро. Забуду все это как страшный сон».

«Привет. Я плохой человек. Поговоришь со мной? Я не хочу больше жить», — не раздумывая, отправляет сообщение Наташе в социальной сети. От спонтанности этого поступка Ираклия бросает в пот.

Проходит максимум 30 секунд, и руки в панике тянутся стереть сообщение. Но уже поздно — от девушки пришел ответ.

— А мне почему об этом пишешь? — спрашивает она.

— Странно, но мне, кажется, я тебя люблю, — Ираклий идет ва-банк.

— Ну, если любишь, то значит ты не плохой человек, а если любишь меня, то вообще прекрасный. Давай договоримся: ты три месяца ничего с собой не делаешь, а потом напишешь мне, — отвечает она.

— А что мне за это будет? Сходишь со мной в кафе?

— Шантажист)))))) Через три месяца поговорим, — высвечивается сообщение на экране, и девушка уходит в оффлайн.

«Еду на море. Хватит с меня стресса» — решает Ираклий.

Глава 4

— Выглядишь лучше, чем в прошлый раз. Неудивительно. Столько отдыхать! Сколько тебя не было? Четыре месяца? Нет, больше! *Бодро слетал в Тай, на Пхукет, в одну маску.* Следы побоев прошли, загар лег ровно, — выдает вместо приветствия еще больше располневший Аркаша, тело которого, как подтаявший холодец волнами трясется от смеха.

— Поэтому предложил меня встретить? Боялся упустить возможность поиздеваться? Я мог и на такси до дома добратся, да и тебе не пришлось бы в аэропорт тащиться. Долго еще будешь вспоминать эту историю? — имитируя раздражение отвечает Ираклий, хотя на самом деле соскучился по старому товарищу.

— Нет, проехали. Рад тебя видеть. Помочь с чемоданом? Я тут недалеко припарковался.

— Справлюсь, пошли.

— Как отпуск? — заведя автомобиль, спрашивает Аркадий.

— Отлично. Плавал, загорал, слушал музыку, ел и пил. — отчитался Ир. — Ты как?

— Хорошо, меня повысили. Я теперь старший воспитатель Роя! — с гордостью в голосе говорит он.

— Мне это все безразлично. Я вышел из игры.

— В курсе. Смирнов сказал, что ты устал и собрался бросить работу в Агентстве. Окончательно решил? — спрашивает Аркаша.

— Да. Давай не будем обсуждать работу. Стараюсь забыть историю с «Сирамидзу». Расскажи лучше, как у тебя с Марго? Ты ведь сейчас нормально зарабатываешь. Деньги появились, не пытался ее вернуть?

— Нет. — Мужчина замолкает на некоторое время, словно обдумывая, продолжать или нет. — У меня появилась девушка. Ей всего двадцать, и она от меня без ума. Марго мне больше не нужна, не общался с ней уже несколько месяцев.

— Ого. Внезапно! Как вы познакомились?

— Она написала мне в приложении для знакомств.

— Ты же говорил, что любовь важнее денег.

— Я и сейчас так считаю. Только с деньгами любовь более качественная.

— Качественная?

— Да, не надо тратить время на бытовуху и поиск бабла — можно полностью посвятить себя чувствам и их развитию. Отдаться другому человеку и наслаждаться друг другом.

— Ты не думал, что эта молоденькая девчонка с тобой только ради денег?

— Нет. Это Марго была со мной из-за денег. Все наше имущество, долги, кредиты, обязательства, общие друзья, родственники, знакомые, прошлое — скрепляли нас крепче любовных уз. И я, и она боялись признаться, что мы живем вместе не из-за чувств, а из-за накопленного багажа. *Появились деньги — я о ней забыл!*

— Сейчас не так?

— А сейчас все легко. Захотели в ресторан — идем. В театр — легко. Кино, кафе, любые развлечения, шоппинг — не вопрос. *Деньги не проблема, деньги не проблема.* Пока ждал твой самолет, подружка предложила пойти на концерт какого-то модного исполнителя. Раньше я бы слился из-за отсутствия денег, а сейчас говорю, конечно, пошли, — с хозяйской интонацией говорит Аркаша.

— Не нагулялся? — глядя на собеседника спрашивает Ираклий.

— Не нагулялся, и не хочу больше об этом. Марго меня предала. Не простил, — замолкает Аркадий, полные губы сжимаются в узкую полоску.

— Куда мы едем, забыл, где я живу? — Ираклий обращает внимание на дорогу.

- В Агентство. Смирнов хочет с тобой поговорить.
- Остановись. Вызову такси. Не хочу его видеть.
- Просто выслушай его. Сделай мне одолжение. Ради нашей дружбы. Как поговорите — отвезу домой.
- Только ради тебя.

— Присаживайся. Чай, кофе? — после крепкого рукопожатия спрашивает Юрий.

— Воды.

Ираклий молча потягивает ледяную минералку. Слышно, как тихо жужжит вентилятор ноутбука на столе хозяина кабинета. У Смирнова уставший взгляд и мешки под глазами. Он не решается начать беседу, пальцы беззвучно стучат по столу. Ираклию кажется, что он играет Шопена. Мысли опять возвращаются к Наташе, к ее хрупким пальчикам, на них видны тоненькие вены, в которых пульсирует жизнь.

— Для меня это тоже было ударом, — Юрий выводит Ира из комы. Говорит медленно, взвешивает каждое слово. — Зря улыбаешься. Я хотел победы, но не такой ценой. Не желал никому смерти.

— Никто не хотел, но это не снимает с нас ответственности. Мы — убийцы, — хрипло отвечает Ираклий.

— Мы ее не убивали. Она умерла вместе с сыном. С ним из ее жизни исчез смысл существования. Ее убила сама жизнь.

— Удобная позиция. Это не мы — это жизнь. Таким образом можно оправдать все что угодно.

— Я не пытаюсь. Нам нет оправдания. Она искала смерти, а мы дали ей ружье. Это наша вина, но ее решение. Ты не имеешь никакого морального права винить себя. Люди продолжают жить и в худших обстоятельствах. Она была слабой.

— Слабой? — удивляется Ир.

— Да. Это слабость ставить свою жизнь в зависимость от других людей, даже самых близких — детей, друзей,

родителей, супругов. Каждый несет свой крест сам, максимум что мы можем сделать — поддерживать и быть рядом.

— Сначала говоришь, что сын был смыслом ее жизни, а потом утверждаешь, что это слабость. Разве человек слаб, когда у него есть смысл жизни? Слаб тот, кто живет без смысла и цели.

— Нет, такой человек не слабый, а гибкий. В мире нет ничего постоянного. *Нет на свете ничего, что можно выбрать за основу, нет пути иного, чем обретенье своего.* Цель и смысл могут меняться, а человек — нет.

— Допил. — Ираклий поднимает пустой стакан. — Могу быть свободен?

— Иди, не держу. Агентство продолжит выплачивать тебе процент от «Сирамидзу». Если думаешь, что это грязные деньги, отдавай на благотворительность. Можешь уйти от нас, но от чувства вины не уйдешь. Оно всегда будет преследовать тебя.

— Спасибо за поддержку, — грустно ухмыляется Ираклий, вставая из-за стола.

— Понимаю, что ты чувствуешь, и разделяю твою боль. Присядь, — указывает на кресло Смирнов. — У меня есть решение, как все исправить. Эту несчастную к жизни, конечно, не вернешь. Но можно сохранить миллионы жизней и облегчить жизнь еще большему количеству людей. Принести пользу Родине и заодно сбросить груз с души.

— И как же это сделать? Даже если я завещаю свои органы на трансплантацию, то смогу спасти максимум пару-тройку людей. Нет, только двоих, моя печень в текущем состоянии вряд ли кому-то пригодится.

— Рад, что чувство юмора тебя не покинуло, значит, не все потеряно, — натужно улыбается Юрий. Его рука ныряет в ящик стола. На свет появляется кипа газет и журналов. Смирнов протягивает ее Ираклию.

— Видел? — Спрашивает он.

Ираклий листает стопку. На передовицах, обложках, в статьях — одна и та же новость, но в зависимости от издания

подана с разным уровнем накала. От нейтральных «Проект “Чувствительный” будет закрыт» и «Бюджет “Чувствительного” исчерпан» до откровенно эмоциональных «Бесчувственная коррупция», «Очувствителей — обезглавить».

Глаза Ира с недоумением фиксируются на Смирнове. Во взгляде немой вопрос.

— Ничего не понимаешь? — уточняет Юрий.

— Мягко говоря.

— Небольшой экскурс. «Чувствительный» — уникальная разработка наших ученых, не попадающая под международные ограничительные договора о вооружении. Этот комплекс — оружие сдерживания будущего. Заряд разрушает только человеческий ДНК, все остальное в зоне действия оружия остается нетронутым. При условии завершения проекта можно полностью отказаться от ядерного оружия за ненадобностью, и все равно наша страна будет в безопасности десятки лет, — с гордостью говорит Смирнов, невольно привставая из-за стола. Рука поправляет и без того идеальный узел галстука.

— Понятнее пока не стало.

— Проект практически закончен, но при недавней проверке были выявлены факты коррупции, нецелевого использования средств и перерасхода бюджета, выделенного на реализацию. В итоге на финальной стадии проект лишили финансирования.

— Разумно.

— Не спорю, — поспешно соглашается Юрий, на челюсти проявляются и исчезают желваки. — Но только если смотреть со стороны текущего момента, а в перспективе это огромная потеря. *Сейчас мы проходим великое испытание, которое решит, способны ли мы устоять как нация, подобной которой нет ни по рождению, ни по призванию. Мы сошлись на поле, где гремят великие битвы войны. Мы пришли, чтобы освятить часть земли — последнее пристанище тех, кто отдал свои жизни ради жизни нашей нации. И это само по себе вполне*

уместно и достойно. И уж лучше сейчас закончить проект, обезопасить страну, а не бросать проект в метрах от финиша. Я предлагаю тебе придумать концепцию, как вернуть народную поддержку «Чувствительному», чтобы чиновники ничего не оставалось, кроме как выделить финансирование на его завершение.

— Юра, не могу понять — то ли я сошел с ума, то ли ты? — Ираклий возмущен, голос дрожит. — Ты предлагаешь искупить вину за смерть женщины, примириться с самим собой, продвигая оружие массового уничтожения? Считаешь, мне мало одного убийства на душе, и надо добавить еще несколько тысяч?

— Успокойся. Дослушай. Большая часть убийств за все время существования человечества произошла с помощью кухонного ножа, и несмотря на это его можно купить в любом магазине без каких-либо ограничений. Во власти на земле нет идиотов, способных применить оружие массового уничтожения, даже если такие есть, им не позволят этого сделать. Ни одно решение не принимается в одиночку. Это бесконечные совещания, планерки, в которые вовлечены десятки людей, и у большинства из них есть жены, мужья, дети, внуки, да и сами они хотели бы пожить. Главная задача этого типа вооружения — сдерживание. Это как ходить в секцию на бокс. Все знают: ты боксер и никто тебя не задирает. Но если ты слабый — рано или поздно обязательно обидят. Так вот, наличие «Чувствительного» — это как черный пояс по карате, самбо, боксу и все плакаты «Осторожно, злая собака», «Забор под напряжением» и «Минное поле» сразу. Никто не посмеет на нас напасть или угрожать нам. Наличие этого оружия сохранит множество жизней — никто не захочет провоцировать нас и наших партнеров. Только представь мир без военных конфликтов!

— Возможно, ты прав,— Ираклий вникает в доводы собеседника.

— К сожалению, некоторые чиновники этого не понимают, а другие живут на деньги наших врагов из-за рубежа. Поэтому режут финансирование «Чувствительного»? *Зачем терпеть это вранье? Зачем смотреть в стол? Извини, что я тебя в философию уже втягиваю, но жизнь слишком коротка, чтобы в стол смотреть.* Для них новость, что на проекте воровали — лишь повод. Для первых — показать свою эффективность, что они тоже против коррупции, для вторых — возможность выслужиться перед спонсорами. Как сам понимаешь, за рубежом не идиоты, они понимают, чем «Чувствительный» грозит им, и не жалеют денег на его уничтожение. Если ты внимательно считаешь прессу, то увидишь удивительное единодушие как среди либералов и оппозиционеров, так и среди устоявшихся функционеров — все кричат в одну глотку: «На проекте воруют. Закрывайте проект!» — Юрий говорит с искренним возмущением.

— Ясно. Если в роль «Чувствительного» как универсального инструмента защиты я немного поверил, то как окончание проекта позволит облегчить жизнь людей, я так и не понял.

— Это, как раз, элементарно. Международная гонка вооружений требует огромных расходов и ресурсов. На военные статьи в бюджете заложены десятки миллиардов, но по размеру инвестиций мы не можем тягаться с американцами и китайцами. Если закончим проект, то военный бюджет можно будет сократить в разы. Освободившиеся средства пойдут на социальные нужды — пенсионерам, бюджетникам, на развитие экономики. В то время как конкуренты будут вынуждены тратить еще больше на то, чтобы догнать нас, мы сможем сфокусироваться на внутренней повестке и качественно улучшить жизнь страны. *Нам предстоит решить немало насущных задач в экономике, науке и технологиях, в здравоохранении, образовании и культуре. И главное — шаг за шагом добиваться повышения благосостояния и качества жизни, чтобы все граждане страны, каждый из нас почувствовал перемены к лучшему. Сделать это можем мы только*

вместе. Помощников у нас никогда не было и не будет. И поэтому нам важно быть сплоченной, единой, сильной командой. Мы можем вернуть заслуженную историческую роль нашей страны на мировой карте, не как страны-агрессора, а как одного из лидеров в экономике!

— По твоим словам, «Чувствительный» — волшебная палочка, — Ираклия еще грызут сомнения.

— Да, так оно и есть. Это прорывная технология, важнее полета в космос. И проект будет реализован любой ценой. Либо с нашим участием — малыми ресурсами и быстро. Либо будет заморожен и воскрешен позже, тогда на его завершение потребуется еще больше средств, и нагрузка на экономику страны будет в разы больше. Иностранцы не зря засуетились, судя по всему, они даже задействовали свои цифровые ресурсы на нашу аудиторию, чтобы поддержать закрытие «Чувствительного».

— Ясно.

— Можешь подумать несколько дней?

— Я уже принял решение. Займусь «Чувствительным». Но только, чтобы облегчить и обезопасить жизнь людей в нашей стране. Заберу литературу? — Ираклий показывает на стопку журналов

— У тебя в кабинете уже лежит аналитическая справка по всем тематическим публикациям.

— Хорошо. Последний вопрос: почему проект решили поручить мне? Вряд ли Погорелов доволен мною после того, как я прислал тебе план по реабилитации «Сирамидзу».

— Погорелов не знает про твою роль в спасении «Сирамидзу». В случае провала плана пострадал бы только я, а ты смог бы вернуться к работе спустя некоторое время. Да, и Николай Иванович на больничном уже с полгода. Пока он якобы болеет, руковожу Агентством я. А я уверен, что лучше тебя никто не справится, — объясняет Юрий.

— Вези домой, — говорит Ираклий, садясь в автомобиль, и демонстративно утыкается в экран мобильного телефона.

— Как поговорили? — Аркадий продержался пять минут, но любопытство взяло вверх.

— Нормально, — изображая недовольство отвечает Ир.

— Я понял, ты обиделся, — Аркаша останавливает автомобиль, его глаза смотрят на товарища взглядом бездомного кота. — Прости, был не прав, что сразу не предупредил, что хочу отвезти в Агентство к Смирнову. Ради твоей же безопасности. Боялся, что откажешься, а Юрий просил организовать вашу встречу. Не будешь же спорить: раз он хочет — пришлось бы в любом случае поговорить. Уж лучше так, чем с применением силы.

— Проехали, — Ираклий решает, что друг хотел как лучше, и перестает расстраиваться.

— Мир?

— Мир.

— Вот и славненько, — лицо Аркаши растягивается от довольной улыбки. Видно, уже думает о чем-то другом. Пухлая рука прибавляет громкости автомобильной магнитоле. Популярный рэп-исполнитель что-то неразборчиво читает под жирную бас-линию. Голова водителя качается в ритм.

— Так, ты говорил, что тебя повысили? — пытается перекричать музыку Ираклий.

— Да, — Аркадий делает звук тише. — После воскрешения репутации «Сирамидзу» в Агентстве прошел ряд отставок, многих людей Погорелова уволили. Сейчас практически все решают ставленники Смирнова, а я теперь главный воспитатель.

— Что это значит?

— Я контролирую весь Рой, — с восторженным придыханием произносит мужчина.

— И?

— Ты ведь знаешь, что Рой из себя представляет? Огромное количество профилей в различных социальных сетях,

мессенджерах и форумах. Все эти профили сегментированы по различным факторам: уровню заполненности информации, ее качеству и достоверности. То есть от простых ботов, используемых для различных накруток, до цифровых душ, которым мы ведем чуть ли не настоящую жизнь в онлайне. Дополнительно все эти профили обладают рядом характеристик — пол, возраст, семейный статус, место проживания, политические взгляды и тому подобное. Агентство постоянно работает над заполнением и актуализацией информации. Так вот, когда ты или другой пастух рангом пониже представляет концепцию поведения Роя, воспитатель подготавливает под нее выборку профилей Роя, затем задает тональность сообщений и запускает нейросеть для подготовки текстов и подборки или генерации изображений. Потом финальная версия приходит мне на одобрение, и я запускаю кампанию,— объясняет Аркадий.

— Пастух рангом пониже — это как?

— В Агентстве есть еще несколько пастухов. Они в основном занимаются маленькими рекламными кампаниями, а также отвечают за корректировку и актуализацию кампаний главного пастуха после завершения активной стадии. Главного пастуха сейчас нет, но по всем формальным признакам, ты выполняешь его работу.

— Что за признаки? — спрашивает Ир.

— Ты занимаешься первостепенными проектами — это раз. Два: Смирнов без тебя не запускает ключевую кампанию, о ней в Агентстве только шепотом. И три: об этом знаю только я.

— Как это выглядит технически? Я имею в виду программирование Роя.

— Очень просто. После того, как пастух пишет концепцию, воспитатель на ее основании заполняет специальную форму и отправляет на согласование мне. После проверки отправляю файл в приложение и затем одобряю запуск кампании с мобильного телефона.

— С мобильного?

— Да. Они мне выдали специальный телефон. Смотри, — рука главного воспитателя протягивает мобильный.

— Выглядит, как мой сотовый.

— Да, обычный телефон. На нем всего одна программа установлена «РойСОО». Чтобы ее запустить, надо обязательно быть в офисе Агентства, работает только из локальной сети. Телефон включается с помощью цифрового кода, установленного воспитателем лично. Идентификация по отпечатку и лицу заблокирована в целях безопасности. После разблокировки телефон показывает список кампаний, ждущих одобрения. Выбираешь нужную, жмешь «ок», и в ту же секунду Рой начинает размещать посты. Вот и все. Но, так как ты формально главный пастух, то твои концепции автоматически попадают в приложение «РойСОО», после того как присылаешь заполненную форму на мою почту, минуя дополнительные проверки.

— Ясно.

— Знаешь, пока тебя ждал — слушал музыку и думал, как музыканты становятся популярными? Вот если бы тебе поручили раскручивать молодого исполнителя, как бы ты Рой настроил? — резко меняет тему Аркадий.

— Нет ничего проще. Даже рассказывать не интересно.

— Не выделяйся. Так и скажи — не знаю.

— С каких это пор тебя интересует современная музыка? Колись, зачем тебе это? — Давит на товарища Ираклий.

— С тех пор, как встречаюсь с молодой девушкой, — отвечает Аркаша, но голос его выдает.

— Левачишь? Уже используешь Рой в своих целях? — глаза Ираклия хитро щурятся.

— Да, — нехотя соглашается мужчина. — Только не говори никому. Как главный воспитатель, могу пропихивать небольшие кампании незаметно для руководства. Главное сразу их удалять после запуска, тогда никаких следов не остается. Выглядит как обычная сетевая социальная активность.

— Зачем тебе это? Агентство платит очень хорошо,— Ираклий смотрит на Аркашу, будто впервые его увидел.

— Хорошо, но денег много не бывает.

— Будь осторожен. Они очень серьезные ребята.

— Не рискуют только язвенники,— с напускной храбростью говорит он.

— Дело твое.

— Так как раскручивать музыканта? Я немного поэкспериментировал, но ничего не получилось.

— Я расскажу что делать в обмен на услугу. Согласен?

— Что за услуга? — скулы Аркадия напряженно поджимаются.

— Скачаешь все закрытые фотографии с профиля одного человека в социальной сети.

— Легко. Договорились,— поспешно соглашается он. Напряженные плечи расслабляются.

— Хорошо. Запомни: популярным музыкантов делают девочки. Все продвижение должно быть ориентированно на них. Музыканты, которые нравятся парням, не достигают успеха.

— Почему? — Аркадий отвлекается от дороги и смотрит на собеседника.

— Если мужику нравится музыка, максимум, что он сделает для ее исполнителя — послушает несколько раз или скачает альбом на сотовый, чтобы в дороге или машине включить. Девочки же расскажут и разошлют ссылки своим подружкам, добавят записи себе в избранное, загоняют его на стриминговых сервисах, прокомментируют видеоклипы и самое главное — придут на концерты и потащат на них парней. А им уже ничего не останется, как симулировать, что им тоже нравится. Это ведь твой случай? — подкалывает друга Ираклий.— А если на концертах есть свободные девчонки, то будут и мальчишки, которые ходят на концерты не музыку послушать.

— Да. В таком разрезе я не думал,— рука водителя ударяет по рулю.

— Так что, когда я сказал «нет ничего проще», имел в виду следующее. Подключай Рой на девчонок, пусть цифровые души — лидеры мнений делают ссылки на видео твоего исполнителя, а также пишут, что пойдут на ближайший концерт. На концерте сделайте побольше фоток с красивыми девушками. Лучше заранее найми с десяток фотомоделей. Снимки посеешь в музыкальных и мужских группах, и на втором концерте у вас будет полный солд-аут за счет парней в поиске подружек и девушек, желающих быть в тренде.

— Отлично. Меня еще продюсер музыканта спрашивал, как его контролировать? Боится, что исполнитель станет популярным и уйдет от него.

— Слышал, в Китае выдают кредиты под залог видеороликов, где кредитор — голый? Если кредит не выплачивается вовремя — видео выкладывается в интернет. Заставьте музыканта сделать татуировку на лице и снимите видео, как он это делает, зачем и какой срок обещает отработать с продюсером.

— Серьезно? Думаешь, согласится? Какой идиот набьет тату на лице? — брови Аркадия лезут вверх.

— Ты удивишься, на что люди готовы ради денег. Вот ты, например, не боишься мутить проекты, используя ресурсы работодателей. А они весьма непростые ребята.

— Услышал. Спасибо. Я твой должник, — закрывает неприятную тему Аркаша.

— Конечно, скачаешь фотографии. Ссылку пришлю.

Глава 5

Проходит несколько бесконечно длинных, словно последних перед отпуском, дней. Концепция не рождается. Времени катастрофически мало. В офисе Агентства невозможно сосредоточиться: то Смирнов зайдет, поинтересуется статусом по проекту, то Аркаша позовет в очередной раз перекусить. Ир последние четыре дня работает из дома и пробует все наработанные годами подходы для поиска вдохновения: изнуряющий спорт, монотонный бассейн, огненная баня, различный алкоголь, липкий стаф... Ничто не помогает.

Вместо продумывания плана спасения терзается сомнениями: правильно ли поступает, что поддерживает проект по разработке нового типа оружия? Что бы сказала на это Наташа, если бы они были вместе? Поддержала или нет?

«Так вот почему я ничего не могу придумать,— озаряет Ира.— Хотя я и согласился помочь Смирнову, настоящего решения не принял. Позвоню Аркаше и спрошу, как он морально с этим справляется».

Его товарищ много раз отказывался от проектов и уговаривал Ираклия не ввязываться, если требовалось продвижение алкоголя, сигарет или еще каких-то товаров, продажа которых, по его мнению, наносит вред обществу.

— Мужик, привет! Как оно? — бодрится Ираклий, услышав голос Аркадия.

— Привет! Все хорошо, в деталях расскажу при встрече. Сам понимаешь: не телефонный разговор,— говорит шепотом Аркаша, и Ираклий решает: товарищ подумал, что

он спрашивает про шабашку с продвижением музыканта. Но боится это делать по телефону, находясь в Агентстве.

— Конечно, понимаю. Про музыканта? — не удерживается от подкола.

— Да, про концерт, на который ходил с подружкой. Это уже второй концерт исполнителя, посещенный нами. На первом было немного народа, но вчера — аншлаг, — находит, что сказать Аркадий.

— Хорошо, заезжай в гости, расскажешь.

— Зачем звонил?

— Нужен совет. Юрий сказал, что ты в курсе моего текущего проекта.

— Да. «Чувствительный».

— Он самый. Скажи по чесноку, как считаешь: по совести правильно, что мы взялись за этот проект?

— А какие сомнения?

— Ну, это оружие.

— Дружище, это не оружие. Это наши с тобой деньги. Большие деньги хочу отметить. Очень большие!

— Мы же раньше не брались за сомнительные проекты...

— Ты, видимо, плохо Смирнова слушал. «Чувствительный» — это не вред, а польза — защита от любого нападения.

— А ты уверен, что на нас хотят напасть?

— Не уверен, но как я могу это проверить? Зато уверен: будет «Чувствительный» — точно не нападут.

— Спасибо, я тебя услышал.

— Обращайся. Номер карточки для денежных переводов знаешь.

— До связи!

Ираклий открывает страницу текстового редактора, глаза сосредотачиваются на курсоре посередине экрана. Мысль не идет. Заходит в социальную сеть.

«Наташа проигнорировала мои прошлые сообщения. Может, написать еще раз? А почему бы и нет? Что я теряю? Она как раз онлайн» — думает он.

— Привет! Это снова я! А ты меня игнорируешь,— пишет Ир.

— Привет! Плохой человек-шантажист ака самоубийца))) — отвечает девушка.

— Прошло много времени. Я свое обещание выполнил. Пойдешь со мной в кафе?

— Я ничего не обещала.

— Обманщица))

— Нет, между прочим, тебе жизнь спасла! Выбирай другую награду))

— Поделись своим мнением.

— О, в этом я мастер;)

— Как думаешь, правильно ли поступают люди, которые делают оружие? Точнее — помогают другим делать.

— Это законно?

— Абсолютно.

— Я думаю, в оружии нет ничего плохого. Плохо, когда его нет. У ацтеков, майя или печенегов его не было. И что в итоге? От их цивилизации ничего не осталось. Мужчины убиты, женщины и дети стали рабами, и все исчезли как национальная идентичность. Это долг мужчины — защищать своих близких. Мужчина не должен думать: делать оружие или нет. Если у дверей враги — надо точить копья, рыть ров вокруг крепости и смазывать ядом стрелы,— пишет Наташа.

— Не уверен, что враги у дверей. Времена изменились.

— Времена может быть и изменились, а люди — нет. Как написал мудрец: «Делай что должен и свершится, чему суждено».

— Буду делать.

— Вот и молодец! Мне пора.

«Рано или поздно я встречу с ней. Главное, что общение сдвинулось с мертвой точки. Надо писать концепцию

поддержки “Чувствительного”. Время не ждет», — довольный тем, что Наталья не против оружия, а даже скорее наоборот, Ираклий погружается в работу.

— На месте, готов зайти и отчитаться, — звонит Ираклий Смирнову.

— Хорошо. Сейчас занят. Приглашу чуть позже, — отвечает тот и вешает трубку.

«Все же раз сейчас Юрий вместо главного в Агентстве, то следует его попросить закрасить эту репродукцию. Видимо, она должна была пробуждать патриотические чувства у предыдущего хозяина кабинета, но меня картина Верещагина вгоняет в тоску и внушает страх, — думает Ир, разглядывая «Нападают врасплох». — Видно ведь, что сопротивление бесполезно, и лавина кочевников сметет кучку обороняющихся. Безысходность. Это пугает».

«Нет ли новых сообщений от Наташи? Пусто и статус не обновляла. Ну, раз Смирнов занят, зайду к Аркаше. За ним должок», — решает Ираклий.

Аркадия в связи с повышением переселили в новый кабинет в разы больше предыдущего.

«А может и не из-за повышения, возможно, в старом кабинете он просто перестал помещаться», — думает Ираклий, увидев своего товарища.

За его широкой спиной очередная репродукция Верещагина. Ираклия бросает в дрожь. Это явно продолжение сюжета его картины. Черно-белое изображение, в центре которого небольшая группа раненых солдат жмется друг к другу, один ползет, еще несколько обессиленно стоят на коленях. На белой форме черная кровь. Сзади давят горы. В дымке у их подножья едва прорисовываются силуэты конного войска. Группу скоро возьмут в плен или убьют.

— Что-то с тебя весь загар сошел, — отмечает Аркаша.

— Что это за картина?

— Ох, это забавная история. Это репродукция уничтоженной картины Верещагина «Окружили — преследуют».

— Как это возможно?

— Постпостправда. Верещагин уничтожил оригинал, потому что военные решили, что он их оклеветал на этой картине. А потом подумали, что проигрыши тоже помнить надо. Главное ведь на войне — чтить потери. Ведь если нет потерь, то победа не такая ценная, — объясняет Аркадий, — вот и восстановили картину. Раньше она была цветная, но в монохrome больше трагизма, двойной смысл: и люди мертвы, и картина мертва. Картину воскресили, а людей не воскресишь. Но, хотя бы часть долга уплачена.

— Кстати, о долгах. Я так понимаю, что твой музыкант пришел к успеху? — меняет тему Ираклий.

— Да, в топ пять стриминговых сервисов сейчас. Уже дал интервью самому популярному видеоблогеру, — гордо отмечает Аркаша.

— Значит, моя идея сработала. Где фото Наташи? Я высылал ссылку на профиль.

— Я не могу, — Аркадий пытается незаметно юлить на стуле, но с его весом это не получается.

— В смысле не можешь? Ты меня лечил, что ты главный воспитатель, чуть ли не бог социальных сетей. И не можешь? Балабол! — возмущается Ир.

— Да, первый раз с таким сталкиваюсь. Ее профиль закрыт даже для меня. Прокливав ее друзей, нашел еще несколько таких профилей. Все девушки. Думаю, это какой-то баг системы. Прости, не могу помочь.

Презентация плана подошла к концу. Ираклий ждет решения Смирнова. Тот ходит по кабинету заложив руки за спину, словно заключенный на прогулке. Давно потерявший чувство

времени Ир молчит. Глаза хотят посмотреть на часы, но мозг отвечает — не демонстрируй нетерпение. Жди!

Внезапно Юрий останавливается, голубые глаза сканируют Ираклия.

— Думаешь, выгорит? — спрашивает он.

— Лучше ничего придумать не могу.

— Эх, — тяжело вздыхает Смирнов, — была не была. Заполни файл-анкету по рекламной кампании и отправляй Аркадию на служебную почту, пусть запускает Рой. Не могу сказать, хороший это план или нет, узнаем по факту. Но за работу большое спасибо!

— Рад стараться.

— Можешь быть свободен.

— У меня маленькая просьба. Можно? — решается Ир.

— Давай, — Юрий садится в кресло, на столе появляется потертый блокнот в добротном кожаном переплете, — записываю.

— Нужна информация на человека: место проживания, возраст, семейный статус, где работает и бывает в свободное время.

— Есть номер телефона человека?

— Нет, только профиль в социальной сети. Зовут Наталья Раутова. Это все, что знаю.

— Пришли мне ссылку на профиль в мессенджер. Чем смогу — помогу.

Ираклий довольный подскакивает со стула и крепко трясет руку Смирнову.

— Что ж раньше не догадался тебя попросить! Спасибо огромное!

— Хорошо, иди и не забудь заполнить файл, — Смирнов опускает глаза.

«Надо же, он тоже человек, а не робот. Засмутился», — думает Ираклий.

Ираклий залетает в кабинет. Нет времени закрыть дверь. Страницы распечатанного плана летят на стол. Резко

открывает крышку ноутбука и с нетерпением ждет, когда тот включится. Пальцы нервно барабаниют по столу.

Наконец-то спустя несколько бесконечных секунд компьютер включается, и Ираклий заходит во вкладку «Избранное». Переход в профиль Натальи...

Страница не найдена!

Перезагружает браузер, компьютер, пробует с мобильного телефона — результат тот же. Профиль Натальи исчез.

Ладони становятся влажными, во рту сухо, на глазах появляются неконтролируемые и от этого раздражающие слезы. Ираклий чувствует себя обессиленным стариком, словно только что похоронил своих детей.

«Почему стерла свою страничку? Что случилось? Все ли у нее в порядке? — мысли наталкиваются друг на друга, как люди в метро в час пик. — Хорошо, что сохранил все ее фотографии. Одна надежда, что Смирнов сможет ее найти».

Ираклий копирует ссылку на профиль из памяти браузера и пересылает ее Юрию.

Глава 6

«Сколько раз себе говорил: сел в такси — молчи. Черт меня дернул комментировать погоду. Вот оно мне надо слушать про его семью, успешный бизнес и что сейчас работает таксистом просто со скуки, а не от безденежья?» — упрекает себя Ир, выслушивая монолог водителя.

Тот же добрался до любимой части и со смаком хвастается, что у него семь автомобилей, а этот вынужден сегодня водить сам, так как наемный сотрудник заболел.

«Как назло движение загруженное, и по дороге в центр сплошные пробки. Эх, хорошо с Юриной мигалкой, полчаса — и на месте. Можно было, конечно, поехать не в час пик, но не терпится увидеть, что там Юра откопал по Наташе», — думает Ираклий.

Успешный бизнесмен, по совместительству водитель такси, по всей видимости, исчерпал запас историй успеха — перечислил все марки автомобилей в его собственности, не забыв упомянуть год выпуска, цвет и что одна из них битая. Немного помолчав, попытался было зайти на второй круг с рассказом про семью, но заметив демонстративный зевок пассажира, решил сменить тему.

— Вез я тут недавно одного иностранца, — закидывает он удочку.

— И? — многозначительно выжимает из себя Ир.

— Он по-нашему смешно очень говорил. Попытался меня убедить, что нельзя жить прошлым.

— А вы живете прошлым? — скорее из чувства хорошего тона, чем из искреннего интереса спрашивает Ираклий.

— Не я именно, а страна. Я ему объясняю: у нас страна с великой историей, гигантским наследием, гениальной литературой и прекрасной живописью...

— Сложно спорить.

— А еще мы в войне победили. Так что если надо — можем повторить!

— А он?

— Ни хрена не понял. Все тараторил, что толку в истории никакого нет, если сейчас мы бедно живем. Все свел к деньгам, а на чай даже не оставил, — возмущается водитель. — Не понимают они, что память — это главное, живут как маленькие дети — сегодняшним днем. А потом, когда повзрослеют, и вспомнить ничего кроме денег не смогут, будут жалеть, что жизнь зря прожили. Бездуховно. Да и что с них взять, мы — страна с тысячелетней историей и накопленной мудростью.

— А они все новоделы без прошлого, — закончил Ираклий предложение одновременно с водителем.

— Тоже читали этот блог? — удивляется водитель.

— Да, — кивает Ир несмотря на то, что не знает, какой именно блог имеет в виду собеседник.

— Правильно мужик пишет. Я с ним согласен. Вот он недавно писал, что наука у нас сильная, в военных разработках мы их на пять лет как минимум опережаем. Слышали, на западе начали разрабатывать такой же комплекс, как наш «Чувствительный»?

— Нет, не слышал.

— Так вот, как наши прикрыли проект, они сразу же начали работать над таким же. Я вот считаю: у нас всегда воровали, и коррупция всегда была. Вот кто не сворует, если ничего за это не будет? Любой!

— Не уверен, — не соглашается Ираклий.

— Не уверен, потому что у тебя возможности не было. Так что я не виню тех, кто на «Чувствительном» воровал. Пусть воруют, но зато важное дело для Родины делают. Зря проект прикрыли, — искренне сокрушается водитель.

— Возможно.

— Приехали. Вы здесь выйдете?

— Оплата по карточке,— уточняет Ир, рука протягивает водителю кредитку.

— Командир, а наличкой никак? У меня деньги на бензин закончились.

— Как оно? — говорит Юрий, и Ираклий решает: Смирнов не хочет сразу отдавать ему информацию по Наташе. Ранее Ир не замечал за ним склонность к театральным заходам, мужчина всегда начинал с цели разговора.

«Придется подыграть»,— думает Ир. Видимо, начальник прощупывает его психологическое состояние. Оценивает, как он морально справляется с тем, что вынужден заниматься раскруткой военного проекта.

— В целом все ок. Сейчас ехал в такси. Из разговора с водителем понял: Агентство запустило первый этап кампании по «Чувствительному». — Отвечает Ир.

— Уже недели две как крутится.

— Посев, судя по всему, прошел успешно. Водитель ссылался на блог какого-то эксперта и информацию про запуск разработок аналогов «Чувствительного».

— Да, все как по твоей методичке. На первом этапе: сначала оправдываем коррупцию в стране без привязки к «Чувствительному». Собираем и привлекаем внимание общественности к историческим фактам. Пишем: несмотря на коррупцию, мы были первыми в космосе. Благодаря этому временно повышаем градус толерантности по отношению к ней. Спустя некоторое время отношение откатится обратно, но мы успеем повернуть то, что требуется нам. Верно? — проверяет Юрий.

— Да. Продолжай.

— Одновременно с этим работаем по двум направлениям. Первое: говорим, что коррупция — это реальность в нашей стране, с которой надо просто смириться, она была

и будет всегда. А второе: раскручиваем истории с воровством за границей, показываем: мы не уникальные, воруют везде. Параллельно этому запускаем утку, что после закрытия «Чувствительного» сразу два наших международных конкурента взялись разрабатывать похожие проекты. На самом краю информационного поля, в анонимных каналах мессенджеров, вбрасываем, что, возможно, воровство на реализации «Чувствительного» было не такое уж и критическое, а проект прикрыли в целях западных интересантов. Сейчас мы как раз переходим к этой стадии, — отчитывается Юрий, словно выучил наизусть.

— Отлично. Все, как я задумал! С вами приятно работать, господин Смирнов! — улыбается Ираклий. — У вас ведь есть что-то для меня?

— Да, есть, — лицо Юрия в секунду мрачнеет. — Но не уверен, что тебе это понравится.

— Что такое?

— Человек, на которого ты просил информацию, мертв, — немного помолчав, выдает он.

— Как давно?

— Четыре года, — глаза Смирнова словно прощупывают Ира.

— Не может быть, — Ираклий отказывается верить.

— Трижды проверили. Держи, читаешь все сам. — Юрий протягивает тоненькую картонную папочку.

— Спасибо!

— Ты в себе не держи. Будут вопросы — обращайся. Помогу.

«Был человек — нет человека, остались только справки». — Ираклий на рабочем месте изучает скудную информацию от Смирнова: ксерокопии различных документов. Справка из роддома, из ЗАГСа о регистрации рождения, школы, колледжа, дорожной инспекции... И еще

одна из ЗАГСа — свидетельство о смерти, записка от участкового инспектора, выписка из отдела аналитики Агентства, несколько фотографий из социальных сетей и часть новых из различных государственных органов.

Наталья Владимировна Раутова. Дата рождения — 31 июня 1995-го. Рост при рождении — 49 сантиметров, вес — 3 кг 200 грамм. Место рождения — поселок Кривой Лог. Дальше информация о родителях: отец — инженер, мать — учительница русского языка и литературы. Запись о зачислении в городское образовательное учреждение Школу номер 2 от 2002 года, еще одна — об окончании этой же школы от 2013 года. Справка из спортивной секции — художественная гимнастика. Справка о зачислении в колледж на специальность «Повар, кондитер».

«И еще один документ — его Ираклий читает уже десятый раз и каждый раз как первый. Копия пожухлой справки из дорожной автоинспекции и черно-белая ксерокопия фотографии трупа. 19.01.2015. Примерно в 19:30 водитель Матвеев И.Б. 11.10.1997 г.р., управляя автомобилем Mazda CX-3, находясь в состоянии алкогольного опьянения, двигаясь по улице Центральной в условиях плохой видимости по причине снегопада и отсутствия освещения, допустил наезд на пешехода Раутову Н.В. 1995 г.р., в результате чего последняя от полученных травм скончалась. После совершенного ДТП Матвеев с места происшествия скрылся. Дата смерти — 21.01.2015».

Ир смотрит на копию фотографии мертвого тела. Она ужасного качества. Кровь, асфальт и грязь — мутного серого цвета, единственное светлое пятно — белая куртка и длинные растрепанные волосы. Разобрать что-либо невозможно. Единственное, в чем он уверен, на фото — труп женщины.

«Записка от участкового инспектора. Характеристика на Н.В. Раутову 1995 г.р. Выдана две недели назад. Может, он что-то толковое написал? — думает Ираклий.— Гражданка Наталья Владимировна Раутова проживала по адресу:

поселок Кривой Лог, ул. Крылова 13, кв. 24 вдвоем со своей матерью, работала помощником повара в кафе «Ромашка» и училась в колледже. Со слов соседей характеризовалась положительно. Информации о нарушении ей общественного порядка, употреблении спиртных напитков не поступало. Данных по привлечению к уголовной или административной ответственности нет. После смерти гражданки Н.В. Раутовой в дорожном инциденте, ее мать продала квартиру и уехала из города. Информации о текущем месте проживания гражданки Раутовой Л.Н. нет».

И здесь пусто, ничего полезного. Ир разочаровывается все больше и больше.

«Так, а это справка о регистрации смерти от городского ЗАГСа от 22.01.2015. Похоронена на городском кладбище поселка. А тут фотография могильного памятника, на нем портрет, который я вижу, даже если закрою глаза — фото Наташи из профиля в социальной сети».

«А вот и самый обстоятельный документ — выписка из отдела аналитики Агентства, что у нас в нем? Дата регистрации профиля id5137849Z в социальной сети — 10.06.2008, IP-адрес при регистрации 90.130.16.59. Почта natasha1995@mailz.com, номер мобильного телефона +7 422 568 21 474».

Ираклий достает из кармана сотовый и набирает номер Натальи. Механический женский голос отвечает: «Набранный вами номер не используется». «Что и следовало ожидать», — думает мужчина и продолжает изучение информации.

«Перечислены социальные группы, на которые Наталья была подписана, а также друзья с датами добавления. А вот и я, самый последний добавленный друг», — Ираклий находит в коротком списке ссылку на свой профиль.

«Большая таблица на 12 страниц, набранная мелким шрифтом — IP-адреса и время, в которое осуществлялся доступ к профилю в социальной сети. Большой перерыв почти в полтора года, начиная с 22.01.2015, — отмечает Ираклий. — Ниже таблицы — примечание от работника Агентства:

«Изучаемый профиль id5137849Z был зарегистрирован летом 2008 года, активно ввелся хозяином профиля до 22.01.2015, после чего был заброшен. 12.08.2017 доступ к профилю путем подбора пароля был получен членом хакерской группировки Supervision. Начиная с этого числа, профиль использовался для накрутки лайков и просмотров в социальной сети и в других интернет-сервисах. В 2018 и 2019 годах с профиля id5137849Z были зарегистрированы попытки мошеннического выманивания денежных средств с друзей аккаунта. В ходе профилактических работ, направленных на борьбу со спам-мерами, проведенных администрацией социальной сети профиль id5137849Z был удален в числе 12447 скам-профилей, — текст становится размытым, и Ир осознает, что это невольные слезы мешают ему читать.

«Пора домой, моя Одиссея закончена. Пенелопа мертва, — с болью решает он. — Надо стереть все фотографии Наташи с телефона и перестать мечтать о невозможном».

Глава 7

Поздний вечер. Офис Агентства опустел. За исключением нескольких дежурных мониторщиков, все уехали к женам, любовницам, друзьям. Ираклий одиноко бредет по коридору.

«Вот очередной день прожит зря, как и предыдущие несколько недель. Прошел уже месяц, а может и больше, как я стер все фотографии Наташи с мобильного телефона. Стараюсь не думать о ней, но все равно каждый день мысли, словно поезда метро возвращаются на свои маршруты. А маршрут у них простой — кольцевой, все остановки — она. Когда есть работа — проще, можно на несколько часов забыться. Но вечером, а еще хуже — ночью — ничто не в состоянии заполнить эту пустоту. Алкоголь помогал забыться на несколько часов, но с утра было еще хуже», — думает Ираклий.

«Чем мне запомнится этот день? Аркаша звал пропустить пару бокалов пива после работы, еле удалось отмазаться. Его излишний позитив сильно утомляет. Да и каждая посиделка с ним в последнее время напоминает общение со сводником и телепрограммы “Холостяк” и “Давай поженимся” одновременно. Сколько уже можно предлагать познакомиться с очередной знакомой своей тупой молодой подружки? А еще, — припоминает Ир, — Смирнов заходил. Рассказал, что приступают ко второму этапу по “Чувствительному”. С чего это вдруг он стал информировать меня? Видимо, цель визита была другая. Неужели волнуется за меня и решил просто поведать?»

Навстречу Ираклию безвольной походкой приближается худой поникший мужчина в таком же пальто. «Да, только сидит оно на нем просто ужасно, на вешалке

и то лучше бы смотрелось. Мое-то подогнано идеально по фигуре,— отмечает Ир. Сделав еще пару шагов, понимает: вешалка в пальто — это его отражение в большом зеркале, висящем на выходе из Агентства. «Да, совсем сдал. Ну и ладно, какой смысл цепляться за эту физическую оболочку? Наташа мертва и я тоже», — невеселые мысли апатично сменяют одну за другой.

На улице уже то время дня, когда цвета потеряли свою яркость, приготовились ко сну, словно кто-то всемогущий украл часть радуги, оставив только три цвета грусти: серый, индиго и темно-синий. Даже у природы не осталось козырей — осенняя листва уже сгнила под первым снегом.

«Холодно, скользко и мерзко, но ехать домой не хочется. Пройдусь немного по району, подумаю-померзну», — решает Ираклий, выходя из Агентства.

Но планам не суждено сбыться. Едва отходит от офиса, как знакомый женский голос окликает его.

— Ир, привет! Ты ли это?

— Здравствуй, Марго, — приветствует женщину Ираклий. С момента прошлой встречи она заметно похорошела. Избавилась от лишних килограммов, на лице минимум косметики — снова становится похожа на бывшую королеву университета.

— С тобой все в порядке? Неважно выглядишь, — глаза Маргариты смотрят на Ира с состраданием.

— Все хорошо. Потерял близкого человека. Но я справлюсь.

— Сочувствую. Извини, что спросила.

— Все в порядке. Ты что тут делаешь? — спрашивает он.

— Жду, — отвечает, отводя глаза в сторону и подсознательно пряча руки за спиной.

— Кого?

— Его.

— Вы опять общаетесь? — Удивляется Ираклий.

— Пока не так близко, как хотелось бы. Я у него кое-что попросила, обещал 15 минут назад выйти. Внутри меня

не пускает охрана, жду тут, — Ираклий только сейчас понимает: то, что принял за румянец, это первый признак обморожения, и ждет она явно больше часа.

— Я тут рядом машину припарковал, пошли — посидишь, погреешься, — зовет Ир.

— Не забирай меня. Не мороз. Хочу побыть немного я на белом-белом покрывале января, — сопротивляется Марго.

— Сейчас конец ноября. А у тебя кончик носа уже белый, кожа облезет. Околеешь, бредить начнешь, — он мягко берет ее под локоть и ведет в сторону автомобиля.

— Так зачем тебе Аркаша? — решается на вопрос Ираклий, едва становится заметно, что Маргарита согрелась, зубы перестали стучать и нос снова стал естественного цвета.

— Я его люблю и хочу вернуть. Он где-то там за горизонтом, выше золотых оков, где легко и тепло, он опять далеко, — голос Марго пугает Ира, женщина словно бредит.

— Так зачем тогда ушла от него? Ты же влюбилась в другого.

— Я всегда любила только его одного.

— Ой, себе можешь врать сколько хочешь, мне — нет. Одного его любила. Зачем тогда было уходить? Ради денег же ушла, — к своему собственному удивлению давит на женщину он.

— Нет. Деньги — это только вершина айсберга. Ушла не из-за них, а потому что Аркадий превратился в безвольную тряпку. Целыми днями играл в сетевые игры, вечерами глушил пиво, не брал на себя ответственность. Был безынициативный, все рассказывал сказки, как мы будем сказочно богаты, когда он напишет свой великий роман. Я устала все на себе тянуть, уж не молодая девочка. Мне рожать уже пора, да и детишек хочется, — с болью в голосе говорит она.

— Нашла же инициативного и ответственного. Так же было?

— Было, Ир, было. Я так его любила. Я славно с ним чудила, поверила ему, — заиндевелившие ресницы тают под давлением слез, словно ледники от глупости людей.

— Зачем тебе теперь Аркаша? Разве он изменился? Или у него появилось бабло и теперь снова любишь?

— Да, я совершила ошибку, но кто не ошибается? Я все еще люблю своего медвежонка, хоть он изменился в худшую сторону.

— В худшую?

— Да, не заметил? Говорит только о деньгах. Вместо поэтов цитирует все время реперов и молодежных исполнителей, словно ему шестнадцать лет.

— Сама виновата. Бросила. Предала. Разбила сердце. Он вынужден был как-то компенсировать потерю и отсутствие любви. По-моему, деньгами — не худший вариант, уж всяко лучше алкоголя и наркотиков, — защищает друга Ир.

— Да, я уже тысячу раз просила прощения у него. Буду просить в тысячу первый. Буду и дальше бороться за него.

— Думаешь, есть шансы? — смягчается мужчина.

— Да. Хоть и говорит, что ничего для него больше не значу, но я не верю. Пазл не собирается. Если бы не любил, не помогал бы мне сейчас, — говорит девушка, а Ираклий зависает на словах «пазл не собирается».

— Как помогает?

— У моего бывшего молодого человека, — Маргарита с трудом подбирает слова, — того, к которому уходила, развалился бизнес. У него парк автобусов. Люди в интернете массово стали жаловаться на качество услуг, и его лишили права обслуживать несколько маршрутных линий. Он от стресса серьезно заболел, и Аркаша предложил помочь деньгами. Я уже живу одна, но поддерживаю его. Иначе как это будет выглядеть? Что люди скажут? Жила с мужем, появился богатый любовник — ушла к нему. Закончились деньги у любовника — вернулась к мужу.

— Да, именно так это сейчас и выглядит. Но разве для тебя это имеет значение?

— Нет. Я просто хочу быть счастливой и любимой, как раньше. Смотри, Аркадий вышел из здания. Меня не заметил и возвращается обратно.

— Подожди. Погрейся еще. Позову,— Ираклий выходит из автомобиля.

— Здорова, Аркаша! Иди сюда.

— О, привет! Пойдем в офис. Там поговорим. На улице холодно, а я без куртки. Выбежал на минутку.

— Нет уж. Померзни немного. Разговор есть,— рука Ираклия крепко держит предплечье мужчины.

— Ты опять *на волне своих грустных тем*? Решил не только страдать, но еще и обморожение заработать?

— Нет.

— Станный ты. Смысл мерзнуть, если можно в помещении поговорить. Или у тебя какой-то секрет? — глаза Аркадия с хитрой надеждой смотрят на Ира.

— Нет. Это у тебя секрет. Расскажи мне, дружок, как бизнес любовника жены разрушил? И сейчас унижаешь ее, заставляя ждать на морозе денег?

— Разрушил и разрушил. Запустил мини-кампанию, всего-то двести цифровых душ задействовал. Не хер чужих жен уводить,— злобно отвечает Аркадий.— Марго догадалась, и пожаловалась?

— Нет, она не в курсе. За месть не осуждаю. Но унижать любимого хоть и в прошлом человека — это низко.

— Низко было бросать меня из-за денег.

— Будь выше этого. У тебя же сейчас все хорошо? Деньги, молодая подружка, возможности разные — разрушать чужие бизнесы, раскручивать музыкантов,— рука Ираклия ослабляет хватку.— Отпусти Марго. Не заставляй женщину страдать. Она тебя ждет в моей машине.

— Сам страдаю,— еле слышно отвечает Аркадий.

После пятиминутной беседы Марго уехала на вызванном Аркадием такси, а он ушел обратно в офис. Ираклий же сидит в своей машине и пытается вспомнить, что же

в разговоре с бывшей женой друга зацепило больше всего, выбило из колеи.

«Не знаю, любят ли еще они друг друга или нет, но то, что Маргарита не сдастся, достойно уважения,— думает он.— Ситуация у них, конечно, не из лучших. Главное, чтобы она не узнала, что в крахе бизнеса и болезни любовника виноват бывший муж, этого никогда не простит. А так, как она сказала, не собирается пазл».

«Пазл не собирается,— Ир цепляется за мысль,— не собирается. Пазл. Картинка! Точно!»

Руки судорожно лезут в бардачок и среди автомобильного хлама нащупывают папку с информацией по Наташе. Глаза прыгают со страницы на страницу. Вот оно! Секции, которые посещала Наталья! Ни слова о музыкальной школе! Есть все — роддом, детский садик, спортивная секция, колледж. Я ведь не параноик и с ума не сошел».

Достает мобильный телефон. Находит единственный файл, который не стер с мобильного — не хватило силы воли. Видео «Шопен. Соната номер два». Телефон зависает на доли секунды и начинается воспроизведение ролика.

«Не сошел с ума, она ходила в музыкальную школу, а в материалах Смирнова ни слова об этом. Это раз. А два — город! Ираклий продолжает рыться в памяти сотового. Вот скриншот, который я сделал, когда Аркаша добавил мне ее в друзья. Все фотографии на телефоне с Наташей стер, но скриншот лежал в другой папке. Город проживания — Флорино, а тут Кривой Лог».

«Какие делаем выводы? — пальцы нервно стучат по рулю.— Если люди Юры ошиблись с городом проживания и не накопили информацию про музыкальную школу, они могли наделать и других ошибок. Теоретически, чисто теоретически, возможно множество сценариев. Как вариант, агенты Смирнова не смогли найти достоверную информацию, но побоялись признаться в этом и сфабриковали данные. А может, Смирнов не хочет, чтобы я ее нашел?

Может быть и так. Да ладно, что-то мне повсюду заговоры мерещатся. Скорее всего, перепутали человека, мало ли однофамильцев в нашей многомиллионной стране. И проверить не могу: не знаю точный возраст Наташи».

Ираклий чувствует прилив оптимизма: «Хотя нет, самый реалистичный сценарий — Наталья жива, но я был подписан на ненастоящий ее профиль, а на двойника. Мошенники взяли фотографии красивой девушки и создали фальшивую страницу. Повсеместная практика. К красоткам мужчины добавляются в друзья без проблем, просто так, на фоточки позирить. А профиль с тысячами подписчиков можно выгодно продать или использовать для рекламы».

«Дружище, рано сдаваться. Надо найти Наташу, если ее, конечно, зовут так, — улыбается Ир. — Начнем с Кривого Лога и Флорино. Задача на самом деле элементарная — найти в интернете все музыкальные школы этих городов и идентифицировать зал, в котором было снято видео».

Ираклий заводит мотор автомобиля, и его шум заглушает Шопена.

— Алло. Ты жив? — озабоченно спрашивает Юрий с экрана мобильного телефона.

— Да, конечно. Что-то случилось? — Ираклий включает видеокамеру телефона, повернувшись спиной к стене, чтобы собеседник не смог определить его местонахождение. Он на полпути в Кривой Лог.

— Это я должен у тебя спрашивать. Тебя четвертый день нет на работе. Мобильный вне зоны действия сети. Дома никого нет.

— Ого, Юрий. Надеюсь, в полицию о пропаже не заявляли? — иронизирует Ираклий.

— Идешь на поправку? Хотя, чувство юмора так и осталось покалеченным, — отвечает Смирнов.

— У меня все хорошо. Я поехал в небольшую командировку. Хочу посмотреть, как наш план приживается в регионах,— врет Ир.

— Предупредил хотя бы.

— Не маленький.

— Давай без шуток. Все в Агентстве знают: ты в затяжной депрессии. Боятся, руки бы не наложил. Руководство думает, это муки совести из-за того, что ты вынужден заниматься поддержкой «Чувствительного», — говорит Смирнов.

— А ты? Ты ведь и есть руководство.

— Я? — Юрий замирает, и Ираклию на мгновение кажется, что связь прервалась, но затем мужчина продолжает. — Мне кажется, тебя подкосила смерть девушки, на которую ты просил собрать информацию.

— Все со мной в порядке. Временное обострение, пусть руководство не волнуется.

— Хорошо. У меня еще рабочий вопрос.

— Слушаю.

— Для третьего этапа проекта «Чувствительный» нам нужен город. Ты выбрал его из предварительного списка? — Смирнов выжидающе смотрит на Ира.

— Да, Флорино, — отвечает Ираклий, ожидая реакции собеседника на то, что он знает: в аналитический справке на Наташу вместо него был указан Кривой Лог.

— Принял, — не моргая отвечает Смирнов и вызов отключается.

Ираклий еще несколько секунд смотрит на экран своего телефона. С его заставки улыбается фотография Наташи.

«Неудивительно, что в Сети не было ни слова про музыкальные школы Кривого Лога. Тут их нет. Редкая дыра, добраться до которой можно только на самолете, а потом с пересадками на пригородных электричках и попутках.

Три дня на дорогу ушло. Но у них хотя бы сайт городской администрации есть, в отличие от Флорино. Тот вообще отсутствует в интернете, только страница в Википедии и все. Надо ускориться, а то опоздаю на последнюю электричку до областного центра и придется ночь куковать на вокзале”, — ноги мужчины едва слушаются и вместо быстрой ходьбы требуют отдыха в покое и тепле. Целый день прошел в исследовании небольшого поселка, до которого повезло добраться с попуткой.

«И все же не зря съездил, — думает на ходу Ираклий. — Во-первых, убедился: здесь нет музыкальных школ. Да какие там музыкальные! Две среднеобразовательных на весь поселок. За символическую сумму получил доступ к архивным спискам выпускников — Натальи в них не было. В доме, в котором она якобы жила, соседи ее тоже не вспомнили.

Во-вторых, место работы — кафе «Ромашку» — не обнаружил. На весь поселок только одна столовая, перекусывать в ней я не стал бы даже, если бы умирал с голоду. Хотя нет, стал бы, чтобы приблизить смерть.

И самое важное: поборов страх и сомнения, что люди Смирнова могут быть правы, я сходил на кладбище, но могилу девушки не нашел. Какой вывод? Наталья явно жила не в Кривом Логе. Скорее всего, информация Смирнова ошибочная. И еще меня не покидает ощущение, что последний час за мной следят, вряд ли это кто-то кроме людей Смирнова».

«А вот и железнодорожный вокзал», — Ираклий оглядывает уставшее здание, присевшее слегка на левый бок. Вход и три зарешетчатых окошка напоминают застаревшие тюремные накладки. По облезшей краске, словно по слоям репчатого лука видно, что здание реставрировали, да невыреставрировали несколько раз в разное время. В итоге цвет сооружения больше всего похож на цвет больничной палаты, заболевшей ветрянкой, и поэтому играет пятнами от горчичного коричневого до благородного насыщенного синего. Внутри пахнет сыростью, усталостью и безденежьем.

— Девушка, мне, пожалуйста, один билет до областного центра на ближайший поезд,— Ираклий протягивает купюру в узенькое окошко.

— Ближайший завтра в шесть сорок пять, подходит? — лицо женщины неопределенного возраста — само удивление. То ли из-за того, что ее впервые за много лет назвали девушкой, то ли по какой-то другой причине. Она пытается вернуть деньги Иру. — Зачем вам билет? Там можно без билета уехать. На нашей линии отродясь контролеров не было.

— Как в шесть сорок пять? По расписанию,— Ираклий показывает на выцветшее полотно, висящее на одном честном слове рядом с окошком кассира,— должна быть вечерняя электричка в 20:30.

— Откуда ж ты такой чудной? У нас последние пять лет всего две электрички ездят в день. Утром в центр на заработки и вечером обратно. Мы даже президенту писали, чтобы дополнительные электрички ввел, но видимо не дошло наше письмо-то.

— Может, поезда дальнего следования? Мне не принципиально на электричке,— спрашивает Ир с надеждой в голосе.

— Поезда? — женщина смотрит на него как на прокаженного, хотя нет, скорее, как на инопланетянина,— поезда у нас не останавливаются. Хотя нет, во времена Союза, помню, электрички ездили по шесть раз на дню, и “дальняки” тоже останавливались на две минуты. Лучше были те, что с севера ехали, денежные: с вахтовиками и отпускниками. У нас тут такая торговля шла — в столице бы обзавидовались: пирожки, картошка, огурчики бочковые, рыба, самогон! Но Союз развалился, и никому не нужны теперь ни Кривой Лог, ни пирожки с картошкой, ни мы.

— Да. Что было — не воротишь,— перебивает волну ностальгии Ираклий.— Подскажите тогда, пожалуйста, лучшую гостиницу у вас в поселке.

— Лучшую — не посоветую. Да и вообще никакую не посоветую. Нету у нас гостиниц и никогда не было. Ни гостиниц,

ни постоянных дворов, ни отелей, ни борделей. Да и вас я прошу покинуть здание вокзала, мне его закрывать надо.

На улице царствует вечерняя темнота ранней зимы. Ветрено. Одиноким таксист, дежуривший у вокзала скорее по привычке, чем в надежде что-то заработать, уже уехал, и Ираклий не знает, куда идти, где провести эту ночь. «Сейчас полдевятого вечера, мне надо продержаться всего тринадцать часов до утреннего поезда. Температура около нуля, так что смерть от обморожения мне не грозит. Главное — постоянно двигаться. Буду ходить по привокзальной площади кругами. Она хотя бы освещается одиноким фонарем, висящем на столбе словно парашютист. Хорошо хотя бы, что не один тут мерзну. Где-то рядом также мерзнут шпики Смирнова. Надо отключить мобильник, пока аккумулятор полностью не разрядился. У меня 14 сигарет, по сигарете на час и несколько на запас», — думает он, раскуривая первую.

Живот, словно медведь, проснувшийся ото спячки, заурчал. «Что я сегодня ел? И когда начал курить? — спрашивает себя Ир. — Кроме утреннего кофе — ничего. А к куреву привязался после доклада Смирнова о смерти Наташи. Раньше, когда было тяжело или хотелось отвлечься, я рассматривал ее фото или проверял страницу в соцсети, а сейчас эту привычку мне заменили сигареты».

— Эй, городской! Угости сигой, — осипший голос не предвещает ничего хорошего, и вряд ли дальнейший разговор пойдет о поэтах-символистах. Так и есть: на свет фонаря-парашютиста, словно на сцену походкой вразвалочку выходит некрупный мужичок. Порыв ветра дергает плафон фонаря, и его луч на доли секунды освещает скрывающихся в темноте еще двух человек, покрупнее. Те, поняв, что их заметили, решают больше не прятаться и следуют за своим главарем.

«Так это они за мной следили, а не смирновские. По одному их я бы еще раскидал, но сразу с тремя мне не справиться,— понимает Ираклий.— Можно попробовать убежать. Но они знают город лучше меня. Загонят в подворотню, и тогда ситуация будет еще хуже. Остается только один вариант — договариваться».

— Так че молчишь? Глухонемой что ли? Есть че покурить? — Осипший шкерится золотыми коронками.

— Есть, уважаемый, держите. — Ираклий протягивает всю пачку.

— От души. Пацаны, угощайтесь,— рука с набитыми синими перстнями забирает сигареты и отдает друзьям.

Ираклий молчит. Мужчины оценивающе смотрят друг на друга. Собеседник Ира скорее всего его возраста, хоть и выглядит лет на пятнадцать старше. Видно, что жизнь его потрепала, покидала, попинала. Возраст громил, мнувшихся в нетерпении за спиной жожака, определить невозможно, да и смысла в этом нет. «Какая разница: будут меня избивать двадцати- или тридцатилетние», — философски решает Ираклий.

— Дружище, а ты с какой улицы? Что-то я тебя не припомню,— решаются на вопрос золотые коронки.

— Я приехал родственников проведать. Они живут на Крылова.

— И че не у них сейчас? А тут тусишь? На нашем районе? — начинает накидывать осипший.

— Дома их не застал.

— А есть мобильный позвонить?

— Есть, но аккумулятор сел,— Ираклий понимает, что отрицать наличие телефона глупо.

— Так пойдем с нами, у нас зарядим. Мы тут недалеко живем.

— Благодарю, за мной сейчас должны приехать. Сказали здесь ждать,— упирается Ираклий.

— Не очкуй ты. Зарядишь телефон у нас в гостях, это наша благодарность за табак будет. Позвонишь своим родным — они

за тобой к нам заедут. Не мерзнуть же тебе всю ночь. Какая им разница куда ехать, — мужчина явно хочет увести его с освещаемой площади вокзала.

— Спасибо большое! Но я дождусь их здесь, — упирается Ир.

— Да че ты, пассажир, я же по-хорошему, по-доброму, а ты как крысеныш неблагодарный отказываешься от приглашения, — мужчина зыркает по сторонам, и в его руке появляется полоска белой стали. Отполированное до блеска острие ножа-бабочки сверкает в свете ночного фонаря. — Ну, я хотел как лучше, а получилось, как всегда. Пошли за нами, не очкуй. Не будешь сопротивляться — будешь жить, возможно, даже здоровым.

«Ну за что мне это все, сейчас зарежут из-за мобильного телефона. Более глупую смерть представить нельзя», — вцеплении думает Ираклий, ноги чувствуются словно протезы и как чужие идут следом за рэкетирами.

— Ах вот ты где! Вот же ж позорник! — раздается дикий женский крик. Сиплый словно гриф инстинктивно прячет голову в плечи. — Стоило оставить на десять минут, так он уже собутыльников нашел! Опять за старое!

Все четверо застывают в недоумении. Главарь шайки успевает спрятать нож в рукаве. Ир узнает в приближающейся женщине кассира с железнодорожного вокзала. Она подходит к нему и не обращая никакого внимания на окруживших его мужчин со всего размахаогревает Ираклия по спине увесистой сумкой. Скорее от неожиданности, чем от силы удара он чуть не падает, но каким-то чудом ноги удерживают тело.

— Ну разве так можно! Все собрались, его ждут, а он опять за старое. Алкоголик проклятый, — верещит женщина, махая сумкой перед лицом Ираклия. Мужики понимающе ухмыляются, наблюдая за развитием событий. — Мать в могилу загонишь! Отец уже там, ты и меня хочешь свести! Пошли домой немедленно! Говори друзьям до свидания. Сегодня пить не будешь!

Ираклий потерявший дар речи, что-то бубнит в ответ и еще не осознает, что она спасает его от грабежа.

— Вы простите, люди добрые,— обращается кассирша к «друзьям» Ира.— Ему пить нельзя, запойный. Вот только с санатория вернулся. Пошли!

Женщина хватается Ираклия за плечо и продолжает причитать:

— Всю пенсию отдала за твоё лечение. У Марии Ивановны, у Петровых ещё пришлось одолжить. Ведь велела подождать меня на улице пять минут пока в магазин схожу. Выхожу — поезд ушел и рельсы разобрали! Опять за старое! Уж лучше бы исход, похоронила бы тебя рядом с отцом — меньше мне мучений было бы!

— Ээ, женщина, обождите минуточку,— кричит им вдогонку осипший, который возможно начинает догадываться, что его жертву обманом увели из-под самого носа.

Но момент упущен. Ираклий с несмолкающей женщиной уже отошли шагов на пятнадцать и постепенно ускоряются все сильнее и сильнее.

— Как зайдем за угол здания — бежим,— шепотом командует спасительница.

Иру не надо объяснять дважды. Пробежав несколько минут, женщина устала и остановилась.

— Стой. Нет сил больше бежать, да и бандюги эти за нами не погонятся,— переводя дыхание, сбивчиво говорит она.

— Спасибо вам. Спасли. Я вам обязан. Позвольте, заплачу за спасение,— Ираклий тянется за кошельком в карман пальто.

— Не надо мне ничего. Тебе просто повезло. Я с работы выходила и заметила, как эти коршуны тебя окружили. Вижу — сейчас сгинешь, думать было некогда. Притворяюсь твоей матерью, а у самой коленки дрожат от страха. Думаю, раскусят и еще меня подрежут.

— Да куда им. Я даже сам поверил, что я ваш запойный сынок,— улыбка растягивается на лице мужчины.

- Антонина Ивановна.
- Ираклий, — он крепко жмет протянутую руку.
- Пойдем, у меня переночуешь. А завтра на утренней электричке поедешь в центр.
- Спасибо, я как-нибудь так, — отказывается он.
- Чудной, как-нибудь так уже чуть под нож не попал. Один раз повезло — больше не повезет, или ты думаешь у нас в городе по ночам работает служба спасения туристов?
- Нет, не думаю.
- Тогда идем. Тут недалеко.
- Ираклий молча кивает, сил и смысла спорить нет.

Едва зайдя за обшарпанную дверь квартиры, расположенной на втором этаже старого двухэтажного дома, спасительница теряет всю напускную уверенность и начинает суетиться. В маленькой прихожей под самым потолком тускло светит голая лампочка. Она изо всех сил пытается осветить пожелтевшие и местами отслоившиеся обои, выцветший календарь с симпатичным щенком и аляповатой надписью «Год деревянной собаки». Но ее мощности не хватает, чтобы дотянуться до напольной вешалки и затертого половика, они живут в полумраке. В помещении душно и пахнет квашенной капустой.

— Вот тут вешалка, — указывает хозяйка, — можно пальто повесить.

— Может, я все же пойду? — спрашивает Ираклий, которому передалось смущение хозяйки.

— Нет, что вы. Куда вы пойдете? На улице уже ночь. Вы меня ни капли не утруждаете, — говорит она, хотя Ираклий понимает: безусловно утруждает и, возможно, женщина уже пожалела, что позвала его к себе, но не может в этом признаться. — Вы разувайтесь, проходите прямо, на кухню. Тапочки, пожалуйста.

Хозяйские тапочки малы, но Ираклий молча слушается и проходит на крохотную кухню, спасательница следует за ним.

— Не обращайтесь на беспорядок, пожалуйста.

— Что вы, Антонина Ивановна. У вас идеальный порядок, — отвечает Ир. В квартире действительно стерильно, как в банке со спиртом.

— Присаживайтесь, — указывает на одинокую табуретку. — Хотя нет, может вы хотите сначала руки помыть, или может воды, чаю? — суетится хозяйка. — Сейчас чайник включу и накормлю вас ужином, но сначала позвольте переоденусь в домашнее. Устала от униформы железной дороги.

С третьей попытки Антонине Ивановне удастся разжечь газовую конфорку, ее синие огоньки ласково гладят обгоревшее дно алюминиевого чайника, и хозяйка поспешно покидает кухню.

Ираклий остается один. Рука полезла за мобильным телефоном. «Даже и не знаю, чего я больше испугался: что они меня убьют или отберут телефон с фотографиями Наташи. Хотя чего бояться — они у меня сохранены на нескольких облачных сервисах, внешних носителях и домашнем компьютере. Восстановил все после того, как понял, что информация от Смирнова ошибочная, — думает он, потеряв чувство времени. — На этой фотографии она особенно хороша. Эти изящные, хрупкие пальчики! Господи, как я хотел бы их поцеловать или хотя бы увидеть вживую!»

Стонут половицы, и на кухне появляется хозяйка в ярком по всей видимости новом халате. Желтоватая дверь холодильника открывается со скрипом, и женщина достает из него несколько кастрюль.

— Ираклий, вы меня извините. Ужин будет без мяса, я по вечерам стараюсь много не есть, — оправдывается она.

— Я совсем не голоден, мне бы и просто чая хватило, — врёт Ир.

— Господи, о чем же я думала! Вы же с мороза. Вам надо согреться!

На столе появляется наполовину полная (или пустая?) полуторалитровая пластиковая бутылка с прозрачной жидкостью, тарелочка с нарезанными маринованными огурцами и луком, полбуханки черствого черного хлеба.

Антонина Ивановна четким отработанным движением наполняет две стопки ровно до краев и не чокаясь одним ловким плотком опрокидывает в себя одну. Выпуская воздух как после хорошей затяжки, говорит:

— Вот сейчас лучше! Надо было согреться и стресс снять. Не каждый день от бандитов бегаю, — добрая улыбка молодит женщину лет на десять. — Вы не бойтесь и не стесняйтесь, это не магазинная водка. Сейчас хорошую водку не делают, один суррогат. Это мой собственный самогон. Качество отменное — можно пить не закусывая.

Ираклий берет в одну руку холодную рюмку, в другую огурец и, кивнув хозяйке, выпивает. Самогон похож по вкусу на домашний пирожок с яблоком. По телу разливается тепло и бегут мурашки. Мужчина только сейчас понимает, как сильно устал.

Пока Ир прислушивается к своим ощущениям, женщина накладывает ему в тарелку гору жареной картошки и квашеной капусты, снова обновляет чарки. Не дожидаясь Ираклия, выпивает свою порцию и уходит с кухни. Из коридора раздается шум, словно кто-то волочет по подземелью сундук с сокровищами пиратов. На кухню, каким-то чудом протиснувшись через дверной проем, выползает огромное кресло, сзади его толкает Антонина Ивановна. Ираклий подсакивает и помогает женщине подтащить его к столу.

— Что же вы не сказали, я бы помог, — до него только сейчас доходит, что из мебели на кухне — только несколько ящиков с посудой, стол и одинокая табуретка.

— У меня нечасто посетители бывают, — замолкает на несколько секунд, а потом, решившись, продолжает. — Хотя кому я вру? Вы первый за много лет. Как муж умер, гости отвалились к нам ходить. Детей-внуков не нажила. Раньше только

к нему товарищи-забулдыги заходили, а сейчас и их нет. Да и на том спасибо! Вы кушайте, не стесняйтесь!

Ираклия уговаривать не надо. Алкоголь раззадорил аппетит, и мужчина проглатывает капусту с картошкой совсем не прожевывая. Щеки хозяйки порозовели, и она, видимо уже охмелев, опять наливает по полной.

— Ираклий, ты-то что в нашей глуши забыл? — спрашивает она, выпив и откинувшись на спинку кресла. Ир замечает на рукаве халата этикетку. «Да, видимо был прав, ради меня как для почетного гостя надели новый праздничный наряд».

— Девушку ищу, — отвечает с набитым ртом.

— А что, в столице девушки закончились? — удивляется женщина.

— Нет, их полно, но я особенную ищу. Она вроде бы из города вашего. Хотя не знаю — жила здесь или нет, и живали.

— Фотография есть?

— Да, сейчас. — Ираклий протягивает телефон. Заметив растерянность собеседницы, он объясняет: можно листать фотографии пальцем влево или вправо и менять масштаб изображений.

Женщина некоторое время забавляется с телефоном, Ир молча доедает остатки картошки.

Наигравшись, она возвращает аппарат Ираклию. Самогон привычно льется в рюмки и ненадолго там задерживается перед конечной точкой маршрута.

— В нашем городе твоя принцесса не жила, — закусив огурцом говорит Антонина Ивановна. — В этом я уверена абсолютно, как и в том, что солнце встает на востоке, динозавров не существует и 341-й поезд проезжает наш город по нечетным дням в девятнадцать сорок.

— Почему вы так уверены?

— Я работаю кассиром на ж/д вокзале уже тридцать лет, через меня весь город прошел, да и не один раз.

— Неужели весь? — переспрашивает опьяневший Ираклий.

— Да, еще лет двадцать назад большая часть жителей не покидала Кривой Лог, но с годами работы становилось все меньше, и сейчас все взрослое население утром едет на заработки в областной центр, а вечером возвращается. В поселке негде устроиться, только в администрации, школах, травмпункте и нескольких магазинах. Ах да, еще на железной дороге. Кроме меня на ж/д вокзале только ночной сторож, я же продаю билеты и на полставки уборщица. По местным меркам достаточно зажиточна — могу покупать одежду и позволить себе мясо на выходных!

Ираклий молчит, не зная, что сказать.

— Так вот, — продолжает женщина, — даже если эта девушка...

— Наташа, ее зовут Наташа, — вставляет Ир и понимает, что уверен: девушка жива.

— Да, если предположить, что Наташа работает в городе, все равно ей надо ездить в областной центр в больницу и магазины — я бы ее видела.

— Вы даже не представляете, насколько это велико... прекрасн... хорошая новость! — непослушный язык еле справляется с фразой.

— Тогда за хорошие новости!

Выпивают. Ираклия начинает клонить в сон.

— К новостям. Ты мне вот что скажи, ты ведь со столицы, — пьяные глаза смотрят на Ира, в них отражается такой же быстро опьяневший адресат вопроса. — Что у вас там говорят? Слышала сегодня от знакомой, главный конструктор «Чувствительного» сбежал за границу. А ее муж говорит, мол, его похитили. Война будет? А то ведь американцы совсем с ума сходят. Одна надежда, что наши «Чувствительный» достроят и никто к нам не сунется. Мне ведь даже и не жалко, что бедно живу. Богато не жила — нечего и начинать. Главное, что страна у нас великая!

— И чтобы не было войны! — добавляет нетвердый голос Ира. В нетрезвом сознании его хозяина вяло пульсирует

мысль: «Как же глубоко Рой работает. Она отродясь в интернете не сидела, но информационные волны уже дошли и до нее. Уже второй этап в самом разгаре. Если он не сработает, то запустят третий».

— Хороший тост и сидим хорошо, но уже пора спать. Мне утром вокзал открывать для пассажиров. Я тебе постелю в этом кресле на кухне.

«Крысеныш, сотри все фотографии Наташи!» — перед глазами сверкает заточка. Осипший улыбается во весь золотой рот и внезапно со всего размаха бьет Ираклия кулаком в живот. Мужчина падает. Бандит ставит ногу на грудь и не дает подняться. Светлана острым каблуком туфли с ярко-красной подошвой давит на руку лежащему на мокрой земле Иру. Рука немеет.

«Сотри! Сотри!» — Света вторит осипшему.

Из темноты появляется женщина с синим лицом мертвеца, вся в черном. В костлявых руках — поднос с суши, и высохшие пальцы что есть силы пихают роллы в рот Ираклию.

Он задыхается. Пытается вырваться, каблук Светланы прокалывает ладонь насквозь. Кровь из руки хлещет на землю. Мертвая женщина деревянными палочками макает суши в образовавшуюся лужи крови и толкает их Иру в рот. Невозможно дышать. Не хватает воздуха. Еще секунд тридцать, и он умрет...

Глаза внезапно открываются. Он спал сидя в кресле, голова откинулась назад. На кухне мрак. Приступ рвоты.

Подскакивает, и его рвет прямо в умывальник с немойтой с вечера посудой. Спина мокрая от холодного пота. Становится чуть легче. Рука отлежалась во сне, и Ираклий не чувствует ее. Пальцы покалывает, мужчина начинает плавно растирать руку, постепенно возвращается чувствительность.

Полная луна нагло освещает кухню через окно без занавесок. Ир в ее лучах сидит на полу. Глаза привыкают к полумраку. Его некоторое время трясет. Влажные руки открывают кран с холодной водой. Мужчина умывается и смывает остатки рвоты с посуды.

Часы на смартфоне показывают пять утра. Наташа все так же прекрасна на заставке экрана.

«Нет смысла ждать, когда проснется Антонина Ивановна. И так злоупотребил ее гостеприимством, — думает Ир. — Встанет, начнет предлагать завтрак или похмелиться, будет суетиться. Волноваться, что нечего предложить на завтрак. Я и так, мягко говоря, не самый желанный гость. Пора и честь знать».

Мужчина как можно тише проскальзывает в прихожую, но половицы скрипом сдают его быстрее чем взрослые дети нелюбимых родителей в дом престарелых. Замирает на несколько секунд, боясь разбудить хозяйку. Тишина.

Надевает пальто. В сумраке на стене можно разглядеть только глаза щенка, смотрящего с плаката. Рука достает все наличные деньги из кошелька. Ир кладет их на тумбочку в прихожей. Дверь открывается бесшумно, и мужчина покидает квартиру.

Дождавшись, когда шаги на лестнице затихнут, Антонина Ивановна выходит из комнаты, закрывает входную дверь и пересчитывает деньги, оставленные ночным гостем.

Найти железнодорожный вокзал совсем не сложно — одинокие, хмурые, невыспавшиеся работники словно капли дождя собираются в единый мощный, но безвольный поток по направлению к станции. Антонина Ивановна не преувеличивала: весь городок едет на работу в областной центр.

Ираклий проскальзывает на перрон, затесавшись в толпе таких же безбилетников. Хотя билет можно приобрести по карточке, он не захотел показываться на глаза женщине, так как не мог предсказать ее реакцию на свой ранний уход и оставленные деньги. Вдобавок еще и чувствовал себя обязанным за предоставленный ночлег и спасение от уроков.

Подъезжает электричка. Люди группируются у дверей в ожидании их открытия. Ноги Ира теряют опору, он

буквально висит на окружившей его толпе. Плотный человеческий поток вталкивает его в центр вагона. В электричке холодно, от людей идет пар. Окна покрыты причудливыми узорами изо льда и смотрятся инородно, будто иллюстрации из книги сказок в учебнике по криминалистике.

Спустя несколько секунд он неведомым образом оказывается сидящим на лавке, зажатый с обеих сторон крупными существами неопределенного пола, упакованными в безразмерные зимние куртки.

Поезд резко трогается, и люди, как бочонки лото в мешке, встряхиваются и уплотняются. Кто-то возмущается отдавленной ногой, в ответ слышит доброе пожелание купить себе машину и ездить в одиночестве. Третий голос интеллигентно предлагает им заткнуться с указанием точного способа, как это можно сделать наиболее эффективно, и уточняет, что, мол, и без них жизнь обрыдла и голова болит. Начинается милый обмен любезностями, и под этот шум и качку электрички убаюканный Иракий спустя несколько минут отключается в беспокойном сне.

Мимо проносятся деревеньки, запорошенные луга и упакованные в снег с верхушки до ствола по ранней зимней погоде деревья. Глаза Ира с трудом открываются на несколько секунд, картинка за окном не меняется, словно кто-то включил короткий видеоролик на бесконечный повтор: деревеньки, луга и леса, леса, луга и деревеньки. Взболтать, но не смешивать.

Электричка останавливается на перроне городка. Очередная порция работников штурмует вагоны, но никто не выходит. Поезд забит людьми настолько, что само его существование противоречит всем законам физики, геометрии и человеческой анатомии.

— Ребятушки, выдохните ради бога! Дайте зайти, на работу едем.

Ребятушки выдыхают, и в вагоне образуется еще пять-шесть свободных мест, но их недостаточно. Машинист уже несколько раз по громкой связи просит отойти от дверей электрички, но люди не сдаются, и поезд не может отправиться.

В вагоне стало жарко, как в хорошо растопленной бане. На сиденьях, рассчитанных на трех пассажиров, сидит по пять. Уплотнились. Надышали. Лед на окнах растаял изнутри.

Пассажиры из прохода давят на сидящего рядом с Ираклием мужчину, а тот в свою очередь плющит его, как котлету в хорошем бургере. «Повезло, что булочки попались плотные и мягкие», — подбадривает Ир себя, все больше утопая в куртках соседей.

До ушей доносится хор голосов: «Там акция — картошка со скидкой... Нет, ты представляешь, сам заместитель директора! Предатель! Спит с начальником, вот и наглая... Сбежал за границу! Продал Родину... Скоро весна, надо ремонт делать... Молодец! Наворовал... Да какой он мне друг? На свадьбу не позвал... Хорошо, что на “Чувствительный” денег выделили... Конечная. Просьба покинуть вагоны. Поезд дальше не идет».

Глава 8

В лобби-баре самой дорогой гостиницы города кроме бармена и двух сонных проституток уже никого нет. Место для любителей пропустить по паре стаканчиков вместо ночного сна не отличается от миллиона таких-же. Видимо, когда основные ресурсы дизайнеров и архитекторов заняты проектированием гостиниц: номеров, общественных пространств, лестниц, стоек ресепшн, ресторанов — про бары вспоминают в последнюю очередь и отдают их на откуп практикантам. Те же, скорее всего, скачивают в интернете готовый дизайн-проект гостиничного бара и благодаря этому получают постоянную должность. Поэтому неудивительно, что лобби-бары все похожи друг на друга. Стойка из фальш-дерева — длина ее зависит от размера помещения, но чаще всего на четыре-шесть барных стульев. Стеклянные полочки с подсветкой и бутылками с алкоголем, количество пыли на которых обратно пропорционально стоимости номера в отеле. Висящий за стойкой телевизор, транслирующий музыкальный или спортивный канал. Небольшое количество столиков с примкнувшими к ним потертыми стульями. Стены, обитые зеленой бархатной тканью. Тусклое освещение и плохо выветриваемый запах табака и мяты. Скучающий бармен и провинциальные проститутки, скорее всего, тоже предусмотрены скачанным дизайн-проектом и идут в комплекте.

Проигнорировав призывающие взгляды оживившихся представителей персональной сферы услуг, Ираклий присаживается за барную стойку.

— Вечер добрый! — кивает бармену.

— Доброй ночи! Что пить будете?

— Буду пить и есть, если есть, что поесть,— отвечает Ир. Добравшись до отеля после обеда, он залипал в ванной, пытаясь смыть неприятные ощущения от поездки в Кривой Лог, а затем проспал весь день, компенсируя недостаток ночного сна.

— Могу предложить сэндвичи с индейкой. Кухня ресторана уже, к сожалению, закрылась.

— Пойдет. И пива, пожалуйста.

Оглушив в два залпа бокал, Ираклий принялся уминать бутерброды, которые на удивление оказались весьма неплохи. Хотя, возможно, стряпня и посредственная, а причина ее хорошего вкуса в том, что нормально не ел почти сутки.

Ожидая, пока бармен повторит пиво, Ир пролистывает несколько фотографий Наташи на мобильном телефоне и принимается искать варианты пути во Флорино. Прямого сообщения между городами нет, поэтому записывает на салфетку возможные стыковки.

— Ого, я смотрю вас сильно тема с Флорино зацепила,— говорит бармен, пододвигая Иру второй бокал пенного.

— В смысле зацепила? — уточняет Ираклий.

— Ну вот вы тут пишете Флорино, Флорино,— отвечает мужчина тыкая пальцем в салфетку.

— Да, я планирую поездку в Флорино. Вы там были? — удивляется он. Надо же! Бармен знает этот город. Сам Ираклий раньше ни разу не слышал про него до тех пор, пока не прочитал, что в нем живет Наташа.

— Не был и вам не рекомендую.

— Почему?

— Вы новости не смотрели? — глаза бармена против воли лезут на лоб. Он резко вспоминает, что профессионалы его профессии никогда не удивляются, и пульт в руках переключает музыкальный канал на круглосуточный новостной,— ситуация во Флорино сейчас по всем каналам.

На экране телевизора ярко накрашенная ведущая в крупных очках, которые, видимо, должны состарить на несколько лет и придать солидности, с сосредоточенным видом говорит:

— Это были новости спорта, а теперь возвращаемся к главной теме дня. Ситуация во Флорино. В этом маленьком приграничном городке с населением около тысячи человек уже третий день происходит вооруженный бунт. Местные жители захватили здание полицейского участка и разоружили его сотрудников. Часть полицейских перешла на сторону митингующих,— женщина безразлично пересказывает события, словно прогноз погоды.— Главу городской администрации застрелили в ходе беспорядков. Сейчас вооруженные бунтовщики держат в заложниках нескольких депутатов, полицейских и пограничников, отказавшихся переходить на их сторону. Свои требования озвучили только сегодня. Основные пункты: признать Флорино независимым городом-государством, установить границу государства Флорино по берегу реки Анталья, выплатить им двести миллионов долларов компенсации за использование ресурсов города за последние пятьдесят лет.

Ираклий не верит своим ушам и глазам. Женщина за стеклом продолжает:

— И у нас в студии авторитетный эксперт, доктор политических наук, автор книги «Лучше мы, чем нас. Третья мировая уже здесь» господин Бездушный. Господин Бездушный, прокомментируйте, пожалуйста, что послужило причиной событий во Флорино? Были ли какие-то предпосылки либо признаки того, что ситуация выйдет из-под контроля?

На экране появляется затасканный мужчinka в пиджаке болотного цвета с запущенной прической, огромными словно бутафорными усами и немытыми жирными волосами.

— Кхэ-кхэ,— эксперт прочищает горло и продолжает таким глухим голосом, словно звукорежиссер наложил эффект бочки на его микрофон.— Сложившаяся ситуация во Флорино была прогнозируемой. Мы видим полный провал региональных властей в выполнении повестки, заданной президентом на объединение всех народов нашей огромной страны. На лицо ошибки по работе с национальными

меньшинствами. Безусловно, здесь не обошлось без вмешательства наших заокеанских партнеров и прислуживающих им либералов — они долго и тщательно раскачивали лодку стабильности. Я об этом предупреждал в своей книге, которую кстати можно приобрести всего за 250 рублей в сети магази...

Звукорежиссер глушит микрофон гостя студии, и ведущая бойко продолжает:

— И все же, как должно поступить наше правительство? Насколько требования сепаратистов реализуемы, и стоит ли нам задействовать армию, чтобы прекратить бунт?

— Позвольте сначала пройтись по требованиям сепаратистов. Они абсолютно нереальны, если мы предоставим сегодня им независимость, то завтра каждый второй регион страны тоже потребует ее, а послезавтра государство развалится. Это и является конечной целью заказчиков ситуации во Флорино. В своем блоге я...

— Стоит ли нам ввести войска? — женщина опять перебивает эксперта, не позволяя ему прорекламировать свой блог.

— К сожалению, это не лучший вариант. Если бы вопрос можно было бы решить простым вводом войск, то я вас уверяю, это бы уже давно произошло. В силу географического расположения во Флорино можно попасть только по одной дороге, которую легко может контролировать два десятка вооруженных человек. Подключить авиацию тоже не получится, прежде всего из-за сложной горной местности. Наши потенциальные потери могут составить до ста человек к одному сепаратисту.

— Что нам остается? Только переговоры?

— Нельзя вести переговоры с террористами.

— И последний вопрос. Как вы относитесь к интернет-петиции применить «Чувствительный» на Флорино? В таком случае погибнет все население, но самому городу не будет нанесено никакого вреда, и его можно будет заселить заново уже на следующий день. Петицию подписали уже полтора миллиона человек.

— Да, я видел петицию. Общественная поддержка у нее колоссальная. Это в очередной раз свидетельствует о том, что курс правительства на создание крепкого государства находит отклик в сердцах наших сограждан, и мы не потерпим сепаратизма ни в каких проявлениях,— мужчина снимает очки и протирает их кончиком галстука, камера крупным планом показывает его глаза.— Но стоит помнить, что «Чувствительный» еще не применялся в боевых условиях — во Флорино это будет первый тест.

— Уточните, пожалуйста, я ведь правильно понимаю: если мы нейтрализуем сепаратистов при помощи «Чувствительного», то погибнут и их заложники. Ведь технология этого инструмента сдерживания — распыление человеческого ДНК?

— Да, все верно. Но я считаю, а со мной — еще полтора миллиона подписавших петицию, весьма высока вероятность, что пленники уже давно перешли на сторону сепаратистов. Может, они и не в плену, а предатели? Их все равно надо отдавать под военный трибунал за сдачу города и предательство интересов нашей страны. Сражаться до последнего — это священный долг наших граждан, об этом я писал в своей книге, которая доступна в...

— Напоминаю: у нас в студии был эксперт господин Бездушный, который полностью поддерживает применение комплекса «Чувствительный» для нейтрализации вооруженного бунта во Флорино,— ведущая новостей снова в центре кадра.— А что вы, телезрители, думаете по этому вопросу? Примите участие в онлайн-голосовании на сайте нашего телеканала или отправьте короткое SMS на номер 8888 с вашим вариантом ответа. Вопрос: стоит ли применить «Чувствительный» на Флорино в ближайшее время или подождать десять дней?

Время — глубокая ночь. Номер отеля в полной темноте. Иру кажется, что пахнет горелой плотью и костром, оставленный на полную мощность обогреватель воздуха сжег всю пыль и остатки кислорода в комнате. Мобильный Смирнова не отвечает. Ираклий плюет на все приличия и продолжает звонить. До этого он уже написал в мессенджеры и отправил несколько SMS с просьбой перезвонить.

Наконец-то Юрий принимает вызов:

— Алло, что-то случилось? Ты в порядке? Нужна помощь? — несмотря на то, что Ир его явно разбудил, голос мужчины как всегда тверд.

— Да, что за херня происходит? Что за петиция? — Ир орет в трубку.

— Слышу, ты наконец-то вернулся в реальность — это радует. А до утра не мог подождать со своим вопросом?

— Не мог, я только сейчас узнал. В моем плане такого не было! — не успокаивается он.

— Концепция изменилась.

— И какая сейчас концепция?

— Не телефонный разговор.

— Я позвоню в мессенджере, — настаивает Ираклий.

— Да, еще онлайн-дебаты назначь. Никакой удаленной связи. Приезжай в офис — поговорим.

Ираклий хочет добавить, что прилетит послезавтра, но Юрий уже отключился.

Разговоры и сплетни про вооруженный бунт во Флорино преследуют Ираклия весь обратный путь домой, который он пытается максимально ускорить. Все равно вернуться быстрее чем за сутки не получается: региональный поезд плюс два перелета с длинной стыковкой.

В поезде семейная пара обсуждает, не заденет ли использование «Чувствительного» их родственников, живущих

от Флорино в 100 километрах. Когда сосед по купе предполагает, что их родне на всяких случай следует уехать подальше на некоторое время, они жалуются, что не могут дозвониться до них несколько дней.

Ираклий, случайно подслушавший их беседу, приходит к выводу, что во Флорино и ближайших городах спецслужбы глушат мобильную связь и интернет.

На первом авиарейсе Ираклий сидит у окна. Рядом располагается симпатичная девушка. Третий пассажир в ряду, пытаясь произвести впечатление на нее своей осведомленностью, доказывает: альтернативы «Чувствительному» нет. Мол, это самое большое благо — скрепа, склеит всю страну и пресекает на корню попытки любых меньшинств выйти из состава государства. Девушка робко отвечает: не скрепа, а массовое убийство, которое замажет кровью все население. Сосед багровеет, обзывает девушку либерасткой и сепаратисткой, и весь полет делает вид, что спит. Он рад, что заблокировал проход в туалет и хотя бы на этом рейсе ему удалось сохранить целостность вверенной территории.

Маясь в ожидании посадки на второй рейс, Ираклий борется со сном и пересматривает фотографии Наташи в миллионный раз. Залазит в социальные сети. «Интересно, что пишут мои контакты про Флорино? — думает он. — Да, как я и ожидал, большая часть знакомых — вменяемые люди и призывают к переговорам с повстанцами. В комментариях к их постам, правда, творится полный трэш, множество ботов и реальных людей предлагают им поехать во Флорино или свалить жить за границу, раз они не любят свое государство.

Ираклий заходит на страницу бывшего главного пастуха Агентства — Дмитрия Калачева. «Хорошо, что сохранил ссылку на нее и других ботов в закладках, могу отслеживать, как работает Рой. Все, как ожидал. Калачев пишет, что подписал петицию за применение “Чувствительного” на повстанцах во Флорино и призывает друзей сделать то же». Пролистывая страницы других ботов, Ир видит

предсказуемое единомыслие — ссылки либо на петицию, либо на аналитические статьи, поддерживающие военное разрешение конфликта.

Мужчина запускает поиск людей по месту проживания «Флорино». Находится 756 страниц, рука наугад тапает по экрану планшета, открываются несколько профилей. Получасовое изучение страниц показывает: они все под контролем Агентства. Некоторые из них активно разжигают ненависть и призывают к независимости, а администрация социальной сети никак на это не реагирует. Часть пишет об уникальном пути развития Флорино и пережитых притеснениях, мол, наконец-то пришло время свободы. Третьи же размещают унижительные картинки и пишут откровенные гадости по отношению к своим согражданам. Из сотни прокликанных нет ни одного не задействованного в кампании Роя.

Синтезированный женский голос объявляет о начале посадки на рейс.

Конец рабочего дня. Город утопает в снегу. Усталые от бессмысленного труда офисные работники протапывают дорогу к метро и автобусным остановкам. Такси останавливается у особняка Агентства. Пассажир расплачивается впопыхах, таксист получает на чай стоимость поездки. Тело само выпрыгивает из машины, словно не было этих бессонных ночей и выматывающих дней. Свежий снег хрустит под ногами, до входа в здание — пара шагов. Тишину вечера нарушает гудок автомобиля.

Водитель кричит: «Достопочтенный, вы забыли багаж!».

Ираклий, чертыхаясь, возвращается за рюкзаком.

Юрий сдержал слово и дождался его на рабочем месте, но Ираклию не до церемоний и выражения благодарности. Влетает в кабинет своего начальника, чуть ли не кричит:

— Почему изменили мою концепцию?

— А что не так? — спокойно отвечает Смирнов, уставшие глаза отрываются от экрана ноутбука.

— Как что не так? — не теряется Ир.— Третий этап кампании должен был быть другим! Первый этап: оправдание коррупции, рост чувства гордости за страну, слухи о происках врагов Родины. Второй этап: создание атмосферы осажденной крепости, якобы пропажа главного конструктора «Чувствительного», вброс о том, что за границей принялись разрабатывать аналоги. Если после первых двух этапов финансирование на проект выделяют, то кампания заканчивается. Если денег на «Чувствительный» не дают, то запускаем третий этап. В отдаленном городке должен был произойти захват стратегического предприятия террористами. Их припугивают запуском «Чувствительного», и они добровольно сдаются. Благодаря этому проект получает общественную поддержку. Выделяется дополнительное финансирование и закрываются все вопросы о необходимости дальнейших инвестиций в «Чувствительный». В качестве побочных эффектов — растет чувство патриотизма и гордости за военно-промышленный комплекс страны.

— Все верно. Ты был в отъезде, пришлось действовать по изменившимся обстоятельствам.

— По каким обстоятельствам? Я прочитал, что проект был профинансирован на все сто процентов. И это произошло, когда Агентство отработывало второй этап. Третий был не нужен! — возмущается Ираклий.

— Ты мыслишь в рамках своей картины мира и не знаешь всю ситуацию.

— Так расскажи, что за ситуация, раз Агентство запустило кампанию по поддержке боевого использования «Чувствительного», — говорит с надрывом Ир.

— Да, в рамках государственного бюджета проект профинансирован полностью. И ты, между прочим, тоже получишь совсем не маленькую премию с этого, — слова Юрия насчет

денег не находят отклика на лице Ира, и Смирнов продолжает.— Но это все бюджет нашей страны. Деньги, которые могли пойти на медицину, образование, пенсии, но были перенаправлены на военные разработки. А у государства и так дефицит средств. Но есть хорошая новость. Проект заинтересовал правительства стран-партнеров, и не только их. Даже государства, исторически покупающие вооружение у наших конкурентов, хотят приобрести «Чувствительный». Это огромные деньги и уникальный шанс Родины выйти на новые рынки, выбить с них устоявшихся игроков. Не представляешь, какие финансы польются в наше государство! Хватит на все и всех! И не только деньги: у страны появится возможность получить любые технологии, даже те, что под эмбарго и санкциями. «Чувствительный» — это универсальная валюта, его хотят все! Но есть загвоздка. Никто не готов приобретать оружие, не доказавшее свою эффективность. А специфика «Чувствительного» в том, что он разрушает только человеческий ДНК, показать его в действии можно только на этих объектах.

Ираклий молчит, удивляясь, как ловко Юрий заменил эвфемизмом «объекты» простое слово «люди».

— Поэтому я принял решение реформатировать третий этап кампании,— продолжает Смирнов.— Отдаленная деревушка на границе якобы решает отделиться от государства. Жители убивают руководителя администрации и объявляют независимость. Рой активно работает по двум направлениям: создает видимость общественной поддержки применения «Чувствительного» и разжигает ненависть к предателям из Флорино. Все вышло просто великолепно! Идеальная площадка для демонстрации эффективности «Чувствительного». Это лучшая рекламная акция в истории человечества. ROI — просто фантастический! Маркетологи всего мира почувствовали бы себя профнепригодными. Об этом бы в учебниках писать, но нельзя. Расходы, по сути, копеечные, но приведут к продажам на миллиарды!

— Расходы? — Ираклий не верит своим ушам. — Это не расходы, это убийство тысячи ни в чем не повинных людей!

— Во-первых, не тысячи. Реальных объектов там в два раза меньше, — Юрий старательно обходит слово «люди» в своей речи. — Остальные — боты и цифровые души. Во-вторых, сократив население страны всего на 500 объектов, мы спасем миллионы человеческих жизней. Предотвратим огромное количество потенциальных войн, ведь у нас будет оружие сдерживания нового поколения, доказавшее свою эффективность.

— Ты противоречишь сам себе. Говоришь «предотвратим войны» и в то же время — массовое убийство. Демонстрация эффективности — лишь для того, чтобы продать и вооружить «Чувствительным» другие страны, — стоит на своем Ир.

— В этом-то и плюс, и мегазадача. Я не сумасшедший, послушай меня. Я тебе доверяю и никому этого раньше не говорил. — Юрий включает на полную громкость подкаст на мобильном телефоне, чтобы он заглушил их речь на случай прослушки кабинета. И продолжает громким шепотом. — Даже руководство, возможно, не полностью это осознает. Какой смысл, если оружие будет только у нас? Какие гарантии, что следующий президент не захочет перекроить карту мира по своему усмотрению и не развяжет новую войну? Или нынешний не превратится в абсолютного тирана? Ведь другие страны ничего не смогут ему противопоставить. Нас будут все ненавидеть, вся планета может объединиться против нас, кровопролития не избежать — это риски однополярного мира. Мы сейчас живем в таком, хотя очень стараемся себя обмануть, что на Земле несколько центров силы.

Ираклий молчит, Смирнов, выдохнув, продолжает.

— «Чувствительный» — это смерть мирового имперского проекта. Более того, это мощный удар по мировому авторитаризму, путь к демократическим переменам. Продемонстрировав эффективность «Чувствительного» и продав его дружественным странам, мы переформатируем

мир. В нем будет несколько полюсов притяжения, старый якобы биполярный уйдет в прошлое. Будет новый, гармоничный! Ведь чем больше полноценных игроков, тем лучше баланс. Страны будут вынуждены договариваться друг с другом на равных, а любые переговоры лучше военного конфликта.

— Неужели этого нельзя добиться другим способом? — Ира трясет.

— Это невозможно, не в моих силах и полномочиях. Ты просто не понимаешь исключительность момента! Это историческое событие,— Смирнов невольно привстает из-за стола.— Хантингтон ошибался, основа цивилизации не только язык, культура и религия, но еще и оружие. Именно поэтому Запад не смог победить, они были готовы делиться всем кроме оружия. «Чувствительный» же уравнивает всех, не будет больше никаких войн, разделений на свое и чужое. У нас наконец-то появится шанс построить универсальную цивилизацию!

— Не убивай невинных людей. Дай мне время, я что-нибудь придумаю, спасем Флорино,— Ираклий в отчаянии тянет руки к собеседнику.

— Ничего не могу сделать. Я далеко не главный винтик системы. Время уже назначено. Демонстрация пройдет через три дня. За ней будут наблюдать представители потенциальных покупателей. Ты пойми: военные в любом случае протестировали бы «Чувствительный» с поддержкой Агентства или без него. Нам просто повезло, что наш вклад в проект оценили и подключили к финальному этапу. Но не думай, что мне это решение легко далось. Я не сплю уже неделю. Я ведь тоже не робот.— Юрий выключает звук на мобильном телефоне, и замолкает на несколько секунд. Его уставшие, с красными венками глаза смотрят на Ира абсолютно беззлобно, чуть ли не с отеческой заботой.— Да, возможно, мы с тобой попадем в ад за смерть этих 500 человек, но любой прогресс в истории человечества требует жертв. Это побочный эффект и плата за развитие. Ты знаешь, сколько человек стали

жертвами врачей, и сколько спасено благодаря им? Сколько, исследуя мир, погибло моряков? Космонавтов? Невинных людей от мирного атома?

— С этим спорить бесполезно, но мы можем не участвовать,— стоящий до сих пор Ираклий бессильно растекается на стуле.

— Знал бы, что к этому все придет,— никогда бы не подключил тебя на этот проект, да и сам бы за него не брался. Но Родина доверилась нам, и у нас нет пути назад. Если «Чувствительный» запустим не мы, то через десять-пятнадцать лет эту технологию разработают в других странах. И не факт, что они не протестируют ее на наших же гражданах. Факт только в том, что смертью 500 человек дело не ограничится.

— Но почему именно Флорино? — восклицает Ираклий в сердцах.

— Так ты ведь сам его выбрал! — разводит руками Юрий. — Что с ним не так?

— Там живет любовь всей моей жизни,— признается Ир.

— Раутова Наталья?

— Да, она.

— Ираклий, послушай внимательно то, что я тебе сейчас скажу,— Смирнов набирает полные легкие воздуха. Взгляд фокусируется на Ире, голос звучит медленно, акцентируя каждый звук.— Ее никогда не существовало. Она полностью сгенерирована нейросетями для нашего Роя.

— Этого не может быть,— Ираклий ухмыляется.— Чушь. Я не верю.

— От твоей веры ничего не изменится. Она была сгенерирована вместе с сотней других экспериментальных профилей для рекламы фэшн-бренда несколько лет назад. Конкретно ее профиль был разработан для рекламы лаков и средств для ухода за кожей рук. Это был заказ от крупного американского косметического бренда. У них почти до нуля упала эффективность традиционной рекламы. Клиенты

доверяли только отзывам других людей в интернете, — рассказывает Смирнов. — Сама рекламная кампания провалилась, мы перестарались — сгенерированные девушки получились слишком красивые, и потенциальные клиенты не стали ассоциировать себя с ними. Вместо того, чтобы мотивировать на покупку упоминаемой косметики бренда, они вызывали агрессию в свой адрес и зависть от реальных девушек, на которых была ориентирована реклама. В итоге все профили включили в Рой, но сделали «спящими». Они не были задействованы в кампаниях Агентства. Руководство решило, что когда-нибудь эти профили пригодятся, и мы поддерживали их в фоновом режиме.

— Я слежу за ней уже больше года. Она абсолютно реальный человек. Фотографии не врут.

— Безусловно. Это ручная работа. За основу профилей для этой кампании были взяты фотографии из базы актеров второго плана и массовки прошлого века ведущих киностудий мира. На каждый профиль приходилось до пятидесяти фотографий. Людей с них вырезали и отретушировали вручную, а затем нейросеть сгенерировала для них фоны, соответствующие их легенде. Так как профиль Натальи был разработан для рекламы лаков для ногтей, то основной акцент был сделан на фотографии рук. Извини, друг, ты влюбился в цифровую душу, в человека, которого никогда не существовало, — сочувствует Юрий, качая головой.

— А видео? У меня есть видеоролик, где она играет на пианино.

— Ты посмотри: есть ли на этом видео ее лицо? Или только руки?

Ираклию нет необходимости проверять, он и так знает, что лица в ролике не было...

— Звучит складно, но есть один момент. Я с ней переписывался, а цифровые души не вступают в переписку. — Ир находит противоречие в аргументах собеседника.

— Это был я. На твои сообщения с ее страницы отвечал я, — признается Смирнов. — Как только Аркадий добавил Наташу

к тебе в друзья, он испугался, что нарушил правила, и сообщил мне, а я перехватил контроль над профилем.

— И зачем вступил в переписку?

— Ты был на грани самоубийства! Что мне еще оставалось делать? История с «Сирамидзу» выбила тебя из колеи. Не хотел говорить ни со мной, ни с Аркадием. Это был единственный вариант спасти тебя. Можешь не верить, но я считаю тебя своим другом. Прости меня, — голос Смирнова дрожит.

— Спасти меня или убедить подключиться к проекту «Чувствительный»? — глаза Ираклия стараются отследить реакцию Смирнова, чтобы определить, лжет он или нет.

— Зря везде ищешь мою выгоду. Незаменимых специалистов нет. Если бы «Чувствительным» занялся не ты, его поручили бы кому-нибудь другому, — слова Юрия звучат отрезвляюще. — Я не хотел терять проверенного товарища, ведь это из-за меня ты попал в историю с «Сирамидзу».

— Зачем тогда ты удалил профиль Наташи?

— История зашла слишком далеко. Ты восстановился, а я решил, что дальнейшее общение с цифровой душой может оторвать тебя от реальности, — Смирнов на секунду заминается, затем продолжает. — Да, и это было не по-товарищески — общаться с тобой от имени женского профиля. Спас от самоубийства — этого было достаточно. Анализ твоего интернет-поведения показывал, что больше половины трафика и запросов приходится на ее профиль в социальной сети. Ты сходил с ума.

— Вы следили за мной? — Ираклий делает вид, что удивляется.

— Агентство следит за всеми сотрудниками. Уверен: мы на контроле и у других спецслужб.

— А справка о ее смерти?

— Полный фейк. Сначала я хотел поручить сгенерировать фотографии ее свадьбы, счастливой жизни в кругу семьи, но ты был абсолютно повернут на ней. Не было никаких гарантий, что не поедешь ее искать. Решил, что только смерть остановит

тебя. Но я допустил большую ошибку. Не знал, какую информацию ты успел увидеть в профиле Наташи, когда Аркадий добавил ее в друзья. Приказав подготовить информацию о ее жизни и смерти, не уточнил, что город ее проживания — Флорино, думал, ты его не видел. Она никогда не жила ни во Флорино, ни в Кривом Логе, ни в каком другом городе. Если не веришь, могу прислать ссылки на десятки похожих на нее профилей. Тех, что были сгенерированы вместе.

— Верю, — с болью в голосе едва слышно говорит Ираклий.

— Все будет хорошо. Хочешь, отвезу тебя домой?

— Нет.

Глава 9

Любой человек, проживший на севере хотя бы пару лет, знает: когда идет снег — совсем не холодно. Наоборот: самые морозные дни — те, когда нет осадков. Ираклий на севере не жил, поэтому необычное для начала холодной зимы потепление удивляет его. Снег валит такими кусками, что мужчина ощущает себя на дне корзины промышленного шредера, запущенного на полную мощность в преддверии визита налоговой инспекции.

«Спешить некуда. Жителей Флорино я спасти уже не в силах. Искать Наташу бессмысленно. Такси по таким сугробам будет ехать целую вечность. Надо же, какой снег белый, словно кто-то наверху решил все стереть и начать с чистого белого листа.— Ираклий задирает голову, снег мгновенно попадает на лицо и превращается в капельки воды.— Прогуляюсь немного, подышу свежим воздухом. Все равно сразу уснуть не получится».

Несмотря на кажущуюся теплоту, зима есть зима, и через час прогулки по вечернему городу Ираклий замерзает. Мобильный телефон полностью разрядился. Ноги приводят его в тихий дворик. В центре возвышается большая ледяная горка. Громко улюлюкая и радостно гогоча, катаются мальчишки на санках и ледянках. Среди них идет соревнование: кто дальше всех съедет с горки. Рекорд отмечен воткнутым в землю обломком хоккейной клюшки. Ни один из катающихся не может даже доехать до нее, а о взятии рекорда даже не идет речи. Некоторое время Ир со смешанными чувствами радости и легкой зависти наблюдает за их играми. Темнеет рано, дети расходятся по домам, и во дворе остается он один.

«Когда я последний раз катался с горки? Когда действительно радовался жизни, наслаждался ей, а не деньгами? Не могу вспомнить, неужели только когда был таким же мальчишкой? — размышляет озябший Ираклий.— Ладно, потерянные дни не вернуть, но ничто не мешает спуститься с горки сейчас».

Оставляет рюкзак у подножия насыпи, замерзшие руки цепляются за сколоченные из досок перила, под ногами скользят ледяные ступеньки. И вот он на вершине! Тут осознает: не на чем скатиться. «Мда, я мастер планирования! — думает Ир.— Ни санок, ни ледянки у меня с собой нет. Попробую стоя на ногах».

Проезжает буквально пару метров, правая нога попадает в выбоину и уже через секунду тело летит с горки кубарем, набивая шишки и синяки.

«Ха, это было весело. Но нужно найти, на чем прокатиться, второй спуск на ногах может закончиться переломом,— глаза внимательно всматриваются в вечернюю темноту двора в поисках подходящих на роль санок предметов.— Ну как назло ничего! В моем детстве у каждой горки валялись хотя бы картонки».

Вдруг внимание Ираклия привлекает знакомый звук из его рюкзака. Открыв его, понимает: это уведомление о получении электронной почты, пришедшее на планшет, с которым путешествовал в Кривой Лог. Палец тапает на папку «Входящие», новое письмо от Смирнова. Тема письма «Ссылки на профили, сгенерированные для рекламной кампании Лк. 3:21–22». Глаза читают: «Ираклий, доброго времени суток! Дабы окончательно закрыть вопрос о реальности цифровой души Раутовой Натальи, высылаю ссылки на все профили, которые были сделаны в рамках рекламной кампании Лк. 3:21–22. Посмотри и убедись сам. С уважением, Ю.С.»

«О, нашел!» — восклицает Ир и буквально в три рывка запрыгивает на вершину горки. Руки крепко держат планшет. Последняя модель: суперпроизводительный процессор, экран

высокого разрешения огромной диагонали, интернет по сотовой сети, тонны оперативной памяти и внушительный объем внутреннего накопителя. Но все это меркнет перед сплошным металлическим корпусом из прочнейшего материала, который просто обязан идеально скользить по ледяной горке. Ираклий бросает планшет на горку и усаживается прямо на экран. Самая дорогая и технически навороченная ледянка в истории человечества успешно бьет рекорд, установленный завсегдатаями горки. Ее обладатель проезжает дальше всех с первого раза. Ир гордо выдергивает из земли остаток хоккейной клюшки и вонзает ее на место своего достижения. Планшет бесповоротно поломан, но корпус еще выдержит пару спусков.

Мужчина еще несколько раз катится с горки, и достижение инженерного гения не переживает очередное испытание на прочность. То, что раньше было мощным компьютером, теперь просто несколько кусков железа, полудрагоценных металлов и пластика. Эти остатки везут Ираклия с горки, и мужчина застывает под светом ночного фонаря. Замирает, разведя руки в стороны. Во дворе царит зимняя тишина. Ир безмятежно стоит несколько минут, пока его не возвращает в реальность севший на руку белый голубь.

«Давно я не был таким живым, — щеки горят от мороза, Ир говорит сам с собой, изо рта идет пар, в котором умирают маленькие снежинки. — Это настоящее. И мои чувства к Наташе тоже реальные. Плевать, что она никогда не существовала. Я ее люблю и ради этой любви, ради этого чувства я должен сделать хоть что-то стоящее. Единственное, чем человек отличается от животного — возможностью чувствовать, сопереживать и любить. И люди во Флорино тоже настоящие, живые. Я должен их спасти! Таково мое благоволение. И плевать на доводы о прогрессе, благе человечества! Никакой прогресс не стоит смерти ребенка! Я должен перепрограммировать Рой и спасти Флорино».

«Это странное чувство, когда возвращаешься домой после долгого отсутствия. Дом все тот же, но ты другой. Привычные вещи кажутся чужими и новыми,— стоя в прихожей, Ираклий оглядывает свою небольшую квартиру словно в первый раз.— Фотография Наташи висит на месте, прямо над зеркалом. Интересно, как звали реальную девушку, послужившую ей прототипом? Где она жила? Правда ли была актрисой? О чем мечтала и мечтали ли о чем-то кроме главной роли в кинофильме?»

Ираклий вздрагивает, прогоняя навязчивые мысли, и, не снимая заснеженные ботинки, проходит в комнату.

«Нельзя терять ни минуты! — приказывает он себе.— Нужно срочно найти файл-анкету для программирования Роя и отправить Аркадию. Он единственный, на кого могу рассчитывать».

Ноутбук включается за пару секунд. Пальцы Ираклия машинально вводят пароль разблокировки устройства, и мужчина буквально растворяется в компьютере.

«Ага! Вот эта форма, которую нужно заполнить и отправить Аркадию, чтобы она попала в «РойСОО»,— улыбка появляется на лице мужчины.

— Профили, которые необходимо задействовать в кампании? — Ир озвучивает манипуляции с анкетой.— Отмечаем галочкой «все профили Роя». Действия, которые необходимо сделать с профилем? Какие есть варианты? Вот этот подходит! Меняем всем профилям Роя адрес проживания на Флорино. Дальше: сообщения в статусе, размещение картинок и личные сообщения. Сейчас и это заполним.

Ираклий расправляется с файлом быстрее, чем планировал. Отправка электронной почты Аркаше с установленной задержкой в 30 минут, приблизительно столько занимает дорога на машине до Аркадия. Мужчина, вызвав такси, выбегает из квартиры, и только фотография Наташи на зеркале смотрит ему вслед.

Вечерний снегопад проиграл битву дорожным службам, и те стерли воспоминания о нем со всех центральных дорог города. Благодаря этому таксист домчал Ираклия до дома Аркаши буквально за четверть часа. Ночной пассажир оставляет водителю солидную сумму и просит подождать полчаса. Водитель готов ждать всю ночь и за сумму втрое меньше.

Лифт словно швейцарские часовщики следует своим традициям — не работает. Ир по привычке поднимается на двенадцатый этаж пешком. Перед самой дверью квартиры нервы сдают, и Ираклий замирает.

«Что делать? Сказать Аркадию правду или обмануть? Не хочется его втягивать в эту историю, но он единственный, кто может помочь с реализацией плана. Могу сказать: концепция внезапно изменилась, и Смирнов отправил меня, чтобы мой товарищ срочно запустил кампанию. Но Аркаша может не поверить мне и позвонит Юрию удостовериться — тогда все потеряно. А еще хуже — он может понять, что я обманываю и не доверяю ему. И тогда одному Богу известно, как он поступит. У меня есть только один вариант — сказать правду», — рука Ира тянется к звонку. Секунда колебаний — и звонок трезвонит что есть силы, словно колокол в церковный праздник.

Тянутся долгие секунды ожидания. За дверью нет никакого движения. Ираклия бьет током мысль: вдруг Аркаша не в городе? Ноги подкашиваются, и тело бессильно оседает на стену около входной двери.

Раздается тихий шорох, щелчок, и на пороге возникает миловидная девушка в прозрачном пеньюаре на абсолютно голом теле.

— Вали отсюда, полицию вызову, — приветствует ангельский голос.

— Я к Аркаше. Он дома?

— Спит. Приходи завтра после обеда, — пытается закрыть дверь, но Ираклий проворно засовывает ногу в дверной проем, за ней голову, и кричит во всю силу диафрагмы:

— Аркадий! Твою мать, ты мне сейчас нужен! Это Ир!

— Мужчина, вы соседей напугаете, — теряется девушка, — зайдите. Я его сейчас разбужу, но сами будете объясняться с ним.

Взмах руки любовницы Аркадия указывает, куда Ир должен пройти. На старую добрую кухню. Хоть хозяйка дома и сменилась, некоторые традиции, а именно привычка Аркаши принимать гостей на кухне все еще живет. Этот факт вселяет надежду: его университетский друг все тот же, и если Ираклий в нем не ошибается, тот поступит по совести и не допустит испытания оружия на невинных людях.

Кухня же не пережила ухода Маргариты, и Аркадий наконец-то сделал на ней ремонт. На смену старому гарнитуру пришел новый ультрамодный: лаймового цвета, со сплошной каменной столешницей на всю площадь и дорогой техникой премиального бренда. Ушатанные стулья канули в прошлое, на их месте — массивные собраты из сплошного дерева. «Учитывая нынешний вес Аркаши, только такие и способны его выдержать», — думает Ир. Пахнет смесью хлорки и благовоний, как будто кто-то решил продезинфицировать магазин восточных специй.

Из комнаты доносятся неразборчивые звуки, обрывки нецензурной брани, возмущенный голос женщины и примиряющий Аркаши. Ираклий уже всерьез подумывает вломиться в спальню, время не ждет. Наконец-то, слух улавливает шорох одежды, недовольное кряхтение и тяжелые шаги.

Аркадий появляется на кухне. На нем белый махровый халат с вышитым золотом логотипом престижного турецкого отеля и тапочки из овечьей шерсти. Следом за ним с наигранным недовольством следует сожительница. Она не позаботилась прикрыть свою наготу, видимо, считает, что прозрачной накидки достаточно. Девушка застывает в проходе за спиной Ира. Руки, как у обиженной школьницы, скрещены на животе и подпирают и так внушительную, скорее всего силиконовую грудь. Тело хозяина словно огромный айсберг проплывает мимо незваного гостя напрямиком

к холодильнику и почти скрывается за его дверью. Несколько мгновений на Ираклия смотрит экран этого модного бытового устройства, информируя о температуре внутри и об отсутствующих продуктах. Затем холодильник закрывается, и на общественную арену опять выходит сонный хозяин. В его руке — алюминиевая баночка с пивом.

Ираклий хочет сказать, что время не ждет, но вытянутая рука Аркаши останавливает его. Поллитра пива одним залпом заливаются в глотку, об успешной доставке жидкости в место назначения свидетельствует сигнальная отрыжка.

— Аркаша, твою мать! У меня серьезная тема. Я бы не стал по мелочи беспокоить. Заканчивай это представление, — выпаливает Ир, не выдерживая.

— Слушаю, — отвечает он, снова исчезая в холодильнике.

— Дружище, я нечасто прошу об одолжениях, ты знаешь. Но сейчас исключительная ситуация, — начинает Ираклий.

— Говори, — в руке у Аркаши вторая банка пива.

— Мы должны остановить кампанию поддержки «Чувствительного», — выкладывает причину своего визита мужчина.

Пиво попадает не в то горло, и Аркадий кашляет. Несколько крупных желтых капель приземляется на белоснежный халат, и одеяние становится похожим на истребитель, совершивший несколько успешных боевых вылетов. Пятна пива показывают количество сбитых самолетов противника. Никак не меньше трех.

— Женщина, иди спи. Это мужской разговор, — барски приказывает хозяин голосом, не допускающим никаких возражений.

Дверь на кухню хлопает громче, чем следовало, и нагое создание нервно исчезает за ней.

— Хороша, чертовка? А? — Аркаша плотоядно подмигивает Иру.

— Аркадий, мы должны спасти жителей Флорино, — он не ведется на смену темы. — Мы — не убийцы.

— Ты совсем дурак? Какое это убийство? Это во благо нашей страны! Страны, которой ты обязан всем: жизнью, образованием, — приступает к перечислению Аркадий.

— И тебе Смирнов мозги промыл? — разочарованно перебивает Ираклий.

— Никто мне мозги не промывал. Что такое жизнь пятиста человек по сравнению с благом миллионов?

— А как бы на этот вопрос тебе ответили матери и дети Флорино?

— Это эволюция, братан, — спокойно отвечает Аркадий. — У нас в автомобильных авариях за пару дней столько гибнет. Мрут, заметь, абсолютно бессмысленно. А эти — во благо дела. Им просто не повезло, с этим ничего не поделать. Хватит быть эгоистом! Хватит думать только о себе и своей совести, шире надо мыслить. Сейчас от тебя, меня, Смирнова зависит будущее миллионов людей. Это раньше только за себя ответственность нес, ну и иногда за меня, — на этих словах он добродушно улыбается. — Сейчас же твой близкий круг расширился до жителей всей страны, планеты!

— Аркаша, мы обрекаем на немедленную смерть людей. Людей, которые просто исчезнут за секунду. Исчезнут полностью со своими чувствами, эмоциями, мечтами.

— Нарожают новых. Этим и отличается человек, что он может жертвовать собой ради блага своего рода. Человек не эгоистичный ген, а альтруистический. Думаешь, президентам легко принимать решения? Объявлять войны? Приказывать уничтожать террористов? Оптимизировать налоги, пенсии, здравоохранение — все это тяжелый груз ответственности. Груз, который ты хочешь сбросить со своих плеч, но нести его больше никто не сможет. Такова наша судьба!

Ираклий молчит, и Аркадий решает, что переубедил его.

— Но у повышенной ответственности всегда повышенное вознаграждение. И ты понимаешь, о чем я. Представь, какая это история успеха! После кейса с «Чувствительным»

Агентство получит таких клиентов — с ума сойти! Медицина, политика, да что угодно — сумасшедшие деньги! Мы станем долларовыми мультимиллионерами! А то, что ты предлагаешь, — это саботаж. Предательство не только интересов страны, но и лично Смирнова и Куратора Агентства. Сам понимаешь, какие там деньги крутятся! Нам не прожить и дня после этого. А я ведь совсем не рискованный пацан. Что самое страшное я делал без защиты? Носил телефон, — довольный своей шуткой смеется Аркаша. — По секрету, как старому другу, скажу. Смирнов как-то мне проболтался. У него дети от первого брака живут в Европе. Им обучение надо оплачивать, да и квартплата там не хилая, ну и сопутствующие расходы. А еще подрастают дети от нынешней жены, им тоже надо будет не хуже в жизни устроиться. Так что саботаж этого проекта он может воспринять как личную историю. Зачем тебе это? Он тебя ценит и уважает, но свои интересы и детей он любит больше. Секешь?

— Да, — кивает Ир.

— Он встроен в цепочку плотно. Ему помимо нехилой зарплаты в Агентстве капает и от реализации «Чувствительного» — военные заносят. А сейчас еще по международной линии обещали хорошую благодарность. Я не знаю точно, кто-то из иностранцев заинтересован в испытаниях. Еще года три-четыре, и он окончательно вытеснит Погорелова, станет директором Агентства, и мы как его верные псы заживем на полную катушку. Контроля за нами не будет, свои проекты мутить будем. Ты ведь знаешь: *«Мои любимые цветы — деньги»*. Вот у нас столько цветов будет — хоть поля засеивай. Согласен?

— Да, ты прав, Аркадий. Прости меня, я просто устал. Не спал неделю, — сдается Ир.

— Видел бы ты себя, вылитый наркоман без дозы. Подругу мою напугал. Можешь у меня на ночь остаться. Бахнем пивка или еще чего-нибудь снотворного, и будешь спать как младенец, — предлагает подобревший хозяин.

— Нет, дом есть дом. Поеду к себе.

— Ну, как хочешь. Хозяин-барин. Мне так даже лучше, спать не хочется — надо гимнастикой заняться и вымолить прощение за твой ночной визит, — смеется Аркадий.

— Надеюсь, этот разговор останется между нами, — просит Ираклий.

— Я — могила. Разве я тебя когда-то сдавал? — укоряет товарищ.

— Смирнов рассказывал, что да, — говорит Ир, имея в виду случай с добавлением Наташи в друзья.

— Я так и знал, что Юрий рано или поздно меня выдаст, — улыбка сходит с лица Аркаши. — Ты прости, дружище, это ж больше года назад было. Все время хотел рассказать, но боялся. Серьезные люди меня прессанули. Говорят, знаем, ты тексты про шлемы пишешь. Если не скажешь, кто заказчик, повесим на тебя неустойку за их провал — все отдашь, но все равно должен останешься. А у меня годовщина свадьбы на носу, денег нет. С Марго постоянные скандалы. Пообещал тебя в гости позвать и сказать им, когда это будет. Хотел тебя предупредить о возможной засаде, но ты забыл про годовщину свадьбы — обидел меня тогда. Вот я и дал слабинку. Но все ведь хорошо сложилось? Мы так же работаем вместе, только проекты круче и денег в разы больше. Ты не сердишься на меня?

— Да что ты, дружище. Проехали давно. Я сам рад, что все так получилось. У твоей пассии подружки есть? Может, с кем-нибудь познакомит? А то что-то я совсем сдал без женского внимания.

— А то! Там такие крали — почувствуешь себя снова семнадцатилетним пацаном! Я все организую, — Аркаша заискивающе улыбается довольный тем, что проскочил неловкую тему.

— Забились. Мне нужно заказать такси домой, а у меня телефон сел. Есть зарядка под рукой? Посижу минут двадцать, заряджу и поеду, — говорит Ираклий.

— Мои телефоны — вот тут на тумбочке. Закажи с моего, а я все же спать пойду. Оставишь тут же, — Аркаше хочется выпроводить Ираклия побыстрее, чтобы тот опять не вернулся к неприятным темам.

— Договорились. Спокойной ночи!

Глава 10

В офис Ираклий проходит без проблем. Кивок сонному охраннику, тот уже привык к постоянным визитам трудоголиков, принимает его за ночного мониторщика и молча пропускает.

Ир не торопится включать свет в кабинете, в темноте он кажется незнакомым. Единственное светлое пятно — группа защищающихся солдат на картине «Нападают врасплох». Солдаты похожи на несколько одиноких березок, покрытых снегом и жмущихся друг к другу, чтобы согреться. А кругом — темнота, одиночество, чужая жизнь.

«Некогда раздумывать, я должен запустить Рой пока не поздно. Аркаша скоро заметит пропажу мобильного. Сообщит об этом, телефон заблокируют, и я не смогу ничего исправить. Плохо, что подставляю товарища, но других вариантов спасения невинных людей у меня нет,— думает Ираклий, рука тянется к выключателю света.

— Доброй ночи. Не делай резких движений,— за столом сидит Смирнов в когда-то модном спортивном костюме олимпийской сборной страны. В лоб Ираклию смотрит пистолет с глушителем.

— Да уж, доброй,— обреченно вздыхает Ираклий.

— Телефон Аркадия на стол,— приказывает Юрий сухо.

Мужчина обреченно повинуется. Телефон с глухим звуком соприкасается со столешницей.

— Присяду? Ноги не держат,— спрашивает Ир.

— Валяй,— отвечает Смирнов. Мобильный бесследно исчезает со стола в кармане олимпийки. Рука аккуратно кладет пистолет на стол. Юрий упирается локтем в стол, рука под подбородок. Потускневшие глаза смотрят на Ираклия.

— Ради чего это все? — спрашивает он. — Ради чего ты хочешь саботировать испытания «Чувствительного» и раскрыть Рой?

Ираклий молчит.

— Неужели не понимаешь? Идет война! А ты чуть не стал предателем Родины!

— Ой, не надо про Родину, — вспыхивает Ир. — Сыт уже твоими сказками про патриотизм. Сам весь из себя такой патриот, преданный стране, а дети учатся и живут за границей. Деньги ведь тоже за рубежом вкладываешь? Недвижимость там. Еще, поди, и гражданство иностранное есть. Ни хрена ты страну не любишь, просто ценишь, что она дает тебе заработать, замутить, откатить — сосешь соки из нее!

— А за что еще ее любить? За скамью у ворот? За березку, что во поле, под ветром склоняясь, растет? — спрашивает Смирнов.

— Разве любят за что-то? — отвечает вопросом на вопрос Ираклий. — Ты свою мать тоже за что-то любил?

— Ты сейчас переходишь границы, — желваки на лице Юрия резко выделяются. — Я маму просто так любил, так же, как и страну. Но во время службы ценил, когда мама могла помочь: продуктов передать или денежку. А ей это было нужно больше, чем мне. И страна дает, просто не все умеют брать. В этом нет ничего плохого, а если не брать — то мама, да и страна могут обидеться. Ведь они дают по своим силам и возможностям. Никто выше своих ресурсов не дает.

— Это ты по своим возможностям берешь.

— Никакой разницы в этом нет.

— Тебе виднее, — безразлично говорит Ир.

— Ладно, с моими мотивами мы разобрались. По-твоему, я везде преследую свои шкурные интересы, ради них готов убить пятьсот несчастных людей. У меня нет ничего святого, не патриот, а просто выдаю себя за него. Живу без ценностей, только деньги и корысть. Думай, что хочешь, — разводит руками Смирнов. — Но твои-то мотивы какие?

— Любовь.

— Любовь? — переспрашивает Смирнов. — Какая любовь?

— Наташа.

— Она ведь не существует! — кровь бьет ему в голову, и он взрывается. — Бабенки твоей никогда не было. *Вместо тепла — зелень стекла.* Просто картинка из интернета! Ради картинки из интернета саботировать финальное тестирование проекта, в который страна вложила миллиарды! Ради картинки поставить под удар стратегический инструмент формирования общественного мнения! Ради картинки загубить свою многообещающую карьеру! Ради картинки лишиться всего. У меня нет слов, — мужчина тяжело выдыхает.

— Не ради картинки, а ради того, что она во мне пробудила. Чувство любви. От того, что объекта моей любви нет и не существовало, ничего не меняется. Я люблю, и это чувство у меня не отнять. Любовь только моя и не зависит ни от каких внешних факторов. Любовь делает меня лучше. Ради нее я чуть было не спас людей.

— Так ты герой, — Смирнов взял себя в руки. — Но зачем этот подвиг? О нем никто никогда не узнает.

— А мне и не надо, чтобы о нем кто-то знал. Я знаю и этого достаточно. Знаю, что сделал все, чтобы не допустить убийство. В следующий раз кто-то другой поступит так же, потом еще и еще. В итоге любовь победит. Я ведь раньше тоже был такой как ты. Несчастный. С дырой вместо сердца. Пытался затыкать ее деньгами, властью, алкоголем, стимулятами, женщинами, впечатлениями. Но сердцу может помочь только любовь, — от истощения и усталости эмоции покинули Ираклия, и он абсолютно спокоен.

— Любовь, так любовь, — сдается Смирнов. — Всяко лучше, чем злой умысел или диверсия в интересах врагов страны. Ладно, заканчиваем этот балаган.

— И что дальше? — голос Ираклия кажется ему чужим.

— Ничего плохого с тобой не случится. Хоть и держишь меня за бездушного подонка и меркантильного эгоиста. Я-то

считал тебя единственным другом, который помог мне просто так, не из корысти, поэтому позабочусь о тебе. Отправлю тебя служить Родине в отдаленную воинскую часть. Побудешь под присмотром несколько лет, чтобы не наделать никаких глупостей. Почитаешь книги, подумаешь о вечном. Никакого интернета и мобильной связи, в остальном все, что захочешь: сериалы, игровые приставки, хорошая еда, женщины. Когда мои люди решат, что ты безопасен — вернешься. Будешь человечеству добро приносить, учителем в школу устроим. Карьеру сделаешь. Тем более, я тебе своей карьерой обязан, — подумав, Смирнов добавляет, — даже дважды.

— Первый — это «Сирамидзу»? — спрашивает Ир.

— «Сирамидзу» — второй.

Ираклий смотрит на Смирнова, у того на лице проскальзывает легкая, но самодовольная улыбка игрока, которому выпал флэш-рояль. До Ира доходит:

— Так это ты был тайным заказчиком кампании против шлемов?

Юрий кивает.

— Убрал конкурента Калачева и ослабил позиции Николая Ивановича, — развивает мысль Ираклий.

— Не без этого, — соглашается Юрий.

— А зачем тогда твои громилы приходили к Аркаше и искали меня? — теряется Ираклий.

— Не мои. Это параллельное расследование, им занимались люди Погорелова. Ну и Аркашу припугнуть не мешало, так сказать, в целях повышения лояльности, — объясняет мужчина.

— Не зря повышали. Сразу же сдал, что я с его телефоном уехал. Друг называется.

— Он ни при чем. Спит и скорее всего даже не вспомнит, что ты приходил.

— Женщина, — догадывается Ир.

— Да. Агентство вынуждено контролировать своих ключевых сотрудников круглосуточно. Аркаша, как и ты, верит

в любовь, — ухмыляется Смирнов. — Конечно, я бы на его месте тоже верил. Приятнее верить в любовь, чем в то, что двадцатилетняя девушка живет с жирным мужиком ради денег и карьеры.

— Раз ты знал, что я еду в офис Агентства с телефоном Аркадия, почему не заблокировал аппарат сразу удаленно? — Ираклий не понимает мотивов Юрия.

— Хотел поговорить. Считал, что ситуацию можно исправить, — Смирнов некоторое время молчит, потом добавляет. — Буду откровенен. Все равно несколько лет точно не увидимся. Блокировка телефона главного воспитателя — это экстренный случай. Провал кадровой политики. Утрата доверия. Проверки. Ненужные риски. У нашего Куратора могут возникнуть вопросы, а еще хуже, если такие появятся к нему. Плюс — настройка аппарата с таким же уровнем доступа может занимать несколько дней. Лучше на месте с тобой договориться.

— Ясно.

— Ну вот и хорошо. Тогда пора заканчивать и прощаться. С тобой было приятно работать, — говорит Смирнов и добавляет. — Небольшой отрывок времени. Отдавай свой мобильный, поедешь в командировку — служить Родине.

— Можно последний раз посмотрю на фотографии Наташи?

— Вместо сигареты? — Смирнов смотрит на него с сочувствием, словно на безнадежно больного.

— Да.

— Валяй, а я, пожалуй, покурю, — чиркает зажигалка, и Смирнов отходит к окну, словно он третий лишний на чужом свидании.

Ираклий достает телефон. По виску катится одинокая капля пота. Пальцы снимают блокировку. Пахнет табаком. Время словно застыло и растянулось. Медленно тлеет сигарета в руках Юрия. Ираклий склонился над мобильным.

Полная тишина.

Внезапно в руке у Смирнова начинает вибрировать мобильный телефон, через доли секунды к нему присоединяется мелодия второго аппарата. Мужчина смотрит на экран. Сигарета выскальзывает из его внезапно утративших хватку пальцев, падает на пол, разлетаясь десятком огненных искр. Он поворачивается к Ираклию и его жалит мысль: все потеряно. Ир с размаха бьет экраном мобильного телефона о край стола. Экран трескается, часть микросхем выскакивает. Следует еще несколько ударов — и телефон безнадежно поломан.

— Что же ты наделал? — укоризненно смотрит на Ира Юрий. — Как умудрился запустить Рой?

Ираклий молчит, не отводя взгляда. Смирнов нервно пытается достать телефон из кармана, трясущиеся пальцы не могут справиться с молнией замка. Психанув, мужчина просто разрывает карман и достает телефон Аркадия. С экрана сотового на него смотрит девушка с прозрачными голубыми глазами. Юрий валится на стул.

— Отдал свой телефон вместо Аркашиного и запустил с него кампанию. Вдобавок разбил его, чтобы мы не смогли оперативно остановить Рой. Умно. Но ведь на его аппарате должен стоять пароль. Знаю, что он тебе его не говорил. Как? — недоумевает Юрий.

— Самый простой пароль. Дата его свадьбы с Маргаритой. Уверен: он любит ее до сих пор. Любовь вам не победить, — искренне улыбается Ираклий.

Юрий молча, не поднимая руки, нажимает на спусковой крючок внезапно появившегося в ней пистолета. Ираклий слышит звук открываемой бутылки с газировкой. Пуля проходит навылет в районе сердца и превращается в красное пятно на месте отряда солдат на картине Верещагина. Ираклий сползает со стула.

— По-ка-жи, — слоги выходят вместе с кровью, умирающий тянется к Смирнову.

Юрий молча подходит к нему, рука с мобильным замирает на уровне глаз Ира.

Мир Ираклия сужается до маленькой точки. Последним нечеловеческим усилием фокусирует взгляд на экране телефона, за цифрами часов 23:43 Ир видит девушку на экране. У нее прозрачные голубые глаза и добрая улыбка. Ираклий улыбается в ответ. Она исчезает вместе с ним.

Смирнов наклоняется к телу. Едва слышно шепчет:

— Прости, дружище, и прощай.

Руки закрывают веки. Тяжелый вздох. Мужчина прижимает палец Ира к сканеру отпечатков на мобильном. Телефон разблокирован. Смирнов набирает номер и нажимает на вызов.

— Можно переходить к ключевым показателям?

— Да, давай.

— Сейчас, спустя три недели после запуска Ираклием несогласованной кампании можно констатировать, что ситуация с Роем стабилизировалась. Мы практически вышли на прежние объемы публикаций. Потери от раскрытия Роя составили не более тридцати пяти процентов профилей. Большая часть ущерба пришлось на ботов, цифровые души пострадали незначительно. Безусловно, ваше решение симитировать атаку на сервера социальных сетей, отключить их дата-центры и заблокировать доступ к ним на три дня было единственно верным.

В просторном кабинете — двое мужчин. На всю стену репродукция Верещагина «Апофеоз войны». Хозяин кабинета, бритый налысо, немного за сорок, в дорогом костюме расслабленно сидит в кресле. Рука вальяжно держит бокал с виски.

Напротив, на стуле — толстый молодой мужчина. От сильного волнения полные щеки покрыл румянец. Пятно пота на спине — словно раковая опухоль: все больше и больше, скоро захватит всю розовую рубашку. Из влажной руки на пол вырывается шариковая ручка, и мужчина не решает ее поднять.

— Продолжай, Аркадий, — говорит спокойно главный.

— Да, Юрий. Есть и хорошие новости. Англоговорящий и китайский Рои не пострадали, так как профили из них не были задействованы и не дискредитировались в кампании против «Чувствительного». Руководство социальных сетей не смогло их вычислить.

— Хорошо. Это все?

— По рабочим вопросам — все, — с заминкой отвечает Аркаша.

— Есть еще нерабочие? — спрашивает Смирнов.

— Да, разрешите?

— Разрешаю, — отвечает Юрий с хозяйской интонацией, бокал с виски прикасается к губам.

— Руководство уже приняло решение по моей дальнейшей судьбе? Ираклий ведь использовал мой телефон для запуска кампании, — сбиваясь спрашивает Аркаша.

Смирнов выжидает, то ли наслаждаясь виски, то ли моментом. Затем говорит:

— Тебя хотели уволить за грубейшее нарушение правил работы Агентства, запретить выезд за границу и службу в государственных органах, а также заставить отмечаться в отделении полиции по месту жительства раз в неделю. Но я поставил свою карьеру под удар и ценой своей репутации заступился за тебя.

— Я очень это ценю и никогда вас не подведу, — Аркадий заискивающе улыбается.

— Очень на это рассчитываю. Полгода-год будешь исполняющим обязанности главного воспитателя, если за этот срок не допустишь ни малейшей ошибки, то восстановим тебя в должности.

— Я ведь не виноват в том, что сделал Ираклий. Разве я сторож другу моему?

— Ты виноват не в том, что Ираклий смог выкрасть телефон, а в слишком простом пароле. Это глупость, а глупые люди не должны работать в Агентстве. Но ты заслуживаешь

снисхождения, так как был не в курсе ситуации с Погореловым и Ираклием.

— Я и сейчас не в курсе, — робко молвит Аркаша, не в силах скрыть свое любопытство.

— Это закрытая информация, — отрезает Смирнов.

— Безусловно, но как мне избежать ошибок в будущем, если сейчас не знаю, что случилось. Как мне доказать свою лояльность и то, что мне можно доверять? — Аркадий смотрит в пол.

Юрий наиграно вздыхает:

— Ну, что с тобой делать? Я не сомневаюсь в твоей лояльности. Хорошо, расскажу, что знаю. — Глоток виски. Десятисекундная пауза — и мужчина продолжает. — Николая Ивановича завербовали иностранные спецслужбы. Сейчас наши выясняют, в интересах какой страны он действовал. Он же, в свою очередь, использовал Ираклия, убедив его запустить несанкционированную кампанию против «Чувствительного», и поставил Рой под удар.

— Какой же подонек этот Погорелов! — напускно негодует Аркадий.

— Давай о покойниках не будем говорить плохо, тем более — о бывших коллегах, пока их вина не доказана, — благочестиво заявляет Смирнов. — К чести Ираклия, он, видимо, в последний момент осознал, какую ошибку совершил. Не смог смириться со своим поступком, не выдержал морального груза и именно поэтому покончил жизнь самоубийством у себя в кабинете.

— Да, Николай Иванович мог сыграть на доброте Ираклия и уговорить его спасти жителей Флорино. Ир не понимал, что остановкой тестирования «Чувствительного» дает карт-бланш на испытание такого же оружия спустя несколько лет врагами страны. Хотя, конечно, его могли и подкупить. Он любил красивую и дорогую жизнь. Какое невезение, что в тот вечер нам не удалось поговорить. Уж я бы его уберег от ошибки! — сокрушается Аркадий. — Я спал, когда он пришел и убедил мою

невесту отдать ему мой мобильный телефон, сказав, что забыл его у нас в гостях. Бедняжка, разбуженная посреди ночи, сначала не поверила. Но он разблокировал телефон при ней, и она согласилась. Я так жалею, что строго запретил тревожить меня ночью. Иначе я не высыпаясь, не отдаюсь любимой работе полностью на следующий день и не максимально продуктивен. Она же побоялась разбудить меня.

Юрий слушает монолог Аркадия очень внимательно. На словах про невезение на щеках Смирнова выступает легкая краснота. Краснота постепенно темнеет. Когда собеседник доходит до истории про невесту, кожа Юрия, как кожа хамелеона начинает менять цвет на бордовый, и его захлестывает громкой волной дикого смеха. Односолодовый рыжий задронно выплескивается из трясущегося хрустального октагона, словно боец ММА на дорожную хлопковую рубашку, рожденную недалеко от египетских пирамид и пошитую в самом центре итальянского сапога. Мужчине плевать, он смеется.

Аркадий пугается такой реакции начальника и не знает, как мимикрировать. Его явная растерянность еще больше смешит Смирнова.

Выпустив воздух, словно проткнутая шина, Юрий гасит приступ смеха:

— Аркаша, не будь придурком. Я, конечно, как любой начальник люблю, когда подчиненные тупее меня, но не настолько. Выставляя себя таким идиотом, ты заставляешь меня выглядеть ненамного умнее тебя — а это уже оскорбление. Неужели думаешь, что поверю в пургу, которую ты сейчас пронес? Сколько заплатил живой с тобой шлюхе, чтобы придерживалась этой версии? Говори! Позвоню ей, прикажу все вернуть.

— Юрий, я тебя не понимаю. Это очередная проверка, провокация? Я боюсь представить, что это значит...

— Не ссы, кабинет не прослушивается. Сегодня только проверяли. Можем говорить откровенно. Продажа Родины? Враги государства? Да всем плевать на нашу страну. Большая

часть так называемых наших врагов даже не подозревает о нашем существовании. Всех интересуют только их собственные дела: власть, деньги, дома и норки, ну может еще норки любовниц или шубы из норки подруг, если мы говорим про женщин. Настоящая же война давно идет только за экономическое влияние, рынки, ресурсы. Внешняя политика, к моему сожалению, скатилась до инструмента отвлечения населения от внутренних проблем. Но они это заслужили! Уверен, минимум восемьдесят процентов жителей любой страны даже не знают названия государств соседей. Дай бог, если хотя бы двадцать знает правильное название своего. Да что говорить, имена министров своей же Родины знает не больше одного процента!

Аркадий усердно поддакивает. Смирнов, взглянув на него, продолжает.

— Неудивительно, что спецслужбы и разведки мира переключились на борьбу за власть внутри своих же стран, внешняя угроза исходит только от хиленьких религиозных фанатиков. Забудь про предателей! Все, что я тебе рассказал про Ираклия, — откровенная ложь, как и твоя байка про то, что ты спал, когда он приходил.

— Ну да, не спал и в самоубийство не верю, — идет ва-банк Аркадий. — Он никогда бы так не поступил. Слишком сильно жизнь любил.

— Ну слава богу, ты не полный идиот. Правильно делаешь, что не веришь. Его ликвидировали за предательство. Прав насчет любви. За любовь у нас в стране не убивают. Пока. Ираклий любил, а влюбленные люди убивают себя только в том случае, если их любовь несчастна, невзаимна или умерла. А его была счастливой, односторонней и умереть не могла. Ради нее пошел на подвиг, за это не могу его осуждать, только уважать.

— Я все равно до конца не понял, какую концепцию он загрузил в Рой. Что сделал, и при чем тут Николай Иванович, — перебивает Аркадий.

— Сам не знаю, и никто не может разобраться. Все эксперты склоняются к версии, что он запустил несколько кампаний сразу последовательно и параллельно, из-за этого наши контрмеры не достигли эффекта. В дополнение — он сразу стер все активности, а поверх них загрузил старые. Свое исходное письмо он удалил. А мы из-за принципиального отказа от бэкапов не смогли восстановить с почтового сервера. Компьютер вместе с другими ценными предметами из его квартиры украли во время грабежа в невыясненное время. Это было бы смешно, если бы случилось не с нами: дверь в квартире Ираклия была открыта три дня, пока кому-то в Агентстве не пришло в голову съездить и прочитать отправленный файл с концепцией на его компьютере. Мы не знали, чему противостоять, — признается Смирнов.

— Что говорить, я первые дни тоже был тут, пытаюсь помочь. Ни разу столько людей в Агентстве не видел. Затем началось расследование. Мне запретили покидать дом, — жалуется Аркадий.

— В твоих же интересах. Я твою шкуру спасал, — осаживает его Смирнов.

— Повторюсь: ценю и не подведу. Ну, расскажи, пожалуйста, что удалось выяснить, — мужчину распирает любопытство.

— Все в его стиле. Три этапа. Первый ты знаешь. Изменение адресов всех пользователей на Флорино, этим он сразу поставил Рой под удар, скомпрометировав его участников. На весь Рой была запущена команда постить на своих стенах, на страницах публичных групп музыкантов, политиков, СМИ, крупных компаний фразы, сгенерированные по его заданию искусственным интеллектом. Мета-смысл после частичной дешифровки — что-то вроде «Я — тупой бот. Не живой человек. Запущен специально для поддержки испытаний “Чувствительного”». Остановите убийство людей Флорино». С этим этапом мы более-менее справлялись. Тушили костры: комментариями, цензурой, блокировкой. Но общественное внимание к ситуации росло. Был риск полностью потерять контроль.

— Если бы не?.. — начинает и делает паузу Аркадий.

— Если бы не ты, — соглашается Смирнов. — У нас не было доступа к Рою, так как Ираклий разбил контрольный аппарат. Соответственно, мы не могли отозвать сообщения или опровергнуть их. Да, черт побери, даже не могли запустить какую-либо кампанию. Но ты предложил отличную идею — назвать это флэшмобом. Подключить СМИ, чтобы они объявили, что в сети набирает популярность новый флэшмоб, и призвать всех пользователей присоединиться. Всего-то требовалось поменять город проживания в профиле, чтобы избежать контроля и слежки со стороны социальных сетей. СМИ отработали по полной, а мы хорошо сыграли на пред-рассудках и общественных страхах. Настоящие, то есть живые пользователи стали делать так же, и мы вывели Рой из-под удара. Благодаря этому администрация социальных сетей и заинтересованные лица не смогли вычислить всех участников Роя. Этим шагом, собственно, ты и спас свою... — не договаривает Юрий, затем подбирает подходящее слово и заканчивает, — карьеру.

— Приятно знать, что заслуги ценятся в нашей компании, — непонятно, то ли язвит, то ли без задней мысли говорит Аркадий.

— Безусловно. Если бы только все закончилось на первом этапе. Второй был серьезнее. Все участники Роя стали слать личные сообщения своим контактам, приблизительно того же содержания, что и в первом, но с большим количеством синонимов и с добавлением метафразы: «Я либо бот, либо мы не знакомы, либо я давно умер. Проверьте, мы с вами никогда не встречались. Не допустите испытания оружия на жителях Флорино». Как ты знаешь, Агентство обнаружило этот этап слишком поздно, еще больше времени ушло на согласование контрмер. В итоге большая часть страны узнала о планируемом ударе «Чувствительным» по Флорино. Закрытые соцопросы показали, что 87 процентов населения его осуждают. Было принято решение отменить тест оружия.

Дополнительно увели ситуацию из фокуса общественного внимания. Запустили несколько отвлекающих инфоповодов: сексуальный скандал с известным режиссером, развод актера с моделью ради другой актрисы и вызывающее поведение пьяного чиновника. В качестве подстраховки и ради спасения Роя мы пошли на беспрецедентные меры: организовали DDoS-атаки на сервера, отключили дата-центры, блокировали доступ к соцсетям и мессенджерам. Все это прошло под видом учений по изоляции нашего сектора интернета. Затем произвели откат локальных серверов социальных сетей до этапа запуска второго этапа, в итоге удалось избежать деуаризации основного массива Роя, — вздыхает с облегчением Юрий.

— А что по итогу с обкаткой «Чувствительного»? — спрашивает Аркадий.

— Государственная тайна. Но скоро будет официальное заявление по федеральным телевизионным каналам, как только основные твердые контракты на поставку будут заключены. «Чувствительный» будет испытан через несколько дней в стране третьего мира. Там сейчас как раз очередная революция. Основным клиентам туда даже добираться проще и визы делать не надо, — грубо шутит Юрий.

— Ты говорил, что в кампании Ираклия было три этапа, — напоминает Аркаша.

— Хитро и страшно, — вздыхает толстяк.

— Да. Согласен, — Аркадий слышит нотки восхищения в голосе Смирнова.

— А с Погореловым что? — вздрагивает уже было забывший мужчина.

— После запуска кампании Ираклий позвонил со своего мобильного Погорелому. Мы отследили звонок. Видимо, хотел отчитаться о запуске кампании, — рассказывает Юрий.

— И что Погорелов рассказал? Его ведь допросили? — глаза Аркадия прищуриваются.

— Ничего. Не успели. Сердечный приступ. Чистая случайность, труп обнаружили следователи.

— *Античная трагедия в славных русских лицах.*

— Да, в ней намек и тебе урок. Не повторяй чужие ошибки. Аркадий молча кивает, а затем решается:

— Последний вопрос. Что делать с профилями Николая Ивановича и Ираклия? Категорировать и добавить в Рой как цифровые души? — Из кармана штанов Аркаши появляется помятый лист бумаги. Аркадий разворачивает его и начинает читать. Юрий понимает, что мужчина готовился к этому моменту и задумывается, кто кого обыграл. — У Погорелова 35 фотографий, нейросеть систематизировала их по категориям: пенсионер, успех, пенсия, богатая жизнь, ответственная должность, рыбалка. У Ираклия больше 800, категории следующие...

Смирнов перебивает:

— Погорелова в Рой, Ираклия сотри.

Дорогой читатель!

Большое спасибо, что прочитали мою книгу.

Буду очень вам признателен за честный отзыв о ней. Вы можете разместить его в своих социальных сетях с хэштегом #цифровыедуши, а также прислать на почту book@digitalsouls.ru и я размещу его на официальном сайте книги www.digitalsouls.ru. В ответ я вышлю вам обои для рабочего стола по мотивам обложки книги «Цифровые души».

Пожалуйста, не становитесь пиратом, не выкладывайте книгу в интернете и не пересылайте ее третьим лицам. Я не сотрудничаю с издательствами, все делаю самостоятельно, и единственным признаком того, что мне стоит писать новые произведения, является ваш интерес, который выражается в продажах.

Большое вам спасибо!

С уважением,
Автор

Литературно-художественное издание

Галка Руслан Витальевич
ЦИФРОВЫЕ ДУШИ

Корректор *Павлюк Ю.А.*
Дизайн обложки *Prima Leta*
Верстка ООО «Книжное Ателье»